Виола Редж
Бюро добрых услуг на Абрикосовой улице

Виола Редж

Бюро добрых услуг на Абрикосовой улице

«Автор»
2026

Редж В.

Бюро добрых услуг на Абрикосовой улице / В. Редж — «Автор», 2026

Больше всего Теодора Валь любит семью, путешествия и свою карьеру. Из-за семьи она не смогла отказаться от наследства дяди-артефактора. Но стать хозяйкой в его мастерской - поставить крест на карьере. Придётся выбирать. А может, лучше совместить несовместимое и раскрыть все тайны доставшегося в наследство дома? Особенно в присутствии симпатичного мастера, что взялся помочь с ремонтом?В книге есть:- куча странных артефактов;- целеустремлённая героиня;- дом с секретом на Абрикосовой улице;- страшно деятельный и ужасно прожорливый шпиц;- слегка застенчивый герой;- феи, ведьма и другие жители Абрикосовой улицы.

© Редж В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 16
Глава 4 21
Глава 5 26
Глава 6 30
Глава 7 36
Глава 8 42
Глава 9 47
Глава 10 54
Глава 11 63
Глава 12 71
Глава 13 77
Глава 14 84
Конец ознакомительного фрагмента. 88

Виола Редж
Бюро добрых услуг на Абрикосовой улице

Глава 1

– Ну вот, – широким жестом обвёл помещение мэтр Симоне, – теперь это всё ваше.

«Это всё» было старой мастерской по ремонту бытовых артефактов, которую по какому-то недоразумению завещал мне двоюродный дядюшка Руджеро, да покоится он с миром, и больше всего напоминавшей заваленный хламом сарай. Правда, для сарая у него был слишком хороший фасад из красного кирпича и высокий потолок, но в остальном – не отличить.

– Место прекрасное, – продолжал вещать нотариус, – тихий район, приличные люди, и даже если доходность вас не устроит, вы всегда сможете продать эту недвижимость с изрядной выгодой.

– Пожалуй, так я и поступлю.

Ну в самом деле, зачем мне недвижимость в Апарисью, если вся жизнь проходит на круизном лайнере «Принцесса морей»? Нет, я не из тех пассажиров, что могут позволить себе поселиться в каюте. Я просто там работаю.

Но это моё намерение почему-то не вызвало энтузиазма.

– Продать? – рядом раздался голос единственного артефактора мастерской дедули Огюстена. – Дорочка, нас нельзя продавать! А как же Абрикосовая улица? Как же люди, которые привыкли приходить сюда со своими проблемами?

– Зато вы наконец-то выйдете на пенсию, – старика почему-то было жалко с самого момента знакомства, – и сможете заниматься своим садом, как всегда мечтали.

– Пенсия, – он схватился за сердце, – Дорочка, ну какая может быть пенсия, когда у госпожи Борк постоянно ломается любимый метлолёт, Хуанита Косме то и дело приносит для настройки пароварный котелок, который вместо тушёных овощей вдруг выдаёт картошку-фри, а Поль Твиго жалуется на свои самостригущие ножницы?

– Он парикмахер? – против воли заинтересовалась я.

– Садовник муниципалитета, – укоризненно ответил мастер Огюстен. – Представь только, я точу их в понедельник, а в среду он приносит их снова тупыми! С пустым кристаллом!

– На нашей улице много зелени, – глубокомысленно вмешался нотариус, – вот он и работает, а ножницы разряжаются. Вы лучше покажите госпоже Валь мастерскую.

Мэтр Симонэ тоже с Абрикосовой? Хотя чему я удивляюсь, иначе как бы дядя Руджеро, типичный домосед, ни разу не выезжавший за пределы своего любимого Апарисью, сделал его своим душеприказчиком?

– Тут у нас приёмка, – дедуля шустро вскочил со своего места за заваленным какими-то металлическими и прочими штуковинами столом и перебежал ближе к входу.

Взгляд упирался в подобие деревянной регистрационной стойки невнятного цвета. Впрочем, рассмотреть её мешали кучи каких-то бумаг, пёстрых небольших журнальчиков и большая тетрадь в кожаном переплёте с полустёртой надписью «Книга жалоб и предложений».

Я взяла её в руки, и тут же рядом материализовалось самопишущее перо, предлагая зафиксировать ещё невысказанную мысль. Пришлось возвращать тетрадь на место. Рядом суетился артефактор, пытаясь сложить бумажки в стопку.

– Квитанции, – извиняющимся тоном бормотал он, – вечно забываю...

– Ничего страшного, – мягко сказала я.

Всё равно избавлюсь от этого, прости водяная матерь, наследства. Только нужно будет как-то успокоить старика.

– А здесь у нас склад запчастей, – тот юркнул куда-то вбок и открыл незаметную дверь.

А помещение-то, оказывается, немного больше, чем я думала. За дверью была просторная комната, где, для контраста, царил образцовый порядок. Вдоль стен стояли стеллажи от пола до потолка, на полках которых хранились неизвестные мне большие штуковины и штучки помельче. Некоторые полки даже были подписаны, что напомнило мне продуктовые склады на «Принцессе морей». Правда, здесь, вместо деликатесов и всегда свежих экзотических фруктов, находились, если верить глазам, кристаллы магаккумуляторов самых разных форм и размеров, метловины с градуировкой по длине и гибкости, коробочки с самонаводящимися болтами от самого малого до самого большого диаметров и какие-то вовсе непонятные детальки с пометками в виде единичных литер на полках.

Свет здесь давали «вечные лампы», потому что окна в комнате не было. И мне снова с ностальгией вспомнились нижние палубы лайнера, где они светили круглосуточно.

– А тут у нас донорские артефакты, – махнул рукой вправо дедуля Огюстен, – ну, это, знаешь, уже нерабочие, но с исправными деталями. Ведь не всегда можно заказать по каталогу ту детальку, что вышла из строя.

– Почему? – рассеянно уточнила я, думая о своём.

Ни один нормальный человек не купит здание в таком состоянии, отсюда надо всё выгребать и делать хоть какой-то ремонт. А это – вложения. Придётся тут немного задержаться и получить доход с этой мастерской, а уж потом ремонтировать и продавать. Успею ли за отпуск?

– Потому что, Дорочка, – явно обрадовался старик, – приносят иногда такую древность, что уж давно не производят. Вот недавно фея Миранда принесла уникальный раритет...

– На Абрикосовой улице живут феи? – перебила я удивлённо.

– Не самые приятные соседи, – вмешался подкравшийся сзади нотариус. – Шумные, агрессивные, раздражающие.

– Да что вы, господин Симонэ, – замахал руками дедушка Огюстен, – милейшие создания, если не трогать их растения.

Верно. За свои цветочки и прочую зелень феи могут порвать любого. И потом на удобрения пустить запросто. Дети природы, что с них взять. Мне не раз и не два приходилось сталкиваться с такими пассажирками на «Принцессе морей», привыкла.

– А там что? – я махнула рукой на выход.

С этого ракурса глаза упирались в широкий верстак, на который сначала я не обратила внимания.

– Это место мастера, – тут же ответил дедушка Огюстен, – раньше там твой дядя сиживал, а теперь...

– А что там за инструменты? – живо перебила я, потому что от рассказов про дядюшку его друг и единственный оставшийся в мастерской артефактор начинал грустить и украдкой хлюпать носом.

Мы подошли ближе, и я с недовольством отметила, что дядюшка за своим местом вообще не следил. Вся поверхность верстака была испещрена глубокими царапинами и местами даже обуглилась. Чтобы привести это хоть в какой-то относительно нормальный вид, надо выбросить всё к водяной матери и поставить новое. Да тут вложений будет явно больше, чем прибыли!

– Это рунные резцы для гравировки, – тем временем с воодушевлением рассказывал дедуля, – а это – энергетическое правило для выравнивания охранных контуров.

Инструменты висели на крючках над верстаком и не интересовали меня совершенно. Ну где я и где ремонт артефактов? Но по привычке вникать в каждую мелочь я слушала и продолжала задавать вопросы.

– А это что? – отдельно неподалёку стоял большой квадратный стол с единственным на нём агрегатом.

Тот больше всего напоминал компас в квадратном металлическом корпусе, только стрелок у него было несколько, а циферблат вместо градусов представлял собой какие-то нечитаемые пиктограммы.

– Ауральный спектрометр, – торжественно произнёс дедуля Огюстен, – главный прибор в диагностике неисправностей. Определяет не только нарушение магоконтуров и нестабильность в энергоядрах, но даже контаминацию посторонними заклинаниями!

– Дорогой? – я всмотрелась в прибор внимательней.

– Бесценный, сейчас таких днём с огнём не сыщешь, – с энтузиазмом ответил мастер.

И назвал год выпуска. Мда. Меня тогда и в проекте не было. Должно быть, действительно ценность. Историческая.

– Если экскурсия завершена, у меня осталась ещё одна небольшая формальность, – вмешался нотариус.

– Нет, конечно, не завершена! – воскликнул экспрессивный дедуля Огюстен. – А закрытый полигон для испытаний отремонтированных артефактов? Он в отдельном помещении, ибо дело у нас непростое и местами даже опасное.

Он схватил меня за руку и с недюжинной прытью потащил к другой малозаметной двери. За ней оказалась просторная комната, обшитая от пола до потолка металлическими листами. Да ладно. Неужели для испытаний артефактов необходимо использовать броню? Пол, кстати, был разрисован пентаграммами, кругами и звёздами, начерченными цветными мелками.

– Больше похоже на комнату для мистических обрядов, – хмыкнул за спиной нотариус.

– Некоторые артефакты, особенно те, что с историей, – важно поднял палец дедуля-артефактор, – и создавались во время таких обрядов, поэтому на испытаниях не повредит никакая дополнительная защита.

– Ещё закрытые комнаты в мастерской имеются? – спросила я о том, что казалось самым важным.

Ведь от площади здания напрямую зависит его цена.

– На втором этаже, – тотчас кивнул дедушка Огюстен, – но там жил твой дядя Руджеро.

– Как раз этого и касается та небольшая формальность, о которой я уже упоминал, – встрял нотариус. – Пойдёмте, госпожа Валь, дверь на лестницу там.

Он махнул рукой куда-то влево, а я пыталась сообразить, почему с улицы не видно никакого второго этажа? Снаружи мастерская выглядела такой же одноэтажной, как и внутри.

– Дом с пространственным карманом, – доверительно сообщил нотариус. – Мне осталось лишь вручить вам активатор портала.

Похлопать глазами вдосталь не получилось (дом с пространственным карманом, ай да дядя, просто с ума сойти!), просто на лестнице было не слишком-то светло. А главное, пыльно. Да на «Принцессе морей» за такую пыль на каком-нибудь трапе я бы выдала таких люлей как матросам, так и горничным, что прости водяная матерь. Впрочем, все помещения лайнера, за которые отвечала я лично, никогда бы не пришли в столь плачевное состояние.

Второй этаж выходил окнами во двор. Здесь тоже было несколько комнат, но площадь казалась значительно меньше, чем в мастерской. Небольшая кухня, спальня, ванная порадовали относительным порядком. Бардак в чисто мужском стиле встретил только в комнате, что служила, видимо, основным местом досуга почившего дядюшки. На столе вперемешку лежали газеты, какие-то карты, доска для трик-трака, пустые коробки и что только тут не лежало. Старое кресло, продавленный диван, на котором почему-то стояла железная миска с костями, теннисный мяч посреди смятых полотняных дорожек на полу

– Негодяй, – вдруг высказался дедуля Огюстен, – негодяй!

Я в недоумении повернулась к старику. Это он о своём коллеге и моём покойном дяде вдруг мнение изменил? Неожиданно. Или причина в миске давно обглоданных костей?

– Господин Огюстен, – проявил удивление и нотариус. – Где собака?

Негодяй, собака, может, тут бездомный поселился? Я покрутила головой, совершенно переставая что-либо понимать.

– Спрятался, – неуверенно предположил артефактор.

– Где тут можно спрятаться? – возмутился мэтр Симонэ. – Или вы опять выпускали его гулять?

– Он так просился – спрятал глаза дедушка Огюстен.

Я переводила взгляд с одного на другого и старалась выглядеть невозмутимой, как капитан на мостике при виде внезапно возникшего айсберга.

И вдруг сзади в лодыжку ткнулось что-то мокрое и холодное. Я с трудом не заорала, а когда обернулась, увидела мелкую псину, которая молчаливо обнюхивала мои туфли на высокой шпильке.

– Откуда тут мопс? – вопрос удалось задать недрогнувшим голосом.

– Негодяй! – в два голоса обрадовано воскликнули нотариус и артефактор.

– Господа, вы слышали, что я спросила? – рявкнула я, выведенная из себя присутствием мелкой собаки с очень острыми зубами.

Милой мордашкой и бантиком в горошек на лохматой чёлке меня не проведёшь!

– Это шпиц вашего дядюшки, – сообщил нотариус с едва заметной улыбкой.

– Негодяй, – подтвердил дедушка Огюстен, – я за ним присматривал, но теперь

– Если вы хотите сказать, что теперь за ним должна присматривать я, то сразу нет, – тщетно пытаясь отойти от мопса, который очень увлёкся моими туфлями, объявила я.

– Ну почему же сразу нет? Негодяй очень спокойный милый пёс, – нагибаясь к нему, чтобы взять на руки, возразил дедуля.

– К тому же ваш покойный дядя каким-то образом спрятал в нём ключ от портала, – добавил нотариус. – Именно его я и обязан передать вам, как законной наследнице.

– Нет, – вырвалось у меня.

Ну дядя Рудж, ну затейник Не будет тебе никаких пирогов на поминки, так и знай!

Вся семья знала, что малышку Теодору в детстве укусил соседский пёс, вследствие чего эта малышка даже во взрослом возрасте категорически не терпела собак. Особенно таких вот мелких, вертлявых и тихих. Псина ни разу не тявкнула, одно это уже настораживало.

Пожалуй, всё преимущество дома с пространственным карманом было погребено сейчас под мелкой лохматой тушкой кобелька, на которого был завязан портальный ключ. И дядюшка прекрасно это понимал, делая наследницей меня!

– У него есть намордник? – вспомнив неоднократно выручавшие «Правила морской перевозки животных», жёстко спросила я.

Господин нотариус ответил непонимающим взглядом, дедуля Огюстен – удивлённым «А зачем?». Но больше всего возмутился сам пёс – впервые подал голос, который был больше похож на скрежет металла по стеклу, чем на звонкий собачий лай.

– А как же вести его в отель? – возмутилась я. – Если уж вы навязываете собаку мне, нужно соблюдать инструкции.

Шпиц повернулся задом, демонстрируя своё отношение к инструкциям. Как будто это не его мне втюхали вместе с домом.

– Дорочка, зачем же тебе опять тратиться на отель, оставайся тут, – от широты души предложил дедуля Огюстен.

– Тут для начала неплохо бы прибраться, – я уж не говорю про ремонт и замену мебели. – Есть в вашем городе какой-нибудь клининг?

Мастер с нотариусом недоумённо переглянулись.

– Нанять кого-то для уборки можно? – перевела я профессиональное в общедоступные термины.

– Ну, – почесал в седом затылке дедуля, – у нас как-то каждый сам у себя убирает.

– Спрошу у жены? – неуверенно предложил нотариус.

– Тогда у нас два варианта – намордник, ошейник и поводок или, – я намеренно затянула паузу, надеясь на добросердечие дедули, – собака останется тут. Без меня.

– По завещанию я обязан передать пса вам, – строго сказал нотариус.

– Так я и не отказываюсь, просто временно мы поживём врозь. Если, конечно, мастер Огюстен согласится пока принять на себя заботу о четвероногом друге моего дяди.

– Дорочка, я же старый человек, – завздыхал дедуля, – а Негодяй такой шустрый, что иной раз и не угонишься.

Псина тявкнула, подтверждая его правоту, и пнула носом мяч. Мяч ударился о стену, изменил направление и докатился до моих туфель. Я непроизвольно оттолкнула его, и мопс со счастливым видом кинулся ловить.

– Ладно, я смогу с ним гулять, – с зубовным скрежетом выговорила я, – но в намордник, ошейнике и с поводком.

– У него нет намордника, – с облегчением признался дедуля, – а ошейник и поводок надо поискать, Руджеро хвастал, что сделал для Негодяя артефакт, чтобы тот не потерялся.

– Отлично, – я не то чтобы обрадовалась, просто одной статьёй расходов стало меньше, – зайду ближе к вечеру, возьму всё это и погуляю с собакой.

Мопс в это время пнул мяч, да с такой неожиданной силой, что тот подлетел на полметра минимум и, проехавшись по столешнице, смёл всё с журнального столика.

– Ну вот, а вы говорите клининг, – философски высказался мэтр Симонэ.

– Негодяй, – укоризненно произнёс дедуля Огюстен, – как тебе не стыдно?

Пёс раскрыл пасть и высунул язык. Получилась такая себе хулиганская улыбочка на чересчур довольной морде.

– Пока я ещё тут, покажите вашу бухгалтерию, – обсуждать возмутительное поведение пса я не собиралась, подозревая, что кличку ему дали не случайно.

– Дорочка, ты и в этом разбираешься? – обрадовался единственный сотрудник мастерской.

А как же, в прошлый отпуск я закончила полугодичные бухгалтерские курсы. Для карьеры полезно, да и для себя не помешает. Ведь начальник службы заботы – хорошая должность, но мне всего тридцать шесть: на пике своей карьеры я видела себя не меньше, чем начальником службы персонала. Не лайнера, всего холдинга «Золотой круиз».

– Вот не зря Руджеро тебе всё оставил, не зря! – продолжил дедуля Огюстен. – Пойдём вниз.

– Минуточку, а собака? – напомнил нотариус.

– Пока посидит здесь, – я решительно двинулась к выходу. – Кости у него есть, мяч тоже. Не пропадёт.

Пёс недовольно тявкнул. Надо же, умеет лаять, как обычные собаки, а не скрежетать, как старая портовая лебёдка.

– Негодяй, мы недолго, – оправдывающимся тоном попрощался с ним дедуля Огюстен.

Я торопливо шагнула за дверь, думая о том, как искать спрятанный дядюшкой портальный ключ. Если бы он был снаружи, то его уже наверняка бы нашли – не нотариус, так дедушка Огюстен. Он ведь артефактор, как и дядя Рудж. Но простых решений покойный не любил. И что теперь делать? Свожу мопса к ветеринару, пусть проверит, вот.

По лестнице я спускалась первой, ощущая растущую в душе злость на почившего дядюшку – и за оставленную после себя помойку, и за мопса, и за то, что ни словом никому не обмолвился про свой уникальный дом.

Но порассуждать об этом толком не вышло: в мастерской уже оказался клиент. Судя по здоровым ножницам, лежащим на столе дедули Огюстена, тот самый Поль Твиго – садовник муниципалитета собственной персоной.

– Огюстен, старина, – он среагировал на движение, даже не взглянув в мою сторону, – выручай! Ножницы снова затупились.

– Иду-иду, – откликнулся артефактор, входя следом за мной в мастерскую, – вы уже познакомились с нашей новой хозяйкой?

Я широко улыбнулась, а садовник – здоровенный дядька с усами и бородой цвета соли с перцем в рабочей спецовке – наконец-то обратил внимание, что дедуля тут не один.

– Здравствуйте, мадам, – сказал он, – простите, я думал, что идёт Огюстен.

– Доброго дня, – нейтрально отозвалась я.

– Доброго дня, господин Твиго, – поздоровался и явившийся последним нотариус. – Опять ножницы барахлят? Может, пора уже заменить их на новые?

– Это уже вторые за три года, – горестно вздохнул садовник, когда дедуля Огюстен уже начал ковыряться в артефакте. – Мэрия не выделит средств на покупку, пока не пройдёт гарантийный срок.

– Так ваши ножницы ещё на гарантии? – удивилась я. – Почему тогда их ремонтирует наша мастерская, а не гарантийная?

– Гарантийная в Касадене, Дорочка, – объяснил дедуля Огюстен.

Ну да, всё время забываю, что Апарисьо – слишком мелкий городок для того, чтобы в нём работали известные фирмы-производители артефактов. И, к слову, не они одни. В последние годы жизни дядюшки семья высылала ему всё необходимое, начиная от носовых платков и заканчивая ботинками.

– Пожалуй, буду прощаться, – перебил мои мысли мэтр Симонэ, – свой долг я исполнил, теперь, госпожа Валь, наследство в ваших руках. Если появится надобность – обращайтесь.

Я выразила благодарность и заверила нотариуса, что непременно обращусь. Даже проводила его до порога мастерской.

Всё это время дедуля Огюстен возился с ножницами, а садовник Твиго то вздыхал, то охал, делясь с артефактором объёмом непроделанной работы. Пришлось перебить, чтобы выяснить, где хранится бухгалтерская отчётность.

– Там, – махнул рукой куда-то в сторону дедуля, – вон шкаф, видишь?

Шкаф стоял у стены, почти сливаясь с ней по колеру, и вызывал подозрения своим аккуратным видом, выбивавшимся из общего поля мастерской. Рядом стояли старый стул и небольшая скамеечка. Я приоткрыла створки и почуяла густой застарелый запах пыли. Внутри всё было забито старинными бумажными папками на тесёмочках, а на верхних полках просто лежали стопки разнокалиберных листков, тетрадей и журналов.

В общем, претензий к дядюшке прибавилось. Но и это было не самое плохое. Самые свежие платёжки, поступившие уже после его смерти, представляли собой требования о возмещении коммунальных расходов и уплате городских налогов. И суммы там стояли такие, что захотелось протереть глаза.

Ну а когда я всмотрелась в подписи на документах, то всё же это сделала. Да не может такого быть!

– Извините, что прерываю, – вклинилась я в диалог дедули и садовника, – а Албин Беньято – он у вас кто?

– Так это наш мэр, – обрадовал дедуля Огюстен. – А ты что, письма его нашла?

– Нет, только платёжки за коммуналку и налоговые требования, – сквозь зубы ответила я.

Только бывшего мне тут и не хватало.

Глава 2

Пока я металась между желанием бросить всё к водяной матери и сообщить семейству, что отказываюсь от наследства, и собственной взъерепененной натурой, требующей поставить всех на место – всех, значит, всех, включая покойного дядю и вполне здравствующего, судя по бумагам, бывшего, дедуля Огюстен закончил работу с самостригущими ножницами и теперь прощался с господином Твиго.

– Приходи, приходи, приятель, – напутствовал он садовника, – ты же знаешь, мы всегда открыты.

– Ох, – ответил тот уже стоя в дверях, – и так хожу к тебе, как на работу. До свидания, госпожа Валь.

– Желаю вам, чтоб ножницы в этот раз прослужили подольше, – ответила я и перевела взгляд на дедулю Огюстена.

Почему-то в моём воображении он сейчас должен был закрывать металлическую коробку из-под леденцов, куда только что убрал деньги клиента. А ещё было интересно

– Сколько заработали?

– Дорочка, да ведь ножницы на гарантии, – всплеснул руками в старческих пятнах дедуля. – Как можно брать за гарантийный ремонт деньги?

Я напряглась. Если садовник ходит сюда, как на работу, но не платит мастеру ни гроша, на что вообще существует мастерская? Кажется, я начинала понимать обоснованность требований мэрии.

– Скажите, а много у вас таких бесплатных клиентов?

– У нас, Дорочка, у нас, – оптимистично ответил артефактор. – Ну, дай посчитать. Госпожа Борк, Хуанита Косме, Эмильяна Брондесма, Поль Твиго, Жозеф Тай и ну и ещё несколько человек.

– Хорошо, спрошу иначе, – спокойно сказала я, всем скальпом ощущая шевеление волос, – сколько вы зарабатываете в неделю?

Он назвал сумму, которую я обычно тратила на маникюр. Хорошо. Допустим, в Апарисью всё намного дешевле по сравнению с нормальными городами. Но ведь кроме еды человеку нужны одежда, обувь, зубная паста и шампунь, средства на те же коммунальные платежи, наконец!

– Минуточку, – сказала я старику, понимая, что сейчас хочу только пророраться.

Если я немедленно не скажу всё, что думаю, дорогим родственницам, из-за которых вляпалась в это наследство, меня разорвёт на много-много маленьких Дорочек.

Мамуля сейчас наверняка возится с Ванилькой, своей внучкой и моей племяшкой, укладывая малышку спать. Беспокоить её в такой момент и будить ребёнка нехорошо. Придётся потревожить тётку Розалию. Или уж сразу бабулю Полетту? Глаза застилала красная пелена, поэтому я ткнула в панель бормотунчика не глядя.

– Алле-е, – кокетливо отозвалась на другой стороне госпожа Полетта Ограммон, – кто это?

Бабуля никак не могла освоиться с недавно появившимися артефактами связи размером с небольшую коробочку, пользуясь только кнопками «ответить» и «отключить».

– Бабуля, – ласково начала я, поздоровавшись, – а ты знала, что у дяди Руджа есть собака?

– Собака? – переспросила она таким тоном, что стало ясно – знала. – А разве её не забрал этот... как его... Огюст?

– Огюстен, – поправила я. – Присматривал до моего приезда, а теперь оказывается, что псину по завещанию тоже отписали мне!

– Дора, ты кораблём командовала, неужто не справишься с какой-то там собачонкой? – заюлила бабуля. – Ты лучше скажи, как тебе дом?

– Это не дом, а сарай, – припечатала я от всей возмущённой души (не помогла даже лесть про корабль), – ты хоть представляешь, какой тут бардак?

– Обычный, – хмыкнула она, – как у любого одинокого старика. Ну детонька, разве ж я виновата, что Руджеро так и не женился?

– Не уводи разговор, – душа требовала сатисфакции, – это ещё не всё. Мастерская в плачевном состоянии, дядюшка не платил коммуналку и налоги несколько месяцев, а то и лет!

– Ничего не слышала про долги, – слегка напряглась бабуля.

– Не слышала или не хотела слышать, лишь бы оставить в семье уникальный дом с пространственным карманом? – ласково уточнила я.

– Дорочка, ну зачем мне тебя подставлять? – вкрадчиво спросила она. – Дом-то и вправду уникальный, мой племянник был хоть и чокнутый, но гений. И уж поверь, я точно знаю, что ты справишься с его наследством.

– Интересно, откуда? – хмыкнула я.

– А не справишься, я сама приеду в этот городишко, и тогда... – угрожающе начала бабуля, но я перебила.

– В этом городишке тебя ждет много неожиданного. Например, его мэр – мой бывший.

– Албин стал мэром? – с живым любопытством спросила она. – Может, я его в своё время недооценила?

– Бабуля, – рявкнула я, – если это всё, что ты можешь сказать, то...

– Теодора, не колготись, – ответила она строгим голосом, – я сейчас подумаю, что можно сделать. С Магритой посоветуюсь. Ну а ты, как это у вас... будь на связи, вот.

Ну что сказать? Легче не стало, если только самую малость. Уже осознанно я выбрала в списке контактов тётку Розалию. Ей тоже высказала всё, что думаю по поводу дядюшкиного наследства.

– Дора, дорогая, – задушевно сказала тётка, – ты продержись там хотя бы месяц. Как только я закончу текущий проект, сразу приеду тебе помогать.

– Ты ведь тоже знала про собаку, – возмутилась я. – И почему не предупредила?

– Потому что тебе давно пора справиться с этой глупой детской фобией, – совсем другим тоном ответила она. – И шпиц, на мой взгляд, лучший вариант. Я специально выясняла: они отличные компаньоны и практически не создают проблем хозяевам.

– Розалия, – рявкнула я, выслушав этот бред, – собаки создают проблемы одним своим существованием, тем более этот мопс!

– Он не мопс, а шпиц, – поправила тётка, – это совершенно разные породы.

– Да плевать! Раз теперь ответственность на мне, будет мопсом, – кажется, я уже действительно орала. – Дому нужен ремонт, псу поводок и намордник, и это не говоря уж о деньгах на коммуналку и налоги!

– Разве мастерская не приносит доход? – Розалия умела пропускать мимо ушей любые вопли, вычленяя нужную информацию.

– Здесь всё ремонтируют бесплатно, – я покосилась на артефактора и чуть сбавила обороты. – А в квартире дяди Руджа такой бардак, что тошно просто зайти.

– Ну а дом? Твоя бабушка утверждала, что он просто необыкновенный.

– Да, но продать его можно только после полноценного ремонта, на который, как ты понимаешь, тоже нужны деньги, – тут я снизила голос почти до шёпота, снова оглянувшись на очумевшего дедулю Огюстена.

Старик-то вообще ни при чём, это ж не он виноват, что дядюшка Рудж не нашёл другого подходящего кандидата на собственное наследство. И не ему подсуропили сарай с пространственным карманом, который совершенно бесполезен без ключа от портала. Я успокаивающе

улыбнулась мастеру и вышла на улицу, пока тётка снова говорила, что приедет через месяц, а мне надо всего лишь продержаться это время и не слететь с катушек.

На Абрикосовой улице было пусто, тихо и спокойно. Невысокие аккуратные домики, полускрытые садовыми деревьями, уходили в горизонт, аккуратные фонарные столбы создавали иллюзию благоустроенности, а плитка на тротуаре выглядела хоть и не новой, зато респектабельной.

В небе проплывали одинокие облачка, практически не мешавшие дневному светилу. Воздух, несмотря на жару, казался свежим, лёгкий ветерок нёс волны цветочного аромата. Я покрутила головой и вернулась в реальность, где внезапно оказалась хозяйкой не пойми чего. И даже не пойми кого: рядом совершенно внезапно возник мопс с бантиком на чёлке и снова полез к моим туфлям.

– Негодяй, – рявкнула я, – как ты тут оказался?

– Дора, что там у тебя? – напряглась Розалия.

– Мопс, – отступая назад, выдохнула я. – Негодяй, немедленно домой!

– Ну что уж ты с ним так, – пожурила тётка, – с собаками нужно соблюдать баланс между строгостью и лаской, а ты...

– Это его кличка, – быстро сказала я, – между прочим, дядюшка Рудж придумал. Всё, прощаюсь, мне надо загнать псину в дом.

И как это сделать без поводка и намордника, я не представляла. В голове пролетела шальная мыслишка – а может, пусть его идёт на все четыре стороны? Но... ответственность. Приходится о ней помнить. Эта собака – не просто собака. Это ключ от портала. Во всяком случае, пока я не отведу мопса к ветеринару.

– Негодяй, – мне удалось широко улыбнуться, демонстрируя дружелюбие, – если сейчас же вернёшься домой, принесу тебе вкусного корма.

Собак остался равнодушен. Хорошо хоть не убегал. И чем его так заинтересовали мои туфли?

Я стала отступать в сторону двери, периодически останавливаясь, чтобы он мог опять обнюхать каблуки. Руки-ноги тряслись, но я держалась стойко. Нет, взять мопса в руки, как дедуля Огюстен, не смогла, но панику кое-как подавила.

– Может, хочешь костей? – спросила я, когда до двери оставался один шаг, а псина сидела с вываленным языком, смотрела в упор своими глазками-бусинками и делать этот шаг явно не собиралась.

Оканские учёные установили, что интеллект взрослой собаки приблизительно равен интеллекту пятилетнего ребёнка. У этого мопса развитие слегка отставало, но на слово «мясо» он среагировал сразу. То есть ни корм, ни кости его не привлекают, а мясо подавай?

Тут до меня дошло, что собаку надо кормить, причём регулярно. Ещё одна статья расходов. А будут ли тут в принципе доходы?

Открыв дверь, я сначала впустила Негодяя, а уж потом вошла сама. И снова тоскливо огляделась. Дому срочно нужен ремонт, а для ремонта нужны деньги, а чтоб появились деньги, нужно их заработать. Как?

– Негодяй, – заметил приблуду дедуля Огюстен, – а ты тут откуда?

– Вот и мне интересно, – сказала я. – Поймала его на улице. В доме есть второй выход?

– Вообще-то нет, – задумался артефактор, – если только собачка не пользуется порталом. Он ведь очень умный пёс, да, Негодяй?

– А чем вы его кормите? – поинтересовалась я.

– Да по-всякому, – замялся дедуля, – но чаще мясом. На рынке покупаю самое дешёвое.

– И где у вас рынок?

– Как где? На Торговой площади, конечно, – в своей манере ответил он. – Только сейчас уже поздно, все к обеду расходятся.

Точно. Уже обед. А я думаю, что ж мне так некомфортно?

Собакену тоже было некомфортно скакать по захламлённой мастерской, и он безошибочно выбрал себе под лежанку диванчик для посетителей, с которого я смела мусор, прежде чем положить туда свою сумку. Её я сразу забрала, повесила на плечо от греха подальше и спросила:

– А есть где поблизости кафе или просто место, где перекусить?

Старик всерьёз задумался. Потом просиял и ответил:

– В булочной госпожи Борк есть кафетерий! Там, конечно, супа не найдёшь, но пироги достойные.

– Спасибо, – обрадовалась я и стала выяснять, где находится эта булочная.

Заодно и на постоянную клиентку посмотрю. Это ведь у неё постоянно ломается метлолёт?

– Кстати, а что такое метлолёт? – уточнила я, потому что в моём воображении рисовался исключительно летучий веник, который сам собой выметал весь мусор с любой площади заданных параметров.

– Как тебе объяснить, – дедуля почесал в затылке, – выглядит, как метла, но с таким, знаешь, велосипедным сиденьем на метловине. Ведьмы тоже идут в ногу с прогрессом, перестали доверять простым ивовым метёлкам.

Значит, госпожа Борк – ведьма? Занятно. Ну что же, прогуляюсь до углового дома по Абрикосовой улице и попробую её пирогов.

– Присмотрите за псом, – попросила я дедулю, – а лучше отведите его наверх.

– Я пока лучше поищу артефакт, который сделал ему твой дядя, – неопределённо ответил старик. – А ты иди, иди, от голода хорошего настроения не прибавляется.

И как тут не согласиться?

На улице было по-прежнему спокойно и безлюдно. Ах да, обед! В маленьком городке, должно быть, свято чтут традиции дневной сиесты, хотя вон, дедуля Огюстен сидит на рабочем месте и мастерскую не закрывает.

Я решительно прошла вдоль соседних домов до углового. Он заметно выделялся среди прочих, во-первых, цветом – весёленьким голубым с белыми наличниками на окнах, а во-вторых, двумя башенками на крыше. Над белой полукруглой дверью была такая же выгнутая дугой кверху вывеска «Булочная».

Толкнув дверь, я разбудила колокольчик, который издал мелодичную трель. Внутри находился типичный крошечный магазинчик с одним окном и стеклянной витриной, которая перегораживала всё пространство и заканчивалась узкой доской-прилавком. У окна стояли два высоких табурета – видимо, это и был «кафетерий». Но зато тут царили идеальная чистота и порядок, отчего я наконец-то смогла чуть-чуть расслабиться.

– Что желаете? – спросила возникшая из ниоткуда хозяйка.

Вот только что за прилавком было пусто, а сейчас напротив стоит яркая красотка в белоснежном накрахмаленном халате и такой же шапочке на тёмных волосах.

– Госпожа Борк? Здравствуйте, я Теодора Валь, – вежливо начала я, – мне сказали, что у вас очень вкусные пироги.

– А, вы новая хозяйка артефакторской мастерской? – тут же догадалась она. – Сейчас-сейчас, дайте на вас посмотреть... Вам срочно нужен мясной пирог и утешительная булочка.

Она открыла свою витрину и поставила на прилавок и то, и другое. По булочной поплыл изумительный аромат свежей выпечки, и я сглотнула набежавшую слюну.

– Вам с собой?

– Поем у вас, – отказалась я. – Мне ещё что-то попить. А с собой потом ещё одну утешительную булочку, – перед дедулей Огюстеном было неловко.

Я так орала, а он даже виду не подал, что ему неприятно. Надо загладить свою вину хотя бы утешительной булочкой.

Та, к слову, пахла корицей и чем-то ещё невыразимо сладким и приятным.

Госпожа Борк подала мне стакан компота и указала на табуреты возле окна. Подоконник был превращён ей в столешницу, где прекрасно уместились мои тарелки и стакан.

Пирог оказался выше всяких похвал. Уж на что мамуля мастерица, а госпожа Борк её переплюнула. Или это потому, что я была такой голодной?

– А что с вашим метлолётом? – уточнила я, когда расплачивалась и забирала пакет с булочкой для артефактора. – Мастер Огюстен говорит, вы часто приносите его чинить?

– Понятия не имею, – пожала она плечами, – должно быть, попалась бракованная модель. То летит, то не летит, я уж собралась новый покупать.

Я кивнула. Бывает всякое.

– Кстати, не подскажете, можно ли у вас в городе нанять кого-то для уборки?

– Что, дядюшка оставил после себя свинарник? – понимающе улыбнулась она.

Неужели привычки дяди Руджа были известны всему городку? Хотя чему удивляться, если артефакторская мастерская здесь одна?

– Не свинарник, конечно, – вступилась я за честь семьи, – но всё же уборка не помешает.

– Руджеро никому не позволял даже упоминать слово «уборка» в отношении своей мастерской, – покачала головой ведьма, – мол, у него там каждая вещь – артефакт, а что не артефакт – то важнейшая запчасть.

– Вы были близко знакомы с дядюшкой? – сочла нужным уточнить я.

– Дружили когда-то, но в последние годы он стал совсем невыносим, – пожаловалась госпожа Борк. – Ну а на ваш вопрос пока не отвечу, но у покупательниц поспрашиваю.

– Если кто-нибудь из них согласится, пусть сразу найдёт меня, – я достала из сумки визитку и ручку и нацарапала на блестящей поверхности адрес отеля, – здесь или в мастерской.

Госпожа Борк взяла кусочек картона и убрала в карман. Я поблагодарила за помощь и вкусные пироги, попрощалась и вышла, раздумывая, сколько же на самом деле ей лет, если «когда-то» она дружила с дядей Руджем?

Среди лаурданцев – исконных обитателей Апарисью и всей близлежащей округи (области Лаурто королевства Наралия) – всегда было много долгожителей. Моя бабуля Ограммон недавно отметила юбилей – восемьдесят восемь лет, что вообще не мешает ей руководить всем семейством и строить дальнейшие планы на подрастающее поколение. А её бабуля, которую я уже не застала, прожила до ста пятидесяти пяти! Трудно даже представить!

А может быть, ведьмы живут ещё дольше? Интересно, у кого бы спросить?

Глава 3

Обратная дорога заняла куда как меньше времени, потому что хотелось скорее порадовать дедулю Огюстена и угостить утешительной булочкой. Ну а потом я планировала ещё поразгребать завалы в бухгалтерии мастерской и вернуться в отель к ужину. Ах да, нужно же ещё погулять с мопсом. Или вдруг получится отвертеться от этой ужасной обязанности?

Но когда я вернулась, оптимизм дедули, который уже успел стать для меня привычным, вдруг дал трещину. Не успела я войти, как мастер Огюстен немедленно встал и снял с себя рабочий фартук.

– Дорочка, я принял решение. Ты теперь хозяйка, со всем справляешься, а я только мешаю. Ты права, пришла мне пора заняться садом, да и вообще...

– Да что вы такое говорите! – я подскочила к старику и вынула из сумки своё угощение. – Я, наоборот, извиниться за свой крик хотела, булочку вам от госпожи Борк принесла, и...

– Но ты ведь всё равно решила продавать мастерскую, так что днём раньше, днём позже – перебил меня он.

– Да куда же я без вас, мастер Огюстен? – иной раз можно и притвориться обычной женщиной, которая ищет помощи у опытного мужчины, а не устраивает бои без правил за недвижимость с пространственным карманом.

– У тебя всё получится, – дедуля смахнул что-то с уголка правого глаза, – твой дядя этого очень хотел.

– Напомнить вам, что я вообще не артефактор? – с возмущением ответила я. – А как же жители Абрикосовой улицы? Как же метлолёт госпожи Борк и ножницы садовника Твиго?

– Значит, не будешь мастерскую продавать? – с надеждой спросил он.

– В таком состоянии точно не буду, – буркнула я. – Кстати, булочка вкусная.

– Ну ладно, – вздохнул дедуля, – пока останусь.

И булочку взял.

Уже легче. Теперь буду следить за языком, конечно, а пар выпускать (скопилось его немало) придётся где-то вне этих стен.

– Дорочка, я тут краем уха – старик замялся, – услышал про господина мэра Если тебе так неприятно с ним общаться, то...

Общаться? Я знать его не хочу, тем более общаться. История-то банальная. Когда жена возвращается домой и застаёт мужа с любовницей. Только в моём случае это была не секретарша или какая-то незнакомая потаскушка, а соседка, почти подруга, с которой мы часто пили чаёк и сплетничали о мужьях. Своего она, кстати, не бросила.

Ну а я не стала терпеть. Всё сказала, что думаю, развелась и теперь Теперь попала в городок, где Албин стал мэром. А задолженность по коммуналке у почившего дядюшки такова, что без какой-то отсрочки или рассрочки не выплатить. Нет, конечно, если потратить на мастерскую все отпускные, то кое-как я смогу покрыть долги. Но на что тогда мне жить?

Видимо, придётся договариваться с бывшим. В прошлый раз я наняла адвоката, который оформил развод без всяких усилий с моей стороны. Просто разговаривать с Албином – всё равно что в одиночку разгребать завалы дядиного мусора. Нет, даже хуже. Я снова начала злиться, хотя теперь на голод это состояние не спишешь: у госпожи Борк отличные пироги.

Обведя невидящим взглядом мастерскую, я наткнулась на мопса, который совершенно спокойно сидел на том самом диване для посетителей, где я его оставила. Должно быть, занимался поиском блох или смысла жизни, уж больно осмысленным было выражение улыбчивой пёсьей морды, которая периодически ныряла носом в длинную шерсть и щёлкала там зубами.

– Ладно, – сказала я больше себе, чем ему, – погуляем сегодня без намордника.

Тем более, что намордником дядюшка вовремя не озаботился.

– Дорочка, вы обязательно подружитесь, – заверил вновь оптимистичный дедуля Огюстен. – И артефакт, который сделал для Негодяя твой дядя, я нашёл.

Я заинтересованно подняла голову и увидела нитку с тремя полупрозрачными бусинами, которые мерцали серебристыми искрами.

– Это что?

– Это невидимые бусы, – объяснил дедуля, – сначала тебе нужно настроить их на себя, а потом уже надевать на пёсика.

Это было в некоторой степени понятно и даже разумно. Но с другой стороны, привязывало меня к собаке, от которой я никакой привязанности не хотела. Да просто помыслить страшно: я и это лохматое недоразумение!

– Как настроить?

– Очень просто: сначала определись, какая длина поводка тебе нужна. Затем возьми в руку артефакт и представь, как это будет выглядеть в реальности. Если всё, как надо, начинай настройку.

– И всё?

– Нет, вторым шагом нужно создать связь между тобой и артефактом. Для этого сжимай каждую бусину по очереди и думай о хорошем.

Вот-вот, я так и знала. А как думать о хорошем рядом с зубастым комком шерсти? Но в целом с задачей удалось справиться. Бусины по очереди начали мерцать голубыми и зелёными искрами и даже нагрелись.

– Получилось? – спросил дедуля Огюстен. – Ну вот. Теперь запоминай: бусина из оникса – это когда надо, чтобы Негодяй шёл рядом. Бусина из кальцедона для того, чтобы позвать его, если он убежал. И бусина из кальцита – для защиты от физической угрозы.

– Моей защиты? – наивно понадеялась я.

– Дорочка, ты человек, и можешь сама о себе позаботиться. А собака может случайно попасть в воду или свалиться в канаву, наесться чего-то не того, да мало ли?

И почему мы всегда должны заботиться о чудовищах? С другой стороны, уж лучше я о чудовище, чем чудовище обо мне.

– Ладно, я поняла, – сжимала первую бусину со вздохом, представляя, как комфортно мне будет видеть пса на расстоянии не ближе пяти метров.

Когда сжимала вторую бусину, думала, что пёс должен быть послушным, особенно в ответ на команду фу, в смысле фу, не подходи ко мне.

С третьей бусиной решила не экспериментировать, всё же я не монстр какой-то. Пусть собакену не навредят вода, канавы, переедание и прочие напасти, за исключением хозяйского тапка. Не моего, конечно: как приедет Розалия, сразу получит персонального тренера по фитнесу с бантиком на челке. Тетка всё жалуется на лишний вес и отсутствие времени на себя любимую. Негодяй сразу решит обе её проблемы.

– Что мне делать теперь?

– Ты уже всё сделала, – обрадовал дедуля Огюстен. – Можешь надевать артефакт на Негодяя.

А разве это нужно делать не перед прогулкой? Но старый мастер посоветовал сначала попробовать, так сказать, на берегу. То есть при нём.

Лишний контакт с мохнатым и зубастым был мне совсем не нужен.

– Может, вы сами наденете на собаку эти как их там бусы?

– Мне нельзя, – отказался дедуля, – ты же артефакт зачем настраивала? Чтобы пёсик слушался тебя, – назидательно закончил он.

Нет, не так я представляла себе этот день.

Собак продолжал лежать на диване и заинтересованно переводить взгляд с меня на дедулю Огюстена. Не-не-не, я не поведусь на это мнимое спокойствие.

– Тогда хотя бы поддержите его, пока я буду кстати, как застёгивать на псе артефакт?

– Подержать? Зачем? – дедуля удивился, но всё же подошёл. – В нем же всего два килограмма. Ребёнок справится. А застёгивать не нужно, это ж не ошейник.

Я не ребёнок, это во-первых. А во-вторых, не всего два килограмма, а целых два!

Дедуля легко приподнял зубастую морду и предложил – мол, надевай. Показывать чудовищу свой страх ни за что нельзя. Я кое-как изобразила уверенный вид и со всеми предосторожностями опустила нитку с бусинами на собачью шею.

В этот момент дедуля выпустил мопса из рук, я дернулась, псина подскочила, а бусы запутались в длинной шерсти и исчезли.

– Всё правильно, – подтвердил мастер-артефактор, – это же невидимые бусы.

Мне нужна была хотя бы небольшая передышка. А лучше полноценный выходной. И я бы взялась за дальнейший разбор бухгалтерских документов мастерской, но у мопса было своё мнение.

Он принялся носиться по мастерской, как заведённый, вслед взлетала пыль с пола и мусор, который собирался в неопрятные кучки. Представить сложно, что было бы, будь пёс чуть больше по размеру.

– Сидеть! – рявкнула я.

После настройки предполагала, что он хотя бы выполнит команду. Не тут-то было. Он закрутил хвостом, как винтом реактивного двигателя, но носиться не перестал.

– Что происходит, мастер Огюстен? – вежливо уточнила я, помня, что орать нельзя.

Нельзя и точка.

– Что? – переспросил он с удивлением.

– Собака не слушает команду, – пояснила я, сдерживаясь из последних сил.

– А ты включала ее в перечень основных команд?

А надо было? Что, простого послушания недостаточно?

Я покачала головой, едва успевая следить за метаниями лохматого смерча, за хвостом которого взметались пылевые воронки. Теперь не получится отложить уборку мастерской до завтра или вообще до появления какой-нибудь знакомой с уборкой местной жительницы. Теперь придётся засучивать рукава и браться за дело самой.

– Дорочка, ну останови его! – безуспешно взывал дедуля Огюстен.

– Фу, – приказала я.

И мопс немедленно вскочил на диван, всем своим видом демонстрируя, что он вообще не при делах.

– Есть у вас метла и совок? – спросила я, окидывая взглядом фронт работ.

Всякой хозяйке приходится заниматься уборкой, даже если не хочется, устала и болит голова. Даже если за окном шторм, самум или цунами. Даже если корабль перевернулся, он должен пойти ко дну идеально чистым.

– У нас есть кое-что получше, – ответил дедуля Огюстен.

Он вскочил и ринулся в угол за верстаком, осторожно огибая кучки мусора, оставшиеся после гонок лохматого монстра.

На какое-то время дедуля вообще исчез из виду, а когда вынырнул из-за верстака, сиял, как начищенные дверные ручки в пассажирском салоне. В руках он держал странную конструкцию размером с большую кастрюлю. Больше всего она напоминала поставленный на тарелку с ножками металлический колпак вроде клоша. На месте ручки к колпаку была приделана вертушка наподобие детского флюгера.

– Что это?

– Вени-вени-так, – с гордостью сообщил мастер, а мохнатое недоразумение недовольно тявкнуло.

– Мне бы подробностей, – ласково попросила я, немного успокоившись и отойдя от дивана подальше.

– Артефакт для сбора мусора, – протянул мне кастрюлю он. – Подарок от госпожи Борк. Совсем вышел из строя, но твой дядя смог его починить, тогда Томасина и решила сделать подарок мастерской.

– А ещё поподробней? – по-прежнему ласково уточнила я. – Как эта штука работает?

Что-то подсказывало, с подарками ведьмы не всё так просто. К тому же, если тут все это время стоял мусоросборник, мастерской не понадобилась бы генеральная уборка.

Оказалось, что «вени-вени-так» может активировать только женская рука. Неженатому дяде Руджу явно намекали, с кем стоит связать свою жизнь. Но с учётом сегодняшних откровений госпожи Борк, намёк он проигнорировал.

Но и это было не всё. Артефакт нужно было заряжать исключительно в полнолуние, а чистить только в дни равноденствий и солнцестояний, иначе до следующей солярной точки года он плевался комками пыли, отказываясь выполнять свою работу.

– Ну и как его активировать? – осторожно принимая артефакт, спросила я.

– Фчиффф, – выдал со своего места мопс.

– Воон там, где пропеллер, должна быть кнопочка, – не слишком уверенно ответил дедуля.

Заветная кнопка нашлась, я поставила вени-вени-так на пол, нажала на нее и отошла, потому что в остальном цивилизованном мире были в ходу пылесосы, которые катались по полу в погоне за грязью, а мне казалось, что эта штука должна работать сходным образом.

Но в Лаурто всё не так, как принято у нормальных людей. Вени-вени-так стоял себе на месте, а мусор и пыль исчезали будто сами по себе, без каких-то внешних эффектов.

Я с умилением смотрела, как пол мастерской начинает очищаться. Оказалось, что он покрыт плиткой с каким-то геометрическим узором, а цвет приятный в древесно-коричневой гамме.

– А выключать его как? – спросила я, когда мусора вокруг не осталось. – Хотя нет, выключать его до следующего солнцестояния мы не будем. Пусть работает.

Дедуля Огюстен пожал плечами, мол, как скажешь, а мопс что-то тявкнул на собачьем. Я снова собралась к бухгалтерской отчётности, но тут дверь в мастерскую широко распахнулась. Только бы это был нормальный клиент, с которого дедуля Огюстен сможет взять деньги за свою работу.

И это действительно оказался нормальный человек, хоть и выглядел как типичный лаурданец: плотный, широкоплечий, с квадратным лицом и прямым носом мужчина. Светлые серовато-голубые глаза смотрели прямо, на голове курчавилась шапка темных волос, а на рабочей спецовке выделялись карманы, из которых торчали рукоятки каких-то инструментов и маркеры, а сбоку болталась оранжевая строительная каска.

– Мастер Огюстен, выручайте, – обратился он к дедуле довольно низким голосом, – мой умный отвес начал барахлить.

– Дайте-ка взглянуть, мастер Мауро, – отозвался тот.

Я тоже вытянула шею, заинтересовавшись. Не прибором, конечно, а платежеспособностью клиента. Хотя и сам мастер Мауро вызывал любопытство. Судя по всему, он работал на стройке, а мне в обозримом будущем предстоит ремонт.

– А что случилось? – спросил тем временем дедуля Огюстен. – На первый взгляд с ним все в порядке.

– Я перестал чувствовать идеальную форму, – ответил клиент. – Когда прикладываю отвес к стене, руки не осязают кривизну, а инструмент не вибрирует.

– Как интересно, – глаза у дедули загорелись, – а посмотрю-ка я на ваш отвес в спектрометре.

Он потащил артефакт, который больше всего напоминал хорошо отшлифованную доску из темного дерева с полупрозрачными окошечками и цветными светящимися огоньками, к тому уникальному в виду древности прибору, которым так гордился. А я сделала пару шагов в сторону мужчины и вежливо поздоровалась.

– Доброго дня, – ответил он и улыбнулся. – У вас тоже что-то сломалось? Тут хороший ремонт, всё починят, даже не сомневайтесь.

– Спасибо, – ответила я, – приятно слышать. Теодора Валь, новая хозяйка мастерской, а вы?

– Я Мауро, – он как будто слегка смутился, – строитель, полный цикл, с нуля до внутренней отделки.

– И ремонтом занимаетесь? – сразу пошла в наступление я.

– Ремонтом тоже, – кивнул он, – здесь в Апарисьо не слишком много работы.

– Отлично, а сможете оценить, во сколько мне станет ремонт этого дома?

– Зависит от того, какой ремонт вы хотите – начал было он, но тут дедуля Огюстен громко и радостно объявил:

– Чёрная пена, мастер Мауро, где-то вы с завистником пересеклись. Артефакт у вас тонкий, чувствительный, взял всю грязь на себя. Сейчас почистим, и будет как новенький.

– Зависть испортила артефакт? Такое возможно? – удивилась я.

– У нас, Дорочка, лучший ауральный спектрометр, – значительно поднял вверх палец дедуля. – Точность девяносто девять и девять десятых из ста. Признавайтесь, мастер Мауро, кому дорогу перешли?

– Да я ж вчера только из Сьерра-Кальтоне вернулся, – развел руками тот, – с утра только в мэрии был, а на объекте отвес уже не работал.

– А в Сьерра-Кальтоне? – не сдавался дедуля, хотя лично я бы поставила на Албина.

– Был там один, – нехотя признал мастер Мауро, – всё просил ему отвес продать. А он же не продается, заработать надо.

– Мауро у нас человек известный, – объяснил мне дедуля, – мастер, каких поискать, особо отмечен Строительной гильдией.

– Мне теперь даже неловко просить его об услуге, – автоматически включился манипулятивный тон бабули Полетты.

– Нет-нет, – быстро сказал мастер Мауро, – я ведь уже обещал, что помогу. Главное – определиться, какой ремонт вам нужен.

Манипуляция сработала, хотя он ведь и вправду не возражал оценить мои будущие затраты.

Глава 4

Мастер Мауро оказался отличным клиентом: расплатился сполна, и я увидела-таки, куда складывает выручку дедуля Огюстен: коробку из-под печенья. Строитель спешил вернуться на объект, так что мы договорились встретиться завтра, чтобы в спокойной обстановке осмотреть дом и решить, что нужно сделать в первую очередь, а что ещё может подождать и не скажется на товарном виде помещения.

А потом мне в голову пришла светлая мысль: почему бы не использовать «вени-вени-так» на втором этаже? Пусть и там соберёт весь мусор, что оставил после себя дядя Рудж. Глядишь, к вечеру я управлюсь с половиной всех проблем и смогу спокойно уйти в отель, оставив мопса с дедулей: как-то же он приглядывал за Негодяем всё это время? Правда, погулять с собакой придётся, раз уж обещала. Прогулка эта, конечно, оптимизма не прибавляла, но я уж постараюсь перетерпеть свой страх.

Сообщив о своём решении дедуле, я попросила придержать собакена внизу, пока артефакт будет справляться с мусором наверху. Совсем не хотелось снова переживать ту же ситуацию, из-за которой пришлось воспользоваться подарком ведьмы.

– Конечно, Дорочка, – у дедули было отличное настроение, и я его понимала, – иди, я чем-нибудь отвлеку Негодяя.

Кастрюля с пропеллером после очистки целой мастерской не потяжелела ни на грамм, так что, поднимаясь по лестнице (надо будет потом и ей заняться), я ничуть не запыхалась. Но почему-то вдруг ощутила волну паники, почти как при виде зубастого двухкилограммового комка шерсти. Не случилось ли чего в мастерской? Или вдруг, пока мы с дедулей сидели на первом этаже, на второй забрался вор?

Я поставила артефакт на ступеньку и чуть ли не бегом поскакала вниз. Паника не отступала, и я влетела в мастерскую на хорошей скорости. На первый взгляд, всё было в порядке. На второй тоже. Дедуля кидал мопсу косточку, а тот, вместо того, чтобы жевать, отбивал её лапой.

– Всё хорошо? – спросила я, чувствуя, как паника отпускает.

– Отлично, – отозвался старый артефактор, – любимая игрушка Негодяя – резиновая косточка – никогда не подводит. А ты уже закончила?

– Нет ещё, – я снова развернулась к двери, – почему-то показалось, будто что-то случилось.

– Иди-иди, – напутствовал дедуля, – если что, я позову.

Не уточняя, как он сможет позвать меня со второго этажа дома, в котором как бы нет второго этажа, я снова вышла на лестницу. Какое-то время всё было нормально, особенно когда я заметила, что вокруг стало намного чище. Но, дойдя до ступеньки, где стояла ведьмина «кастрюля», я снова почувствовала тревогу.

И в этот раз чётко понимала, что нужно снова спуститься. Что дело не в дядиной квартире, а именно в мастерской. Там что-то происходит!

Я второй раз сбежала с лестницы и рванула дверь с бешено стучащим сердцем. Мирная картинка мастерской и играющего с дедулей пса тут же привела в норму. Да что такое-то? В этот раз я не стала окликать старого мастера, а тихо повернула назад. Нужно разобраться, откуда берётся паника и почему накрывает именно на лестнице?

Поднималась медленно, считала ступени, прислушиваясь к себе и ощущениям. Лестница за время моих метаний стала заметно чище, и это очень радовало. Но на восьмой ступени непонятно откуда снова появилась тревога. Я остановилась. Может, это не просто ступень, а какой-то артефакт? Постояла на ней без движения, на всякий случай вцепившись обеими руками в перила, надеясь да неясно, на что надеясь. Что привыкну и смирюсь? Не получилось, тревога нарастала, и пришлось отступить в мастерскую.

– Мастер Огюстен, на лестнице нет никаких артефактов? Может, от воров или просто защитных?

– Вроде нет, – удивился он, – а что случилось?

Я рассказала про восьмую ступеньку и свою реакцию, и дедуля закономерно захотел посмотреть, что да как. Мопс, конечно, тоже на месте не остался, а запрыгал следом. Дойдя до ступени, чуть выше которой стоял «Вени-вени-так», я остановилась и приготовилась бороться с тревогой, но ничего подобного не случилось. Никакого, даже легчайшего, волнения, а наоборот, полное спокойствие.

– Очень странно, но я ничего не чувствую, – объявила я, – можете возвращаться.

Дедуля всё же осмотрел ступеньку, ничего не нашёл и стал спускаться вниз, прихватив на руки мопса. А я взяла «кастрюлю» и пошла наверх. И не успела открыть дверь в дядину квартиру, как снова почувствовала панику.

В таком состоянии соображать очень трудно. Но тут мне показалось, что я знаю ответ. Да водяная ж матерь, как я могла согласиться на эту привязку?! Ведь чувствовала, что ничем хорошим она для меня не закончится!

– Мастер Огюстен! – я ворвалась в мастерскую, как бешеная гончая. – Почему артефакт для собаки воздействует на меня?

При виде пса (теперь я точно знала, куда смотреть и кому обязана адреналиновыми скачками), тревога немедленно унялась, зато возник привычный страх.

– Дорочка, так ты же настраивала «бусы» под себя, – всплеснул руками дедуля, – конечно, они действуют в большей степени на Негодяя, но и тебе тоже достаётся

– Кошмар! – перебила его я. – Меня просто колотит, как только

И тут до меня дошло. Клятые пять метров!

Потом мы с дедулей, конечно, выяснили, что роль играет не только расстояние, но и стены. Если я отходила от мопса больше, чем на пять метров, но в пределах его видимости, паники не было. Но это это означало, что теперь мне придётся уживаться с Негодяем в тесном контакте. В одной комнате!

– Снимите с него «бусы», – в первую очередь потребовала я.

– Дорочка, это может сделать только хозяин, – сразу отказался старик.

Но пересилить себя и взять зубастое чудовище на руки, чтобы, перебирая его шерсть, на ощупь отыскать невидимую нитку с «бусами», я не смогла.

– Всё не так плохо, – уговаривал меня оптимистичный дедуля, – ты со временем привыкнешь к Негодяю, да и снимешь артефакт. Мы его перенастроим, только

Знаю-знаю, надо только потерпеть. Слышала уже сегодня. Но сейчас-то что делать?!

Так, Дора, успокойся. Ты сильная, ты справишься. Ты и не с таким справлялась

Нет!!! С таким – никогда!

Рука автоматически схватила сумку и вытряхнула всё её содержимое на только что освобождённый от мусора стол. Подавляя внутреннюю дрожь, я разыскала шоколадный батончик, сорвала упаковку и затолкала его в рот. Сосредоточилась на жевании и сладком терпком вкусе.

Наш корабельный лекарь всегда говорит, что при стрессе падает уровень сахара, потому его надо восполнять любыми доступными способами.

Вроде бы полегчало. Во-первых, надо выяснить, пускают ли в отель собак. А то ведь ночевать вдвоём с мопсом на улице – перспектива так себе. Во-вторых, срочно найти ветеринара. Попрошу, кроме осмотра, немного снотворного для пса. Во сне собачки не кусаются, постараюсь в это время снять с Негодяя бусы. В-третьих, надо решить вопрос с кормёжкой. Я-то до сих пор рассчитывала, что с этим поможет дедуля. Но раз я не смогу быть где-то там, пока мопс тут, глупо напрягать старика.

Я глубоко вдохнула, выдохнула и обнаружила мопса, сидящего прямо у моих ног. Пушистый хвост елозил по, к счастью, чистому полу, а бусины глаз требовательно смотрели на пустую обертку от батончика, которую я всё ещё сжимала в своей руке.

– Чего тебе? – нервы и так были на пределе.

– Пёсик любит играть с фантиками, – подал голос дедуля Огюстен.

Теперь понятно, откуда столько мусора и в квартире, и в мастерской.

– Пусть играет с мячиком. Или с той резиновой костью, – буркнула я, пряча обёртку в карман.

Сейчас стоит убрать вещи в сумку и начать с первого пункта. С отеля. Из кучи на столе я выгребла бормотунчик, собираясь набрать номер, записанный там как «Гостиница Сен-Сентуро», но в этот момент он затрезвонил сам.

– Дора, это правда? – как обычно, без приветствий, начала разговор сестра.

– Что именно, Дина? – поинтересовалась я, поневоле отвлекаясь от собственных проблем.

У Рейнальдины Валь, в замужестве Дюшан, всегда находились для меня слова утешения и поддержки, как и у меня для неё. Но между сёстрами это нормально.

– Бабуля сказала, что твой бывший стал мэром в этом... как его...

– Апарисьо, – подсказала я. – Правда.

– И тебе не кажется это странным? – напирала Дина. – Разве он когда-нибудь казался хоть немного годным к управленческой работе?

– Не думай так плохо на его счёт, – буркнула я, – у Албина работают оба мозговых полушария.

– Да и кто же не любит командовать? – саркастично продолжила сестра. – Нет, если ты решишь снова с ним сойтись, я не буду спорить, но...

– С ума сошла? – перебила я возмущённо.

– Да кто тебя знает, – хмыкнула младшенькая, – могла бы уж после развода пару раз замуж выйти, так нет, тебе карьеру подавай. А это может говорить о подавленном желании вернуть всё как было.

Муж Дины трудился в сфере модного нынче психиосинтеза, который без магии творил чудеса с обычными людьми, заставляя их забывать о том, что постоянно помнилось, мешая жить, и вспомнить то, что было давно и прочно забыто. Она периодически тоже порывалась стать такой же чудесницей, так что я не удивлялась странным словам и оборотам в её речи.

– Не трогай мою карьеру, – незаметно для самой себя начиная улыбаться, ответила я. – Не всякому удаётся найти своё место в жизни, а мне повезло.

– Значит, я могу беззастенчиво поливать Албина ядом? – обрадовалась Дина.

– Можешь, – разрешила я. – Но вообще-то у меня тут серьёзная

– собака? – снова перебила сестра. – Дора, сколько раз я говорила тебе, что твоя фобия лечится в две консультации? Сколько раз просила тебя прийти к Сержу?

– А я столько же раз объясняла, что ни с кем не хочу обсуждать свои фобии, – отрезала я. – В общем, мне надо срочно найти ветеринара и узнать про отель, а то дядин артефакт привязал меня к мопсу намертво.

– А разве он не шпиц? – спросила Дина, выдавая себя с головой.

– Ты тоже участвовала в этом заговоре?

– Ну, надо же было кому-то остудить горячие головы старшего поколения? – не стала юлить она. – Ты бы знала, что они там планировали...

– И ты мне всё непременно расскажешь, – зловещим тоном пообещала я, – а сейчас в двух словах: как Ванилька?

– Ванилька с мамой, ты же знаешь, – заторопилась Дина, – обе здоровы и счастливы, а мне пора бежать.

На заднем плане слышался крик «Дина» в исполнении Сержа.

– Мужу привет, – я закончила разговор и отключилась.

Сестре удалось в кои-то веки вытащить супруга в отпуск, так что сейчас они развлекались в курортном городке Себасья в соседнем Неваррене. Обидно, что мы вовремя не поговорили: глядишь, я бы явилась за наследством более подготовленной. Но ведь отдых на морском курорте бывает так редко, не хотелось им мешать...

И вот к чему привела моя деликатность. Я вздохнула и набрала номер отеля «Сен-Сентуро».

– Добрый день, госпожа Валь, – безошибочно определил, кто звонит, портье с приятным голосом. – Чем могу помочь?

Долго и занудно объясняла, что внезапно стала хозяйкой шпица, и наконец спросила, можно ли взять псину с собой в отель.

– Один момент, сейчас уточню, – вежливо ответил он.

– Сдерут с тебя там втридорога, – вздохнул со своего места дедуля Огюстен, – а квартира-то твоего дяди куда как лучше.

Только в этой квартире нет нормальной кровати – во-первых, постельного белья – во-вторых, и в принципе чистых поверхностей – в-третьих. Так что этот вариант я буду рассматривать в последнюю очередь.

В это время в ухе раздавалась незамысловатая мелодия, и я снова вздохнула, вспоминая «Принцессу морей», хотя все коммутаторы в мире устроены примерно одинаково.

– Госпожа Валь, спасибо за ожидание, – прорезался приятный голос портье, – за проживание собаки вам придётся доплатить.

– Да, конечно, – обрадовалась я.

Даже не спросила, сколько, выключила бормотунчик и с горящими глазами повернулась к дедуле.

– А есть на Абрикосовой улице ветеринар?

– Нет, – развёл руками дедуля, – ветеринар в Апарисьо один. Точнее одна: госпожа Бланш. У неё приёмная на углу сквера Доннарозы и переулка Метельщиков.

Я говорила, что Апарисьо – очень маленький городок? И вот лишнее тому доказательство. Хотя может, тут просто здоровый воздух, и питомцы не болеют?

– А вы не знаете, как связаться с госпожой Бланш? – уточнила я. – Или, может, дядюшка уже водил туда Негодяя?

– Ну что ты, – улыбнулся дедуля, – пёсик совершенно здоров. Но ты, как новая хозяйка, конечно, должна сама в этом убедиться.

Понятно. Искать придётся самой. Ещё утром в бормотунчик подгрузилась база Апарисьо, и я, вооружённая фамилией, быстро нашла номер госпожи Бланш.

Но оказалось, что единственный в городе ветеринар крайне загружен работой. И на приём Негодяя смогли записать лишь на послезавтра. Я даже попыталась торговаться, предложив оплатить приём по двойному тарифу, но усталый женский голос сообщил, что никакие деньги не смогут создать дополнительный час в сутках.

– У нас нет какого-нибудь артефакта, раздвигающего время? – спросила я дедулю, закончив разговор.

Тот покачал головой.

– Ну ладно, а какой-нибудь шнурок?

– Надо поискать. А зачем?

Ну как зачем? Сделать нормальный поводок. Мне с ним будет спокойнее, а то «невидимые бусы» уже выкинули фортель.

– Хорошо, – тяжело вздохнул старый артефактор, – сейчас что-нибудь придумаем.

Время неумолимо клонилось к вечеру, и пока я сортировала бухгалтерские документы с полок шкафа дяди Руджа, дедуля мастерил для пса нормальный поводок вкупе с нормальным ошейником.

В голове выстроился план: прогулять мопса по дороге в отель. И где-то раздобыть ему ужин. Да и завтрак с учётом нашей общей ночёвки. Правда, заходить с Негодяем в продуктовые лавки не казалось хорошей идеей.

– Мастер Огюстен, а где вы хранили собачью еду? Может, там ещё немного осталось?

Надеюсь, мне удалось задать вопрос уверенно, хотя дедуля взглянул как-то сочувствующе.

– На втором этаже есть холодильник, – объяснил он, – на сегодня там хватит, а завтра уже надо идти на рынок.

Да что же так не везёт этим документам? Только начну разгребать, как сразу надо наверх. Но пришлось идти и приманивать каблуками пса, потому как новых приступов паники совершенно не хотелось. Негодяй радостно прыгал вверх по ступенькам, а я думала о том, где же так нагрешила? За что судьба наградила меня эдаким наследством в виде зубастого комка апельсиновой шерсти с бантиком на лохматой чёлке?

Глава 5

Куда подевался Негодяй, стало ясно, едва я, запретив себе паниковать, толкнула дверь дядиной квартиры. Оставим сейчас его способность проходить сквозь стены, которая теперь доказана экспериментально. Главное – это куда он переместился. К холодильнику.

А поскольку и мне надо было туда же, получилась патовая ситуация. Мопс сидел прямо у дверцы, а я в результате не могла её открыть.

– Отойди, – сказала я, – фу!

Но и эту команду собак проигнорировал. Зато завилял хвостом и требовательно посмотрел снизу вверх.

– Слушай, если ты не отойдёшь, то останешься без ужина, – максимально доступно объяснила я.

Мои слова он не понял и с места не сдвинулся. Я осторожно опустила на пол «вени-вени-так» и протянула руку к дверце холодильника над зубастым комком шерсти, что сверху походил на меховой помпон, приделанный к тапочку.

Кухня была небольшой, так что дверца должна была бы смахнуть мопса в сторону, но не тут-то было. Он отскочил, подпрыгнул, обдал мои ноги дуновением вихря и оказался теперь уже перед открытым холодильником, сразу сунув в него нос.

На полках стояли: миска с сероватыми комьями варёного мяса, миска с ярко-красным фаршем, прикрытым сверху прозрачной тарелкой, и здоровый бумажный кулёк с сардельками. И это всё – только на сегодня, а завтра надо на рынок?!

Пока я не находила слов, меховой помпон цвета апельсинового мармелада деловито жевал я проморгалась, уверенная, что этого не может быть, но он жрал сардельку из пакета!

Аккуратно, спокойно и уверенно.

– Негодяй! – рявкнула я.

– Хрум-чавк, – раздалось в ответ.

Я пошарила глазами вокруг и решительно схватила изящную плетёную корзинку, куда, перегнувшись через жующего мопса, загрузила бумажный кулёк, осиротевший на мать водяная, на две сардельки! Кажется, дедуля Огюстен не упоминал, что кормит ими пса. Речь шла лишь про мясо.

Словом, я выставила на пол миску с серыми комьями, и Негодяй тут же переключился на них. Стукнула дверь, и вскоре на кухне стало совсем тесно. Дедуля философски окинул взглядом нас с жующим мопсом и сообщил, что сардельки заберёт потом. Так и знала, что собак смаркитанил чужое!

– А что делать с фаршем? – уточнила я, когда извинилась за недобор сарделек.

– Дорочка, – ахнул дедуля, – я же забыл его приготовить!

Оказалось, что на ночь псине оставляли слегка отваренные фрикадельки из чистого фарша без добавления соли, лука и специй.

– Спустись, пожалуйста, в мастерскую, а то вдруг кто-то придёт, – попросил артефактор, хватая большую кастрюлю, – а я быстренько тут разберусь.

Я сделала пару шагов из кухни, вспомнила, что на лестнице без самозабвенно жрущего Негодяя начнётся паника и предложила дедуле свою помощь.

– Но мастерская? – пытался сопротивляться он.

– Неужели дядя Рудж не предусмотрел никакого сигнала, чтобы спуститься в случае нужды? – спросила я, надевая на удивление чистый фартук, что висел на крючке за дверью кухни.

– Точно, – просиял дедуля, – есть же «вороний колокольчик».

Кастрюля на плите уже исходила паром, Негодяй доедал своё мясо, отодвинутый вместе с миской в дальний угол кухни, а мы с дедулей ловко катали одинакового размера шарики из фарша под его рассказ про «вороний колокольчик».

Оказалось, что когда-то давно, когда Лаурто воевал с Наралией за независимость, у каждого лаурданца был артефакт-колокольчик, который извещал семью в случае его гибели. Потому их и прозвали «вороньими», что те приносили лишь дурные вести. Но дядя Рудж переделал доставшийся ему антикварный экземпляр, чтобы тот передавал сигнал от входной двери мастерской в его квартиру.

Варварство по отношению к антиквариату, зато функционал куда как оптимистичнее.

Мы быстро закончили с фрикадельками, тем более, что варить их нужно было всего-то несколько секунд. Потом они остывали на обширном блюде, а я, сняв фартук, вдруг поняла, чего мне всегда не хватало на «Принцессе морей». Вот этого. Горящей плиты, парящих кастрюль, ароматов свежеприготовленных фрикаделек. Даже на этой – чужой и совершенно не приспособленной для кулинарных изысков кухне – мне захотелось приготовить чего-нибудь этакого. Ладно, даже не этакого, а простого вроде омлета, горячих бутербродов или каких-нибудь оладий.

Вот была бы эта кухня побольше, получше оборудованной, более уютной – тогда бы я не осталась в отеле, точно бы в дом переехала. Конечно, если бы нашла нормальную кровать и постельное бельё.

– Ну что, может, всё-таки останешься? – дедуля как будто подслушал мои мысли. – Не пойдёшь в отель?

– Нет, – категорично отказалась я.

– Тогда тебе нужно собрать вещи Негодяя, – доставая с сушки над мойкой старый контейнер, сказал он.

– У него есть какие-то вещи? – тщательно скрывая возмущение, спросила я.

– А как же, – дедуля стал перекладывать фрикадельки с блюда в контейнер, – подушка для сна, игрушки, расчёска, миска для еды, корзинка-переноска, шампунь, полотенца

– Стоп, – перебила я, с ужасом представив, как буду мыть апельсинового монстра шампунем, чесать его расчёской, а потом укладывать чёлку и цеплять на неё бантик, – он вроде бы собака, а не звезда из магоящика.

– И теперь это – твоя собака, – неожиданно хитро взглянул на меня дедуля, – разве ты хочешь, чтобы Негодяй выглядел, как с помойки?

Водяная матерь, да всё, чего я хочу – чтобы никто в моей жизни не походил на собаку с помойки. А ещё лучше – чтоб ей и вовсе не был.

В итоге я согласилась взять корзинку-переноску, в которой мне больше всего понравился прочный наружный замок, и миску для еды. Ну и саму еду. В конце концов, пёс с портальным ключом должен находиться в доме, где расположен сам портал. А я всё равно буду торчать в нём же, раз уж это теперь моя собственность. Переночевать-то мопс как-нибудь сможет и в переноске, а послезавтра, глядишь, проблема уже будет решена.

Видимо, заразилась оптимизмом от дедули Огюстена.

Мастерскую мы закрыли в семь вечера. Старый мастер пошёл домой, а я с мопсом на поводке и переноской в руках, куда загрузились контейнер с фрикадельками и миска, в сторону гостиницы. Абрикосовая улица казалась бесконечной, а скачущий впереди Негодяй – уже не таким страшным. Видимо, я устала. В голове хороводом кружились цифры задолженности, а ноги притомились за день на высоченных шпильках. Поэтому по сторонам я не смотрела, а, наоборот, смотрела на дорогу в надежде поймать такси.

Но такси в Апарисьо оказались такой же редкостью, как искренние комплименты в адрес старой девы. Мопс продолжал бодро скакать, Абрикосовая улица сменилась обширной площадью с фонтаном в центре, навстречу прошли несколько местных жителей – и ни одной машины.

Впрочем, впереди уже виднелся отель «Сен-Сентуро» – лучший и, похоже, единственный в этом городке.

Всего каких-то полчаса. Сейчас попрошу портье поднять вещи Негодяя в номер, а сама пойду ужинать. Пироги госпожи Борк оказались очень сытными, голода я не чувствовала, зато сесть и наконец посидеть на законном основании очень хотелось.

Рядом с гостиницей находился небольшой ресторанчик, откуда уже издалека тянуло вкусными запахами. Я укоротила поводок, нырнула в дверь гостиницы, быстро выдала поручение портье и развернулась назад, к ресторану.

Негодяй не отставал. Он вообще вёл себя на удивление смирно, наверное, наскакался по улице и устал так же, как и я. В ресторанчике было малолюдно. Стол в углу занимала парочка, держащаяся за руки, стол в центре – компания молодых людей. Я чинно уселась у окна, а Негодяй активно обнюхивал ножки стола и стульев, когда к нам подбежала молоденькая официантка с тарелкой традиционных острых закусок на шпажках.

– Добрый вечер, а это ваша собачка? Какая миленькая! Можно погладить? А как её зовут?

– Можно, – сделала широкий жест я, – но в обмен на ваше блюдо дня.

Девчонка, призрев санитарные нормы и правила, наклонилась к мопсу и стала сюсюкать: «Хорошая собачка, славная собачка», поглаживая его по шерсти. Тьфу.

Но этого ей показалось мало. Она позвала смотреть на мопса бармена, другую официантку и даже повара с кухни.

Я и сама не заметила, когда пса усадили перед миской с костями, на которых мяса было больше, чем в моём рагу.

Впрочем, мопс вёл себя образцово, а мне удалось договориться с поваром о регулярных поставках костей и завтраков прямо в гостиничный номер: ресторанчик сотрудничал с отелем, что только радовало. Завтра с утра не придётся топать на рынок за едой для Негодяя.

Когда я, довольная ужином и слегка отдохнувшая, собралась уходить, меня нагрузили «собачьей сумочкой», а мопса чуть не затискали, к чему он отнёсся вполне философски.

Потом мы вернулись в «Сен-Сентуро». У меня был тяжелый день, рвательно-метательное настроение и персональная фобия на поводке, поэтому лучшим выходом показалось принять душ и попытаться выспаться. Но я не учла, что у фобии есть собственный взгляд на то, как проводить вечера в отелях.

К номерам я обычно особых требований не предъявляю. Главное, чтобы там была удобная кровать и нормальная ванная. В «Сен-Сентуро» номер оказался ещё и с диваном, напротив которого висел магоящик с экраном в полстены. Переноска с миской и контейнером фрикаделек стояла как раз на диване, так что я не удивилась тому, как мопс, обнюхав все углы, похозяйски запрыгнул к ним поближе.

Пока я, скинув туфли, с блаженством ходила босиком и избавлялась от остальных частей туалета, Негодяй смотрел исключительно на стену. Точнее, ту её часть, что была занята экраном магоящика. Потом он стал обнюхивать диван, чуть ли не роясь во всех щелях. Потом стал скакать от дивана к магоящику и обратно.

Я не придала этому особого значения и ушла в ванную. Как показало время – зря. Дверь до конца закрывать не стала, мало ли что расстояние между диваном и душевой кабиной меньше пяти метров. Какое-то время блаженствовала под упругими водяными струями, приводящими в порядок не только тело, но и раздёрганные нервы. А потом из комнаты послышались какие-то голоса.

Всё терапевтическое воздействие душа ухнуло в мракову бездну, я наскоро замоталась в банный халат и заметалась по ванной в поисках какого-нибудь увесистого аргумента для непрошенных гостей. Как назло ничего тяжелее фена тут не нашлось, и я, даже не отжав волосы, выскочила наружу, вооружённая одной неземной красотой.

В номере никого не было. Только мопс на диване и орущий магоящик, который был настроен на какой-то местный канал.

Где Негодяй нашёл пульт-артефакт от магоящика, узнать уже не представлялось возможным. Так же, как и отобрать его, потому что вредитель сидел прямо на небольшой чёрной коробочке. А я, скажу честно, терпеть не могу магоящик. Особенно когда по нему передают новости с участием бывшего.

Сначала я, конечно, вернулась в ванную отжать волосы и закончить с гигиеной. На какое-то время это отвлекло. Но потом всё равно явилась в комнату, собираясь лечь спать. Не тут-то было: мопс не то переключил канал, не то на прежнем начался сериал, но теперь со стены раздавались пронзительные вопли черноволосой красотки, которая беззастенчиво третировала пожилого лысеющего мужчину, называя его то зайчиком, то котиком.

Обращаться к Негодяевой совести было бессмысленно. Я быстро схватила переноску, вынула оттуда миску и загрузила в неё содержимое «собачьей сумочки» из ресторана. Псина покрутила носом и осталась на диване!

Нервы, на кого вы меня оставили?

Вспомнила про фрикадельки, добавила их в миску, а рядом поставила открытый контейнер. Негодяй лениво вильнул хвостом и спрыгнул с дивана. Я живо метнулась к пульту-артефакту и выключила магоящик. Припрятала гадостный гаджет на верхней полке шкафа, чтобы уж наверняка. И развернулась к кровати, почему-то уверенная, что мопс, раз уж обосновался на диване, претендовать на другое спальное место не будет.

Как бы не так. Он сожрал половину фрикаделек из контейнера, довольно попрыгал на месте и направился к кровати.

– Ну нет, тут спать ты не будешь, – я даже встала, забыв от злости о страхе.

Негодяй нагло пёр вперёд, не обращая никакого внимания на мою позу защитника на воротах.

– Иди на диван, Негодяй, – рявкнула я так, что стены задрожали.

Стены, но не мопс. Он остановился у моих ног, и я с визгом запрыгнула под одеяло. Негодяй победно вскочил на кровать, обошёл всё свободное место по кругу и улёгся в центре, подмяв под себя покрывало.

Мы с одеялом постарались отползти как можно дальше. В итоге Негодяю достались восемьдесят процентов поверхности, а я сжалась на самом краю, гадая, как заснуть рядом с меховым помпоном от тапочек?

Я слушала его умиротворённое сопение и обещала себе, что сделаю всё, чтоб избавиться от эдакого унижения. Но сначала разберусь с долгами мастерской, налогами, клиентами, что чинят артефакты по гарантии, бывшим и зловредными родственницами. Сладкие мстительные мечтания Они-то и увлекли меня в страну грёз.

Ночью снились кошмары про постоянно что-то жующих стюардов с «Принцессы морей», которые отказывались выполнять мои распоряжения. Под утро я проснулась от ощущения тепла и тяжести на груди. И чуть не заорала в голос: Негодяй спал прямо на мне, уткнувшись мордой в подбородок. Спал сладко, даже слегка похрапывал, а шерсть была мягкой и пахла не уличной пылью, а чем-то приятным и неуловимо знакомым.

– Слезь с меня немедленно, – потребовала я дрожащим голосом.

Мопс открыл один глаз, потом второй, а после скатился под бок и снова захрапел.

Глава 6

Раннее утро в Апарисьо – то же самое, что раннее утро в любом другом городке Лаурто: солнечно, свежо, тихо. Все нормальные люди спокойно досыпают в своих кроватях, и никто им не мешает, чего не скажешь обо мне.

Мопса пришлось вести на улицу, чтобы тот не оконфузился прямо в гостиничном номере. И тут я поняла, что собаковладельцы – это секта, куда очень легко попасть. Меня, к примеру, даже не спросили.

Навстречу топали две рыжие лаурданские овчарки со своими хозяевами, и мопс сразу стал объектом их пристального внимания. А меня взяли в оборот немолодая дама в спортивном костюме цвета фуксии и серьёзный юноша с поясной сумкой и наушниками.

– Сколько лет вашему шпицу? Выглядит ухоженным, – спросил парень, вынув наушник из левого уха.

– Какой красивый у вас мальчик, – сказала в тот же момент дама, – бантик ему очень идёт.

И вот откуда мне знать, сколько лет Негодяю, если он свалился на меня как снег на голову только вчера? Почему-то ни дедуля, ни мэтр Симонэ не сообщили мне эту жизненно важную информацию.

Но пока я пыталась держаться подальше от трёх (трёх, водяная матерь!) псов, от стресса болтала всякую чушь. И спасибо говорила, и овчарок хвалила, и даже спросила, как их зовут.

К счастью, мопс и овчарки (Крам и Фейри) быстро обнюхались и разошлись, так что с их хозяевами мы так же быстро сговорились встретиться завтра. Негодяй сделал все свои дела, и мы живенько вернулись в гостиницу.

Портье предложил чашку лаврозы, которую я выхлебала прямо у стойки. Всё-таки больших собак я боюсь не так сильно, как маленьких, иначе одной чашкой бы не обошлось.

Потом принесли завтрак из ресторанчика для меня и мясо для мопса. Свежие булочки, яйцо-пашот, сырная тарелка и большая чашка каши с тающим куском сливочного масла – и я снова могу взять себя и поводок Негодяя в руки.

Корзинка-переноска вместе с миской остались в номере, а пустой контейнер из-под фрикаделек я решила вернуть. В мастерскую снова пошла пешком, чтобы мопс набегался как следует на коротеньких лапках и больше не устраивал безобразий своей активностью.

На улицах было уже оживлённей. Мимо проехали несколько машин, то и дело навстречу попадались хозяйки с корзинами – шли на рынок. Я порадовалась, что мне туда не надо, и сама не заметила, как оказалась на Абрикосовой улице.

Вчера мне было не до осмотра самой длинной улицы Апарисьо, зато сегодня я никуда не торопилась. Один за другим разглядывала заборы и дома с домиками, каждый из которых выглядел и уютно, и аккуратно, и неприступно.

Особенно заинтересовал дом с огромным садом, по забору которого плелась красивая цветущая жимолость, издававшая удивительно яркий сладкий аромат.

А внизу в «палисадничке» курчавились кустики крушины, на глазах выкидывающие новые побеги. Я остановилась, с интересом разглядывая процесс явно ускоренного магией роста. Из-за забора немедленно донеслось мелодичное:

– Отойди, ты нам солнце загораживаешь.

Ага. Вот и дом тех самых шумных фей, которые так не нравились мэтру Симонэ.

Негодяй пренебрежительно тявкнул и потянул за поводок, собираясь скорей миновать негостеприимный забор.

– Доброе утро, – доброжелательно сказала я, отходя подальше, – конечно, солнце очень нужно вашим растениям. А вы крушину для лекарств выращиваете или для красоты?

– А тебе зачем? – настороженно донеслось в ответ.

– Слышала, что ваши средства от запоров – самые эффективные, – ну а что, я правда это слышала от нашего корабельного лекаря, он над фейскими травками просто трясётся.

Из-за забора послышался легкий шелест, и через миг над его гребнем показалась фея, трепетавшая крылышками. У неё были типичные зелёные глаза, полупрозрачная светлая кожа и изящная фигура, полускрытая грузным садовым фартуком. Руки по локоть в рабочих перчатках, на голове – пёстрый платок.

– Не похоже, чтоб ты страдала запорами, – выставила диагноз она.

– Сохрани водяная матерь, – улыбнулась я, – это для моей бабушки.

– А-а, тогда заходи, – разрешила фея, – сделаем по-соседски. Ты же новая хозяйка мастерской?

– Теодора Валь, – кивнула я. – Спасибо, обязательно зайду.

– Миранда, – представилась она в ответ.

– Очень приятно, – сказала я, – хорошего дня.

Негодяй уже рвался с поводка, и я поспешила за ним. Кажется, про эту фею что-то говорил дедуля Огюстен. Надо будет спросить.

Но когда я дошла до мастерской, все вопросы вылетели из головы: у обочины стоял припаркованный мобиль, откуда только что вышел Албин. Меня он заметить не успел, целеустремлённо рванувши внутрь. Зато его приметил мопс, который с той же целеустремлённостью обнюхал порог и недовольно тявкнул.

Я порадовалась, что пёс на поводке, и открыла дверь.

Внутри со вчерашнего дня ничего не изменилось, за исключением фигуры бывшего, которая совершенно не вписывалась в более чем скромный интерьер мастерской. Албин в своём дорогом тёмно-сером костюме и белой рубашке с галстуком выглядел тут как павлин в курятнике, но теперь это был мой курятник. Бывшему тут делать нечего, и я немедленно встала в позу петуха, защищавшего собственный насест.

– задолженность, и где же ваша обещанная наследница? – спрашивал он в это время, нависнув над сидящим за работой дедулей Огюстеном.

– Ровно позади тебя, – ответила я, поджав губы.

– Да, господин мэр, новая хозяйка нашей мастерской – госпожа Валь – только что вошла, – вежливо подтвердил дедуля.

Негодяй тоже не смолчал: громко тявкнул. Три раза.

Албин быстро обернулся и увидел меня с мопсом на поводке.

– Теодора? Неужели это ты? – сказал он с удивлением.

– Как видишь, – хмыкнула я. – Чем обязана столь неприятному визиту?

– Возможно, ты удивишься, но я теперь мэр этого городка, – объявил Албин пафосно.

Спаси водяная матерь, и вот за это я когда-то вышла замуж? Спала с ним в одной постели и собиралась построить крепкую и счастливую семью?

– В курсе, – кивнула я, спуская Негодяя с поводка. – Что тебе от меня надо?

– Погашения задолженности по налогам и коммунальным платежам, – с торжеством объявил он.

Мракова бездна, как-то я от злости подзабыла, что суммы там непомерные.

– Я только вчера приехала, дай мне время разобраться с документами, – плохо быть в уязвимой позиции, ох как я такое не люблю

– А что с ними разбираться? – Албин сунул руку в карман и вытащил аккуратно сложенный лист бумаги. – Вот тут все суммы. Коммунальные платежи, которые не поступали в казну города четыре года и семь месяцев, налоги за последние три года – заметь, тоже не уплаченные, вот пени, – он ткнул пальцем с отменным маникюром в цифры, от которых волосы вставали дыбом. – Или ты платишь, или город подаёт на тебя в суд, после чего

– Жалкая месть, – театрально вздохнула я. – Ты остался таким же, как был, – корыстным и мелочным. Всё не можешь мне простить развод?

– При чём тут развод? – возмутился он. – Теперь речь не о нас с тобой, теперь речь о деньгах, которые недополучил от твоего дяди Апарисьо! А на них мы могли бы благоустроить рынок, построить новую школу или

Вот ты и проговорился. Был в курсе про наше родство с дядей Руджем и так талантливо удивился моему появлению! Ох, не нравится мне это.

– Или новую виллу для тебя? – быстро прервала его я. – Не выйдет. У меня нет таких денег. Чем думал дядя Рудж, понятия не имею, а мне, чтобы расплатиться с долгами, придётся много работать. Так что ты уж побудь хоть немного приличным человеком и дай отсрочку по платежам.

– Теодора! – рявкнул бывший. – Твои манипуляции со мной больше не сработают. Я и так пошёл навстречу мастеру Огюстену, когда обещал дождаться наследника мастерской. Полгода – немалый срок, за это время можно было подготовиться!

Ах ты ж гад! Манипуляции мои ему не нравятся! А мне вот не нравится, что придётся выплачивать дядины долги. Вообще не нравится, прямо с души воротит!

– К сожалению, я узнала о наследстве буквально неделю назад, – пришлось срочно менять тактику. – Я не отказываюсь платить, я всего лишь прошу о рассрочке. Давай обговорим детали в более удобное время?

– Об отсрочке или о рассрочке? Ты уж определись, – свысока хмыкнул Албин.

– И о том, и о другом, – мило улыбнулась я. – Можно ведь поделить всю сумму на несколько частей, составить график выплат, а потом

– А можно сразу продать дом, – чуть не в лицо прошипел бывший, – и выплатить всю задолженность городу.

– Не дождёшься, – в том же тоне ответила я. – Скорей тебя отправят послом в Светлый Лес, чем я продам семейное наследие.

– Ты тоже совершенно не изменилась, – тут же успокаиваясь, сказал он, – ничего не имеет значения, кроме твоей семьи. Даю тебе неделю, а потом жди повестку в суд.

Он развернулся и, чуть ли не чеканя шаг, вышел, громко хлопнув дверью.

Ну что сказать, разозлил неимоверно. Да, я люблю свою семью. И не прощаю предательства. И нечего приходить в мой дом, когда я ещё не решила, что с ним делать. Продавать? Это какую же цену за него дадут в таком состоянии?

– Дорочка, – дедуля Огюстен подкрался совсем бесшумно и притронулся к плечу, – не принимай это так близко к сердцу. Ну хочешь, я сам поговорю с нашим мэром?

– Спасибо, мастер Огюстен, – отказалась я. – Не волнуйтесь, проблема решаема.

С трудом заставив себя успокоиться, я задумалась, как же наскрести требуемую сумму за неделю? Отдавать Албину все свои отпускные не хотелось до зубовного скрежета.

Рассуждая теоретически, где бы я ещё могла взять денег? Вариант первый – найти клад. Вариант второй – украсть. Вариант третий – взять кредит. Нет, кредит – это уж чересчур, так можно и себя перестать уважать.

Был ещё вариант заработать, но как заработать такие деньжищи за неделю? Негодяй тявкнул и запрыгнул на полюбившийся диван для посетителей, а я только отмахнулась, понадеявшись, что тут за ним присмотрит дедуля.

В это время над дверью мастерской звякнул колокольчик, прерывая мои раздумья.

– Мастер Огюстен, – раздался жалобный голос от входа, – у меня опять полетела программа!

Я подняла голову и встретилась взглядом с молодой женщиной со встрёпанными кудрявыми волосами. На ней были светлая майка и летний комбинезон неопределённо-зелёного

цвета, заляпанный чем-то белым. Одной рукой она прижимала к себе что-то металлическое продолговатой формы, а другой – свёрток с запелёнатым младенцем.

– Хуанита, – подскочил дедуля, – ну что же ты не прислала близнецов?

Он выхватил у клиентки продолговатое металлическое нечто, и та с облегчением вздохнула, сосредоточившись на ребёнке. Тот, впрочем, сладко сопел и не мешал разговору.

– Близнецы в садике, – сказала она, – так что сегодня у меня свободный день.

– Присаживайтесь, – предложила я, кивая на диван. – Что у вас случилось?

Негодяй изображал из себя хорошо воспитанного мопса, не скакал, не тявкал, и мамочка без опасений села рядом.

Дедуля уже ковырялся во внутренностях неизвестного артефакта, но тут поднял голову и представил нас друг другу. Оказалось, что клиентку зовут Хуанита Косме, а её проблему – скоростной пароварный котелок. Подобных, только покрупней размерами, можно встретить на любой профессиональной кухне: загружаешь в него исходный (сырой) продукт, а потом достаёшь уже готовым, с пылу с жару.

– Я ставлю программу для тушения овощей, – жаловалась Хуанита, – а вместо этого получается картошка-фри. Мастер Огюстен восстанавливает настройки, но через какое-то время сбой появляется снова.

Кажется, про неё дедуля уже упоминал, перечисляя тех, кто ходит в мастерскую по гарантии.

– И давно у вас этот котелок?

– Всего с полгода, – вздохнула она, – муж подарил перед вторыми родами, чтобы немного разгрузить меня от готовки. У нас ведь ещё близнецы, а с маленькой сложно подолгу стоять у плиты.

– А может, это заводской брак и артефакт лучше обменять у производителя? – предположила я.

– Нет, – подал голос дедуля, – я сам выбирал модель для семейства Косме, всё проверил.

Безобразие.

Я отвлеклась и чуть не пропустила момент, когда в дверях появился новый клиент. Это был мужчина в летах, ненамного моложе дедули, с загорелой лысиной, окружённой редким венчиком седых волос. Одет в свободную рубашку и штаны с карманами и сбоку, и сзади, и внизу, в которых что-то позвякивало (я понадеялась, что деньги). А в руках он нёс нормальный привычный пылесос.

– Здорово, Огюстен, моё почтение, дамы, – вежливо поздоровался мужчина, – за кем буду?

– Доброго дня, – ответила я, – за госпожой Косме.

– Здорово, Ришар, – поднял голову от пароварного котелка дедуля. – Что у тебя? Пылесос? Оставляй, я посмотрю его сразу, как освобожусь.

– Договорились, – явно обрадовался клиент, – завтра забегу.

Развернулся и ушёл!

А ведь мог бы заплатить за ремонт сегодня Но вместо пылесоса, за который можно было бы получить деньги сейчас, мастер Огюстен занимается котелком на гарантии. Я припомнила, что вчера он называл несколько хозяев артефактов, которые обслуживались у нас бесплатно. С этим надо что-то делать.

Я повернулась к Хуаните и завела светский разговор. Выяснила, что младшенькой четыре месяца, близнецам по шесть, а муж ходит на рыболовном судне – почти коллега!

– А я работаю на «Принцессе морей», – скромно призналась я и тут же получила приглашение в гости.

Непременно зайду. Может быть, прямо сегодня вечером. Если, конечно, дедуля восстановит засбоившую программу.

Пока он ковырялся в котелке, разбираясь с его настройками, мы с Хуанитой перешли на «ты» и болтали уже вполне по-дружески.

– Ну а близнецы не могли изменить настройки? – спросила я под конец.

– Ну что ты, – отмахнулась Хуанита, – они очень послушные дети. Мария занимается музыкой, а Леон берёт уроки рисования. Да и как бы они смогли поменять настройки, им всего по шесть лет?

Вот это и надо выяснить.

– Ну вот, всё в порядке, – объявил наконец-то дедуля Огюстен. – Забирай свой котелок, Хуанита.

Я помогла новой знакомой: подержала чуть-чуть её малышку, пока дедуля грузил котелок в сумку, прикреплённую к коляске. Та стояла на улице у дверей нашей мастерской, мы по очереди подошли и сложили в неё младенца (Хуанита) и несбыточные надежды на доход от мастерской (я).

Почти полдня единственный мастер по ремонту артефактов работал бесплатно. А я, вместо того чтобы разбираться с документами и искать способы быстрого получения денег, развлекала клиентку разговорами. Нет, так больше продолжаться не может.

Помахав вслед уходящей госпоже Косме рукой, мы с дедулей вернулись в мастерскую.

– Дорочка, я со всем этим, – старик неопределённо покрутил рукой, – совсем забыл спросить, как вы с Негодяем? Уживаетесь?

Пёс в ответ широко зевнул и устроился подремать. Я тоже непроизвольно зевнула и ответила:

– Если бы он не мешал мне спать, всё было бы почти хорошо.

Не рассказывать же о том, как мопс отжал у меня больше половины всего спального места, а после вообще улёгся сверху? И кем я буду после этого в дедулиных глазах?

– Негодяй пытался сбежать? – по-своему понял меня мастер Огюстен. – Негодяй, ты зачем почём зря беспокоишь хозяйку?

Псина даже ухом не повела.

– Нет, не пытался, – сама от себя не ожидала, что буду выгораживать зубастый комок меха. – Он запрыгнул на меня, я проснулась и больше не смогла заснуть.

– Может, был голодным? – предположил, успокаиваясь, старик.

Я рассказала, как мопсу подфартило в ресторане, а на ночь он ещё и фрикадельки доел.

– Тогда я подумаю, – неопределённо сказал дедуля, – что тут можно сделать.

Тут можно сделать только машину времени, чтобы назад отмотать, уж я-из-будущего предупредила бы себя-из-прошлого: мол, ни за что не соглашайся принимать наследство в Апарисьо! Только вряд ли такой артефакт можно создать в этой мастерской

– Да, мне тоже надо подумать, – сказала вместо этого я, – где взять денег для Албина. Кстати, вы не в курсе, почему дядюшка Руджеро четыре с лишним года не платил за коммуналку?

Дедуля развёл руками. Дескать, в дела почившего друга не лез, считал, что всё с мастерской и её финансами в порядке.

– Ладно, – вздохнула я, – пойду наверх, проверю, как работает «вени-вени-так».

На самом деле я хотела ещё раз осмотреться. Во-первых, подготовиться к приходу мастера Мауро, а то показывать ему квартиру в том состоянии, в каком её увидела я, казалось не то чтобы неправильным, невозможным. А во-вторых, мне всё же было неясно, куда дядя (пусть земля ему будет пухом) девал деньги. Или проблемы с клиентами начались задолго до вчерашнего дня, и мастерская всегда работала в убыток, или Что или, я пока не могла даже сформулировать. Но что-то в голове не давало поверить, что дядюшка перед смертью вдруг впал в полную нищету.

– Негодяй, подъём, – мстительно скомандовала я.

Он не давал мне спать ночью, а я не дам ему выспаться днём. Взявшись за поводок, потащила мопса к лестнице на второй этаж. А тот даже обрадовался! Поскакал чуть не впереди меня!

Лестница радовала чистотой, панических атак больше не было, и я уверенно толкнула дверь квартиры. Негодяй сразу собрался на кухню. А я остановилась, обнаружив, что оставленный где-то в коридоре «вени-вени-так» дотянулся до В общем, он дотянулся до каждого дальнего уголка. Пол в квартире просто сиял. Ни грязи, ни мусора, ни игрушек-фантиков.

Негодяй принюхался и с удвоенной силой продолжил рваться на кухню. Все два его килограмма выражали решимость попасть к холодильнику во что бы то ни стало.

Глава 7

Мастер Мауро явился примерно в то же время, что и вчера. Только сегодня он был одет не в рабочую спецовку, а в привычные всему миру штаны из подсинённой парусины и белую футболку с надписью «Рестат» и цифрой «09» на груди. Видимо, болел за одноимённый наралийский клуб ножного мяча, а может, и нет. Сложно судить о внутреннем мире мужчины по его футболке.

Зато широченные плечи и отсутствие пивного живота одежда подчёркивала отлично.

Мы поздоровались, и первым делом мастер потребовал от меня план дома. Кажется, что-то такое было в документах, которые передал нотариус, и я начала было копаться в стопке бумаг, но тут вмешался мастер Огюстен.

– План не поможет, мастер Мауро, – авторитетно сказал он, – дом с пространственным карманом трансформируется по желанию владельца в любую форму.

– Так уж и в любую? – уточнила я, пока строитель с уважением оглядывался на стены.

– Так говорил твой дядя, Дорочка, – ответил дедуля.

– А вы не знаете, как именно он привязал к фундаменту пространственный карман? – тут же спросил Мауро. – Это было во время строительства или уже после? И

– Нет, – перебил его старик, – я познакомился с Руджеро, когда дом уже давно был построен. Мне и в голову не приходило задавать ему такие вопросы.

– Всё же придётся поискать план, – вздохнула я, когда Мауро с разочарованием отвернулся от дедули.

– План не поможет, – покачал он головой. – Всё равно придётся начинать с фундамента. Надо будет копать шурфы и обследовать...

Первый вопрос, который рвался наружу – что такое шурфы. Но куда серьёзней был второй – сколько это будет стоить?

– А фундамент обязательно ремонтировать?

– Простите, госпожа Валь, – чуть смущённо улыбнулся мастер Мауро, – у меня профессиональный переклин. Сразу хочу закопаться в глубину, а вы ведь ещё не сказали, какой именно ремонт планируете.

Ой, мама-мамочка, от его улыбки что-то во мне дрогнуло, но взрослая самодостаточная женщина вполне способна себя контролировать. Жаль, что самоконтроль не помогал против мелких собак.

– Самый лёгкий косметический, – ответила я, – просто чтобы в мастерской стало посветлее, а в квартире...

– Тут есть ещё и квартира? – удивился строитель, но потом хлопнул себя по лбу. – Да, пространственный карман! Никак не поверю, что с виду обычный дом оказался таким удивительным.

– Пойдёмте, я покажу вам второй этаж, – вздохнула я.

Всё же не стоило говорить про ремонт «самый лёгкий», что автоматически переводилось как самый дешёвый. Достаточно было слова «косметический», но вроде бы мастер заинтересовался?

В квартире после работы «вени-вени-така» оказалось вполне сносно, поэтому я плюнула на отсутствующий в Апарисью клининг, обрядилась в кухонный фартук и доубиралась сама. Сгребла всё лишнее с открытых поверхностей, перетряхнула диванные подушки, протёрла мебель и подоконники, даже добралась до люстр. В общем, жить здесь было по-прежнему нельзя, а провести экскурсию мастеру уже можно.

– Лестницу тоже хотите подновить? – спросил он, с любопытством первопроходца разглядывая ступени и перила.

– А надо? – уточнила я. – Понимаете, с деньгами сейчас сложно. Мало того что мастерская работает в убыток, так ещё и покойный дядюшка, как оказалось, задолжал крупную сумму в казну Апарисью.

– Мастер Руджеро не производил впечатления бедняка, – слегка удивился Мауро.

– А вы знали его лично? – в ответ слюбопытничала я.

– Конечно, его весь город знал, – кивнул строитель. – Мастерская по ремонту артефактов у нас одна, если что ломалось – шли к Руджеро. Он отличный мастер, хоть и говорили, будто не от мира сего. Но если разобраться, так про каждого мастера сказать можно. Кто делом своим увлечён, на остальное мало внимания обращает.

Я глубокомысленно кивнула и открыла перед ним дверь в квартиру. Странное дело, во время уборки Негодяй благонамеренно отсиживался в ванной, за закрытой дверью, и никакой тревоги вроде вчерашней у меня не было. Я решила провести эксперимент: спуститься в мастерскую, оставив мопса в квартире. И всё прошло удачно: отсутствие собакена в поле зрения никак не повлияло на мой дух. Видимо, квартира и Негодяй были созданы друг для друга. Я так обрадовалась, что стала планировать новый эксперимент – выход из дома. Но тут как раз пришёл Мауро.

Негодяй и ухом не повёл при виде гостя. Встретил, обнюхал, но ухом не повёл. Зато мастер разулыбался, сказал кучу комплиментов (красавчик, умный пёс и прочее) и со вздохом признался, что всегда мечтал о собаке. Я вежливо улыбнулась и перевела разговор.

– Что показать сначала, что потом?

– Если делать перепланировку, то сначала нужно определиться с несущими стенами, – быстро ответил он. – Если нет...

– Только косметический ремонт, – так же быстро ответила я. – Давайте посмотрим кухню.

Мауро вошёл вслед за мной на кухню и осмотрелся.

– Плитку заменить, – начала перечислять я, – раковину можно оставить, потолок, стены освежить. Пол, мне кажется, в хорошем состоянии, но...

– Покрасить? – уточнил он. – Или...

– Да, просто покрасить, – с облегчением выдохнула я.

Краска – это недорогое покрытие, к тому же быстро сохнет.

– Теперь ванная, – я повела мастера дальше по коридору.

Там ещё не выветрился запах средств для уборки, а ещё вдвоём с Мауро было тесно. Я уместилась на крошечном пространстве между углом ванны и стеной.

– Здесь нужно поменять сантехнику и полотенцесушилку, – я начала бодро, но тут взгляд упёрся в стену за этой самой полотенцесушилкой, с которой я час назад поснимала грязные тряпки.

Там явно придётся менять плитку, что-то не то со швами и вообще что-то не то. Ткнув пальцем в это не то, я с удивлением почувствовала, что стена поддаётся.

– Осторожно, – рявкнул Мауро, – тут – он придержал извитые трубы, что легко отошли в сторону, – кажется, тут тайник.

– Давайте скорей посмотрим! – заторопилась я.

Надеяться на клад, конечно, не стоило, но вот хотя бы немного денег Деньги сейчас бы пригодились, и я даже...

– Мне выйти? – прервал мои сладкие мечты мастер Мауро.

– Что? – не поняла я. – Зачем?

– Ну вдруг вы не хотите показывать мне содержимое? – отвёл он глаза.

Порядочный мастер попался.

– Да бросьте, я не удивлюсь, если у дядюшки тут был склад вторых носков, – фыркнула я. – Открывайте, ну интересно же!

Мауро аккуратно отвёл от стены блестящие трубы и прикреплённый к ним муляж плитки, и в стене образовалось квадратное отверстие размером несколько больше полуметра по каждой стороне. Там, разумеется, было темно, потому что мы, столкнувшись головами, полностью загородили свет. А без света лезть туда почему-то не хотелось.

– Минуту, – сказал строитель и достал откуда-то из заднего кармана штанов фонарик.

Он был узким и тонким, не толще обыкновенной ручки для письма, зато светил отменно. И я сразу увидела стандартную сейфовую защиту «от дурака» – тонкую, как волосок, проволочку, случайно задев которую человек мог лишиться руки, потому как она активировала ловушку «вампирский зуб».

– Сейчас, – мастер осторожно подвёл к креплению проволочки отвёртку, внезапно материализовавшуюся в его руках.

Два поворота, одно нажатие – и она безжизненно повисла, не представляя больше никакой опасности.

– Ого! – уважительно сказала я.

– Да это ерунда – Мауро замялся, – устанавливал такую защиту на сейф в офисе. Надеюсь, других ловушек тут нет.

Других ловушек не было. Я, конечно, сначала сунула туда не руку, а ручку от щётки для унитаза (стерильна после уборки, да и вообще не жалко). Но когда всё прошло гладко, попросила мастера посветить и уже прицельно вынула из тайника два свёртка, обёрнутых прочной плёнкой. Один, поменьше, – лёгкий, а второй побольше, но ненамного тяжелей.

В лёгком обнаружилась пачка бумажных денег. Пересчитывать не стала, но навскидку Навскидку, если там все купюры тысячные, то покрыть долги мастерской хватит.

В том, что потяжелей, была шкатулка. Старая деревянная резная шкатулка, которая много лет стояла в родительской квартире. Я сначала даже глазам не поверила.

– Что? – тревожно-вопросительно уточнил Мауро, глядя на мой ступор. – Опасный артефакт? Ловушка?

– Нет, – я медленно покачала головой, – просто этой вещи тут быть не должно.

Придётся-таки побеспокоить маму. Не могла же шкатулка попасть сюда без её ведома? А это значит, что она давно, ещё при жизни дяди Руджа сговорилась с ним и водяная матерь, как же это всё меня бесит!

– Руджеро был артефактором, – напомнил о себе и о банальном факте Мауро.

Я уже стала сомневаться, правильно ли поступила, оставив его тут. Но он продолжил:

– Может, вещь-то не совсем та. Или совсем не та, просто выглядит как то, о чём вы подумали.

– Эта шкатулка с секретом, который я сама в детстве сломала, – медленно начала я. – Она открывается – я сделала привычное движение, но почему-то шкатулка не открылась.

Ну конечно, дядя был артефактором, вот и починил! Я повернула вещицу боком и надавила ногтем на нужное место. Раздался щелчок, сработал механизм, и шкатулка открылась.

– Ну вот, видите? Видите, я сама сломала эту пружину, а вот тут...

Тут я в детстве играла с шахматными королем и королевой и разрисовала карандашом на внутренней гладкой части шкатулки кроватки для их детей – маленьких пешек. Но сейчас следы моих цветных карандашей почему-то отсутствовали. Дядя провёл полную реставрацию ненужного хлама из дома родителей?

– Что-то не так? – спросил Мауро, который внимательно следил за моими действиями. – Не то содержимое?

– Не знаю, – медленно ответила я, остывая. – А что это вообще такое?

В шкатулке лежали какие-то расчёсочки, ленточки, бантики, какая-то девчачья ерунда со стразиками – совершенно не то, что держала в ней я. И только резиновая косточка – в

точности такая, какой играл с Негодяем дедуля Огюстен, – заставила догадаться, что всё это тоже предназначено для мопса.

– Кажется, это всё для собачьих причёсок, – сделала я вывод, – и совершенно бесполезно.

Хорошо, что, помимо собачьих принадлежностей, дядя тут деньги спрятал, хоть я и не понимаю, зачем было делать такую задолженность, если они у него были.

Я небрежно отставила шкатулку на угол ванны, встряхнув содержимое. И вдруг заметила за ворохом ленточек и бантиков изящную фарфоровую фигурку. Она почти не выбивалась из окружения, разве лишь тем, что собачьей игрушкой быть не могла. И если относительно шкатулки моя уверенность слегка пошатнулась (не без участия Мауро, конечно), то эту фарфоровую куколку я лично уронила на пол и отбила ей краешек пышной юбки. Отбитый кусочек так и не нашли, поэтому да, так и есть, осталось белое шершавенькое место размером не больше ногтя моего мизинца. Я провела пальцем по этому месту, как делала множество раз, и куколка исчезла. На моей ладони лежал серебристый собачий свисток.

– Что это? – с умеренным интересом спросил Мауро.

Когда-то я пыталась перебороть фобию и по совету знающих людей носила с собой такой вот свисток. Только, конечно, попроще – из обычной стали. Этот выглядел, да и весил посерьёзней, а материал походил не то на лунное серебро, не то вообще на платину.

– Собачий свисток, – ответила я, – скорее всего, тоже принадлежит Негодяю.

Мастер осторожно покосился на меня с вопросом «какому». Пришлось объяснять, что это кличка пса, который достался мне вместе с домом в наследство.

– Если что, это дядя Рудж так его назвал, – поспешила я объясниться из-за укоряющего взгляда серых глаз.

– Вообще, конечно, вид у парня шкодный, – внезапно согласился Мауро. – Так что делаем дальше? Теперь, как я понимаю, деньги на ремонт появились?

Я пожала плечами. Кто его знает, в любом случае сначала надо расплатиться с долгами городу.

– Понятия не имею, но, наверное, надо доосмотреть дом?

Мауро закрыл тайник, я сунула пачку денег в шкатулку, а собачий свисток почему-то так и держала в руке.

Может, надеялась, что он снова превратится в фарфоровую куколку?

В общем, мы отправились дальше. Следом за ванной была небольшая спальня, в которой вмещалась кровать, пара стульев да шкаф, в который я ещё даже не успела заглянуть.

– А может, здесь тоже есть какой-нибудь тайник?

Комната мне нравилась, почему-то казалась более уютной, чем та, что побольше. Конечно, когда тут не было мопса. А сейчас он вдруг появился, усевшись в дверях со своим обычным милашечным видом.

– Сейчас у меня нет с собой инструментов, – сказал Мауро, – но могу принести и обследовать все стены, пол и потолок. Если есть ещё какой-то тайник, обязательно обнаружится.

– Буду вам признательна, – ответила я. – Здесь, мне кажется, всё в хорошем состоянии, достаточно будет обновить обои.

– Стены ровные, – навскидку определил мастер, – потолок тоже, с полом могут быть проблемы.

Деревянный пол был немного изношен. Кое-где трещины, кое-где облупившаяся краска, что стало хорошо заметно после работы «вени-вени-така».

– Тогда я бы хотела – я задумалась, подбирая в голове варианты подешевле.

– Можно снять старый пол и положить паркетную доску, – предложил Мауро.

– Паркет, конечно, хорошо, но я такое не потяну. К тому же – я вздохнула, – делать такой ремонт в доме на продажу как-то нерационально.

– Понимаю, – погрустнел Мауро, – но вы всё-таки подумайте. Завтра приду с инструментом, тогда и решите всё окончательно.

Я согласилась, конечно, но только чтобы не расстраивать хорошего человека, и повела его в последнюю комнату. По сравнению с тем, что тут было до моего приезда, место досуга дядюшки и его питомца просто преобразилось. Даже старое кресло и продавленный диван не портили шикарное окно почти от пола до потолка и правильные пропорции помещения.

– Здесь можно было бы сделать двухуровневый потолок с подсветкой – начала было я, но одёрнула сама себя.

Мопс, пришедший следом, тут же затявкал, не находя вокруг ни игрушек, ни миски с костями.

– Извините, собака хочет есть, – сказала я, ни секунды не сомневаясь в своих словах. – Давайте в самом деле встретимся ещё раз, завтра, и тогда всё решим.

Мауро не стал кочевряжиться и попрощался. Но перед тем, как уйти, обещал, что ничего не расскажет о тайнике дяди Руджеро. А я почему-то и не сомневалась. Как не сомневалась в том, что мопса срочно нужно покормить. Чувство было такое, словно я сама была голодной. Может, в холодильнике ещё остались сосиски дедули? Конечно, потом нужно будет отдать ему деньги. Или сбегать в магазин, тут уж как получится.

Я прибрала шкатулку в пакет, собачий свисток сунула в карман и рванула к холодильнику. Кто бы мог подумать, Негодяй уже сидел перед дверцей и смотрел с укором.

– Подвинься, – велела я и бестрепетно открыла продуктохранилище.

Вместо сосисок внутри обнаружились кости. Целый пакет костей разного размера и степени обглоданности. Я взяла со стола чисто отмытую миску и под радостное тявканье нагрузила её костями.

Негодяй сосредоточенно принялся жрать, а я вдруг осознала, что только что ставила перед ним еду и даже не отшатнулась, когда зубастая морда сунулась прямо под руки! Это что, я больше его не боюсь?! Ещё раз прислушавшись к себе, совершенно не ощутила того всепоглощающего ужаса от присутствия рядом мехового помпона для тапочек. Ещё утром трясло, когда он пристроился на мне спать, ещё перед приходом мастера Мауро я старалась держаться как можно дальше от пушистого монстра, и вдруг

Это вдруг логически можно было увязать только со вскрытием тайника. А если конкретней, со шкатулкой и оказавшейся в ней фарфоровой куколкой из моего детства. Ну что ж, настало время позвонить дорогой мамуле и получить все объяснения. Сейчас мне уже было плевать на время, хотя обед давно миновал и Ванилька должна бы уже проснуться.

Бормотунчик остался внизу, в мастерской, и я торопливо выскочила на лестницу и понеслась вниз сломя голову. Дедуля Огюстен общался с клиенткой, которая со счастливым видом прижимала к себе какой-то металлический ящик, но я лишь мельком кивнула обоим, схватила сумку и повернула назад.

Уже на лестнице вытащила связной артефакт и набрала номер дорогой родительницы.

– Дора, – обрадовалась мамуля, – ну наконец-то! Я уже сама собралась тебе

– Мама, – перебила я, – откуда у дяди взялись шкатулка и фарфоровая кукла из нашей старой квартиры?

– Уже нашла? – ещё больше обрадовалась она. – Дочка, я в тебе не сомневалась!

Оказалось, что интригу с завещанием дяди провернули задолго до его кончины.

– Я же думала о тебе, хотела как лучше, поэтому и потребовала от Руджа сделать артефакт от твоей фобии. Ну а чтобы ты точно им заинтересовалась, отдала ему и шкатулку, и твою любимую игрушку.

– А предупредить меня заранее было нельзя? – окончательно рассердилась я.

– Дорогая, я же знаю твой характер, – вздохнула мама. – Тебе нужно всего добиваться самой.

– Ещё скажи, что и с бывшим снова свести не пыталась, – рявкнула я в артефакт.

– С каким бывшим? – вполне натурально удивилась она. – С Леоном, Марселем или Албином?

Нельзя, нельзя поддаваться на провокацию. А то ей только дай повод!

– Ладно, верю, что ты не при чём, – ледяным тоном ответила я. – Но учти, мама, твой обман сильно меня расстроил.

Но тут в артефакте послышался лепет Ванильки:

– Доа, Доа, ты кода пиедешь?

Я невольно растаяла. Эх, из-за племяшки пришлось простить и родителей, и всё семейство заговорщиков оптом.

Глава 8

Окончание дня после обретения денег и артефакта от моей фобии прошло почти приятно: во-первых, я сразу сняла с Негодяя надетые вчера бусы-невидимки. Как будто нужно было радоваться – вот она, свобода, – но, когда отключился мой страх перед мелкой псинкой, показалось, что эта свобода уже не так и нужна.

Не сказать, что я сразу воспылала к помпону апельсинового цвета нежной любовью. Но зато с удивлением обратила внимание, что он не линяет, продолжает приятно пахнуть и сильно скучает, если с ним не играть.

Какое-то время мы с ним покидали (я) и половили (он) мячик, и это было даже забавно. Потом спустились на первый этаж и похвастались собачьим свистком дедуле Огюстену. Он снова едва не прослезился от воспоминаний о своём гениальном друге Руджеро, который перед смертью предусмотрел буквально всё – даже мою фобию. Тут я чуть не фыркнула (про это знала вся семья), но вовремя вспомнила про чувствительную натуру дедули и своё себе же обещание не орать в мастерской.

Вот про тайник с деньгами почему-то не сказала. И спросил бы кто «почему?», ответить бы не смогла. Но ход мыслей был таков: если бы дядя хотел, мог бы и сам предупредить своего друга: мол, как явится наследница, покажи ей тайник. Но раз он решил поиграть в шпионов, то и я промолчу.

Не доверять дедуле, который так тепло и душевно меня встретил, было глупо. Может, дядя окончательно выжил из ума или стал адептом теории всеобщего заговора, не знаю. Но я-то тут человек новый. Сначала осмотрюсь, а уж потом начну выдавать семейные секреты.

К закрытию мастерской я подготовила все документы для банка, решив сходить туда завтра же. Мы с Негодяем распрощались с дедулей и снова пешком потопали в отель. По дороге мопс два раза гонял кошек и почти поймал ленивого нерасторопного голубя, а всё потому, что я расслабилась и чуть не упустила поводок. Не-ет, пока не привыкну к этому «наследству», надо держать ухо востро!

В ресторанчике рядом с «Сен-Сентуро» повторилась вчерашняя история – всеобщее умиление, косточки и «собачья сумочка».

Даже ночь прошла спокойно. Просто я категорически запретила собакену лезть на кровать, а он – вот чудо-то! – послушался и остался спать на диване. Не иначе, какое-то дополнительное свойство артефакта, который я повестила на шею и не собиралась снимать до вообще не собиралась.

На следующий день был запланирован визит к ветеринару. Время, конечно, не самое удачное: одиннадцать утра. То есть ни два ни полтора, день разрывался на неизвестное количество частей. Поэтому я решила сначала прямо к открытию явиться в банк и заплатить все долги дядюшки Руджеро, а потом уже как карта ляжет. Если успею – заскочу в мастерскую, не успею, значит, сразу в клинику.

Но возникла проблема: ветеринар настоятельно советовала взять с собой переноску. Мол, так будет всем спокойней: и мне, и другим собачьим хозяевам, и всем нашим питомцам. Я подозревала, что спокойней будет в первую очередь ей и персоналу клиники, но делать нечего. Сунула в переноску мячик и резиновую косточку, чтобы мопсу было не скучно, а себе в сумку положила большую упаковку влажных салфеток. Так, на всякий случай. В Апарисью, конечно, сухо, но это не значит, что собакену не нужны чистые лапы. Особенно когда мне придётся брать его на колени.

Банк располагался на другой стороне Торговой площади, и пешком от «Сен-Сентуро» мы добрались за каких-то пятнадцать минут. Я, учёная множеством неурядиц, которые приходилось разрешать в разных банках разных стран, взяла с собой, помимо платёжек и налоговых

требований от мэрии, все документы, какие только возможно: и завещание, и документы на дом, и полный комплект собственных. Но в отделении Королевского банка Наралии в Апарисью всё прошло без сучка без задоринки.

Негодяй и тут собрал собственный фан-клуб из сотрудников и посетителей: он вилял пушистым хвостом и улыбался по-собачьи во все стороны, а люди вокруг восторгались его апельсиновой шерстью и розовым бантиком в горошек.

Оплатив все дядины долги, я по-дружески распрощалась с операторами, администратором и кассиром, и оказалось, что прошло всего-то сорок минут. До назначенного ветеринаром времени ещё больше часа.

И вот что получается: зайдёшь в мастерскую на пятнадцать минут, а потом опять возвращайся в центр в клинику. И эта переноска только руку оттягивает, потому что Негодяй-то пока прыгает на поводке и своих лапах. И опять же, делать нечего, пришлось обходить рынок, который пестрел разнообразными продуктами, колоритными продавцами и озабоченными покупателями, а потом идти к Абрикосовой улице с другой стороны.

Мы вышли на неё через узкий Амадонский проулок, упиравшийся в перекрёсток почти рядом с мастерской. Удачно, я считаю, вышли, потому что оттуда как раз появился довольный клиент. Дедуля Огюстен прятал деньги в свою коробку, а я порадовала старика хорошей новостью: все долги заплачены, можно спать и работать спокойно.

– Дорочка, – расплылся он в улыбке, – какая же ты умница!

– Пришлось подключить родственников, – пожала я плечами. – Раз втравили меня в это наследство, пусть помогают. Выручка, конечно, не покроет долгов, но я надеюсь

– Как только ты появилась в мастерской, выручка стала расти, – торжественно объявил дедуля Огюстен. – Просто счастье, что Руджеро сделал наследницей тебя!

Негодяй в подтверждение несколько раз тявкнул, и я со вздохом попросила дедулю помочь мне с переноской.

– Да, вам же сегодня к ветеринару, – он хлопнул себя по лбу, – ставь её сюда, на диван!

Мы в четыре руки затолкали пса в переноску, причём решающим аргументом стала резиновая косточка. Потом я взвесила всё это в руке и подумала, что лучше вызвать такси. И только сидя на заднем сидении под недовольное ворчание Негодяя, поняла, что впереди ждут серьёзные испытания.

Ветклиника встретила меня изрядной очередью и почти полным отсутствием свободных стульев. А ещё тут было много других собак: овчарок, терьеров и водяная матерь знает кого ещё. Казалось, что все они смотрят исключительно на меня, смотрят без одобрения, и я с трудом заставила себя не обходить всех по широкой дуге, а шагнуть прямо к свободному месту. Оказывается, фобия не прошла целиком. Артефактный собачий свисток сработал только с Негодяем, и какое же счастье, что больших собак я всё-таки боялась меньше, чем маленьких!

Переноска качнулась, когда я устанавливала её на колени, и Негодяй негромко тявкнул. Почему-то этот звук подействовал на меня успокаивающе. Подумаешь, псы. Подумаешь, почти каждый способен проглотить меня целиком. Спокойствие, Дора, не дрожи, вспомни, зачем ты сюда пришла. Сейчас ветеринар осмотрит Негодяя, и ключ от портала обязательно найдётся.

Тут я подумала, что за считаные дни смогла решить большую часть проблем с наследством, да и вообще я умница и молодец. Как раз в этот момент сидящий рядом дог басовито залаял, я подпрыгнула, вызвав недовольство шпица и соседей, но тут, к счастью, нас вызвали в кабинет.

Госпожа Бланш оказалась немолодой дамой очень энергичного вида. Она выслушала мои пожелания по поводу обследования, жестом предложила поставить переноску на стол и спросила:

– Ну, кто у нас тут? Шпиц? Давайте его сюда.

Как будто пропустила все мои слова мимо ушей. Я расстегнула замок. Из переноски медленно, с королевским достоинством, появилась оранжевая мордочка. Негодяй окинул кабинет взглядом и... замер на полпути. Видимо, настройка на пса не прошла даром, потому что сейчас я точно знала, куда он смотрит. Весы. Не просто весы, а личный враг и орудие пыток в одном, так сказать, артефакте.

И в этот самый момент госпожа Бланш сказала:

– Для начала взвесимся.

Она потянулась к нему. Негодяй издал звук, похожий на шипение разъярённой кошки, и забился вглубь переноски.

– Он не любит... – пролепетала я, сражённая собственным пониманием мотивов «бедного пёсика», – его личное пространство...

– Они все не любят, – невозмутимо отозвалась госпожа Бланш. – Идите сюда, красавец.

Противостояние было эпичным. Мы вдвоём с ветеринаром пытались вытащить пушистого монстра. Он цеплялся когтями за искусственную травку внутри переноски, издавая такие драматичные вопли, будто его влекут на эшафот. На помощь прибежал кто-то из помощников госпожи Бланш, меня оттеснили от стола и в конце концов ветеринарная сборная победила.

Но Негодяй не сдался. Он принял позу несгибаемого борца за свободу – все четыре лапы растопырены, тело распластано, и тут было ясно: максимальная площадь соприкосновения с весами заставит их выдать максимальный же вес. Стрелка артефакта дёрнулась и показала два килограмма семьсот граммов.

Помощница госпожи Бланш взялась записывать цифры, а сама она уверенно сказала:

– Ну, вполне упитанный экземпляр.

Услышав это, Негодяй тут же свернулся в маленький пушистый шарик. Стрелка скакнула назад до «один килограмм и восемьсот граммов». Помощница с удивлением озвучила новые цифры, но госпожа Бланш лишь подняла бровь и продолжила осмотр.

– Теперь измерим температуру.

При этих словах Негодяй замер. Его маленькое тельце напряглось. Он медленно повернул голову и уставился на меня так, словно я только что совершила нечто большее, чем предательство. Случалось ли вам чувствовать себя худшим человеком на планете? Нет? Мне до этого момента тоже.

– Может быть, просто использовать магосканер? – предложила я, но меня снова никто не услышал.

Зато все услышали Негодяя, который при виде термометра издал такой душераздирающий визг, что снаружи, в зале ожидания, в ответ залаяли все собаки. Он вывернулся из рук держащей его помощницы и сделал настоящий цирковой трюк с исчезновением шпица в пространственно-временном континууме, внезапно оказавшись не где-нибудь, а на моей голове.

На несколько минут в кабинете воцарился хаос. Я пыталась стряхнуть с себя визжащий меховой помпон и вопила «Негодяй, фу!», госпожа Бланш с помощницей пытались достать его термометром, как охотницы копьём, а с потолка сыпались шерстинки цвета апельсинового мармелада.

В итоге температуру так и не измерили.

– Зачем, говорите, вы к нам пришли? – отдышавшись, спросила госпожа Бланш. – Проверить собаку на наличие посторонних артефактов?

– Именно так, – кивнула я, пытаясь пригладить торчащие во все стороны волосы.

Негодяй забился в переноску и не подавал признаков жизни, но я даже сквозь плетёные стенки убежища ощущала его удовлетворение.

– Магосканер сломался, – доложила в этот же миг помощница.

– Только этого не хватало, – подскочила госпожа Бланш. – Приношу свои извинения, но придётся вам прийти ещё раз.

Я вышла из кабинета не солоно хлебавши, но с обещанием, что, как только магосканер починят, меня сразу известят. Вызвала такси и, после пятиминутного ожидания, вернулась на Абрикосовую улицу. Правда, теперь я испытывала чувство вины перед Негодяем, который молча сидел в переноске. И, чтобы отвлечься, смотрела по сторонам в окно.

Вот благодаря этому и заметила, как возле памятного фейского забора садовник Поль Твиго стрижёт изрядно разросшиеся кусты крушины (кустиками их теперь назвать не повернулся бы язык), а над забором висит, трепеща крыльями, фея Миранда и ругается на чём свет стоит.

– О! Опять скандалит, – высказался таксист. – Никогда не думал, что феи настолько вздорные особы.

– Опять? – зацепилась за его слова я, потому что в этот момент Миранда вылила на голову садовника ведро с какой-то тёмной жижей.

– Да постоянно, – закивал водитель, – весь город уже знает, что нельзя растить живые изгороди выше полутора метров, а им всё равно. Бедняга Твиго выполняет распоряжения муниципалитета, а эти понаехавшие за каждый упавший листик драться готовы.

– И что, вот так каждый раз? – спросила я, когда такси уже миновало опасный забор.

Просто я на месте садовника, облитого чем-то с ног до головы, уже пожаловалась бы в полицию.

– Не, раньше до помоев не доходило, – покачал головой таксист.

– А объяснить феям про размеры изгороди никто не пробовал? – уточнила я напоследок, расплатившись и вытаскивая переноску из мобиля.

– Понятия не имею, – пожал плечами водитель, – но я бы на вашем месте такое соседство терпеть не стал.

Я пожала плечами. Лично моё знакомство с Мирандой вышло вполне удачным, к тому же все наверняка знают, как феи относятся к своим растениям. Муниципалитет вполне мог бы как-то с ними договориться или даже сделать для фейского забора исключение. Вот Поля Твиго было действительно жаль. Мало того что скандалы на работе, ещё и ножницы артефактные постоянно ломаются.

Тут в голове мелькнула какая-то ценная мысль, но мигом сбежала, когда мы с переноской оказались в мастерской. Всё пространство от двери до приёмки было заставлено коробками с логотипом известной фирмы доставки, а на диванчике маялся курьер.

– Госпожа Валь? – тут же подскочил он, завидев меня.

– Она самая, – подтвердил со своего места дедуля Огюстен. – Дорочка, тут вот доставка приехала, тебя требует.

– Я ничего не заказывала, – поспешила отказаться я, быстро ставя переноску на освободившееся место.

Негодяй фыркнул или чихнул, так что сначала я выпустила натерпевшегося собакена, а уж потом стала смотреть на бумаги, которые совал прямо в руки сотрудник доставки.

Мопс, вместо того чтобы пожаловаться на ветеринарный произвол дедуле Огюстену, остался на диванчике, внимательно разглядывая глазками-бусинками курьера и его коробки. А я читала сопроводиловку и с трудом держала себя в руках. Отправителем значилась некая «П. Ограммон». Ну бабуля, ну учудила! Столько коробок! Да что там может быть?

– Не могу знать, – с облегчением высказался курьер, когда я уже поставила подпись в его накладной.

Он быстро распрощался и вышёл, а я беспомощно посмотрела на дедулю Огюстена.

– Ох, Дорочка, – тяжко вздохнул он, – коробки надо хоть от входа оттащить, а у меня сегодня, как назло, поясницу прихватило.

Негодяй с достоинством спрыгнул на пол и пошёл обнюхивать вновь прибывшее добро. А я, поняв, что могу рассчитывать только на себя, раздумывала: сразу позвонить бабушке Полетте или сначала вскрыть какую-нибудь коробку, чтобы понять суть внезапной доставки.

Поискав глазами вокруг что-нибудь вроде ножа и не найдя ничего хотя бы внешне похожего, я взялась за бормотунчик.

Но в этот момент он заверещал сам. Видно, бабуля получила сигнал от фирмы-доставки, что груз на месте.

– Дора, это бабушка, – величественно высказалась она. – Я посоветовалась с Магритой, и мы решили, что тебе в новом доме нужны комфортные условия.

– Бабуля, во-первых, здравствуй, – проявила вежливость я, – а во-вторых, ты для начала могла бы спросить меня, а не Магриту.

– Ты же сама мне плакалась, что дом в плохом состоянии, нужен ремонт и всё такое! – возмутилась бабуля. – Вот мы с Магритой и отправили тебе разных тряпочек. Для дома, для уборки, для

– Двенадцать коробок? – перебила я.

– Пара коробок от твоей матери, – тут же сдала маму бабуля, – я говорила, что сервизы могут и подождать, но разве её убедишь?

Я медленно двинулась мимо коробок и отыскала две с пометкой «Осторожно! Хрупкое!». Слов почти не осталось, но я помнила, что в мастерской орать нельзя.

– В остальных десяти что? – сказала я очень-очень спокойно.

– Ну как что? Полотенца, скатёрки, постельное бельё, ткань на занавески, – зачастила бабуля, – тебе всё это пригодится, разве нет?

Мысленно я уже рычала, но тут дверь позади меня открылась и вошёл мастер Мауро.

– Спасибо, бабуля, я потом тебе перезвоню, – быстро закруглить разговор сейчас было жизненно необходимо.

Не стоит постороннему симпатичному мужчине видеть, как я синею от душащей злости на дорогих родственниц.

– Доброго дня, – почти одновременно сказали друг другу мы с Мауро (дедули Огюстена за коробками было не разглядеть).

– А что тут у вас за баррикады? – начал строитель, когда я почти собралась извиняться.

– Родственники прислали всякое барахло, – лучезарно улыбнулась я, прикидывая, как уговорить его поднять всё это на второй этаж.

Или хотя бы дотащить до склада артефактных запчастей, куда должно поместиться навскидку несколько штук.

– Помогите, мастер Мауро, – вмешался дедуля, – у меня-то поясницу прихватило, а Дорочка сама не справится.

– Куда отнести? – одной рукой Мауро поднял коробку, а другой поставил поверх неё ещё одну.

– На второй этаж, – с облегчением выдохнула я под довольное тявканье Негодяя.

Мы так и двинулись наверх: впереди мопс, следом я с ключами, а последним – Мауро с коробками. И надо признать, что перенёс он всё с лёгкостью, даже с изяществом, если можно так сказать о квадратных коробках размером метр на метр. Во всяком случае, не запыхался – это точно.

Глава 9

Когда вернулся Мауро с последней партией коробок, я сидела на полу, водила пальцем по свеженькому лаку и пыталась как-то осмыслить, что произошло. Рядом прыгал Негодяй, пытавшийся вывести меня из ступора и отправить за едой на кухню. Напрасно. Всё, на что я сейчас была способна, это орать бесполезное «Аааaа!»

– Что случилось? – забеспокоился строитель. – Госпожа Валь, у вас всё в порядке?

– Не знаю, – ответила я сразу на оба вопроса. – Мастер Мауро, вы помните, как вчера мы осматривали эту комнату?

– Конечно, – уверенно сказал он и поставил коробки на пол, – здесь отличный потолок и ровные стены, осталось решить вопрос с полом.

Мастер опустился на корточки рядом со мной и тоже провёл пальцем по чистому лакированному дереву.

– Это – вопросительно начал он и уставился на меня.

– Понятия не имею, – тут же ответила я, – со вчерашнего дня тут не была и не понимаю, что происходит!

– Может, спросить мастера Огюстена? Вдруг он сделал какой-то артефакт для

– Продолжайте, – поощрила его я.

– Артефакт для ремонта, – сказал Мауро намного тише, – но разве такое возможно?

– Вы строитель, вы мне скажите, – буркнула я.

Из головы улетучились всякие связные мысли. Предположение насчёт артефакта дедули Огюстена было совершенно невозможным. Вчера он даже не поднимался в квартиру, вечером ушёл вместе со мной, а сегодня с утра работал с клиентом, так когда бы он успел сделать артефакт да ещё и опробовать его именно в этой комнате?

– Время от времени появляются проекты, даже опытные образцы, – говорил тем временем Мауро, – но до сих пор пока не было создано ни одного артефакта, который сам по себе выполнял бы любой строительно-ремонтный процесс без участия мастера.

А вдруг это дом сам по себе решил, что ему нужно обновить старый пол? Эта идея тоже не отдавала здравостью, и я решила промолчать, но строитель продолжал:

– Во времена учёбы нам рассказывали про некую систему артефактов под названием «умный дом», но чтобы туда были встроены функции самообновления? Нет, прогресс не стоит на месте, но этот дом построен довольно давно. Вряд ли ваш дядя, помимо портала, подключил сюда что-то ещё.

– И как тогда объяснить вот это? – я ткнула пальцем в покрытую лаком светлую древесину.

– Объяснений нет, но есть предложение, – Мауро поднялся и протянул руку, чтобы помочь и мне.

Я ухватилась за его ладонь и с лёгкостью оказалась в вертикальном положении. Сила энерции протащила тело вперёд и впечатала в мужскую грудь. Грудь была твёрдой и широкой, словом, впечатляла. Но сейчас мне было не до неё. Ведь в доме, который всучило мне семейство, творилось непонятно что!

– Какое предложение? – уточнила я, отлипнув от внезапно замолкшего мастера.

– Давайте проведём эксперимент, – ответил он. – Если вы уверены, что после нашего вчерашнего разговора здесь никого не было, надо повторить...

– Повторим, – обрадовалась я. – Кстати, я ещё не заходила на кухню, может, там тоже что-то изменилось?

– Пошли, проверим, – сказал Мауро.

Первым на кухне, конечно, оказался Негодяй. Сел возле холодильника и завилял хвостом.

– Потерпи, – велела я вечно голодающему, – твоя еда внизу.

– Я принёс псу косточку, – нерешительно заметил Мауро, – вы разрешите?

Да, я слышала, что нельзя разрешать посторонним кормить твою собаку. Это, мол, не только вредит её режиму питания, но и подвергает опасности хозяина – сколько известно случаев, когда псы съедали угощение с отравой или снотворным, после чего человек оставался беззащитным перед преступниками. Но перед мопсом задача моей охраны не стояла, а после ветеринарного апокалипсиса он заслужил что-нибудь приятное, и я разрешила.

Мауро достал из безразмерного кармана свёрток, вынул оттуда косточку и положил перед Негодяем. Шпиц ухмыльнулся во всю пасть и на некоторое время отвлёкся на еду. Мы с Мауро переглянулись и осмотрелись.

– Похоже, на кухне ничего не изменилось, – со вздохом признала я.

– Похоже, – согласился он. – Тогда давайте повторим тут всё в точности как в той комнате вчера.

– Мы зашли и стали говорить о тайнике, – старательно припоминала я, – вы собрались принести инструмент и всё обследовать.

– Верно, – соглашался Мауро, – а потом речь зашла о смене обоев, и я сказал, что стены и потолок в хорошем состоянии, а пол лучше заменить на паркетную доску.

– На которую у меня нет средств, – подхватила я. – А потом явился Негодяй. Может, всё дело в нём?

Как-никак, ключ от портала. Вдруг он и в этом как-то замешан?

– Сейчас ваш шпиц рядом. Давайте попробуем, – сосредоточенно выдал мастер. – Всё то же самое, только про кухню.

Я медленно огляделась вокруг. Конечно, очень хотелось, чтобы размер у кухни поменялся. Но это сейчас не главное.

– Здесь нужно заменить плитку, – медленно произнесла я.

– Какую бы вам хотелось? – тщательно взвешивая слова, спросил Мауро.

– Мне нравятся азурийские мотивы, – произнесла я, – но к яркому орнаменту придётся подбирать нейтральные оттенки текстиля и очень простую мебель, так что пусть плитка будет просто белой.

– Блестящей или матовой? – уточнил опытный строитель.

– Матовой, – быстро выбрала я. – Остальные стены и потолок нужно тоже осветлить.

– Записал, – кивнул Мауро. – Что с полом? Может, паркетная доска?

– Паркетную доску я точно не потяну, – припомнила я свой вчерашний ответ.

– Тяв, – вмешался в разговор Негодяй.

Как точку поставил.

– Всё? – спросил Мауро вполголоса. – Теперь ждём.

– Конечно, – я легкомысленно кивнула, соображая, что за время вынужденного ожидания можно что-нибудь приготовить.

Признаюсь честно, руки уже чесались. Во время уборки я мельком заглянула в кухонные шкафчики и обнаружила, что там есть вполне годный набор продуктов длительного хранения, как у нас на «Принцессе морей» называли сухпайки на случай крушения. Здесь были мука, сахар, яичный порошок, сухое молоко, макароны, приличный запас консервов – от разных фруктов и маринадов до сардин и тушёнки.

В общем, оставалось лишь выбрать, и я склонялась к блинчикам. Нагнулась, протянула руку к дверце шкафа, где видела сахар и муку, и вдруг почувствовала какое-то шевеление под ногами. Дом зашатался, что ли? Одновременно раздался душераздирающий деревянный скрип, щеки коснулось дуновение воздуха, а вокруг как будто задвигались предметы.

– Что происхо – начала было я, разгибаясь, но в этот момент Мауро метнулся вперёд, схватил меня в охапку и в один присест вынес за дверь.

– Началось, – благоговейно прошептал он, не торопясь выпускать из рук моё слегка сплющившееся тело.

Телу, правда, было даже приятно. Его давно никто не держал на весу так крепко, что в крови забродили вполне понятные женские желания. Но всё же интерес к происходящему на кухне взял верх.

– Поставьте меня, – велела я, – а то ничего не видно.

– Да, конечно, – смутился строитель, – простите, госпожа Валь.

– Теодора, – объявила я, – можно просто Дора.

После таких объятий глупо и даже недальновидно отгораживаться от мужчины официальным «госпожа Валь».

– Анри, – отозвался он, – и можно на «ты».

Кстати, опустил на пол только после того, как я кивнула.

А в это время на кухне происходил происходило происходили масштабные процессы перестройки, нет, пожалуй, перекройки реальности. Штукатурка в облаках пыли волной отходила от потолка, чтобы в следующий момент прикипеть к нему уже обновлённой до чистейше-белоснежного состояния. Плитки одна за другой ровными рядами отделялась от стены, потом, как на конвейере, меняли цвет и фактуру – в точности по моему заказу – на белую и матовую, а затем вставали на своё место без каких-либо признаков использования мастерка и плиточного клея. Но больше всего меня поразило преображение пола. Сначала из покрытия вылетали гвозди, за ними в воздух поднимались сами доски, кружились вокруг собственной оси и из обшарпанных превращались в гладкие, золотистые, лаковые. И всё это происходило одновременно! А посреди ремонтного хаоса на кухонном столе восседал Негодяй и нервно подёргивал правым ухом.

– Водяная матерь, – выдохнула я, – ты же можешь ходить сквозь стены, так почему не ушёл?

– Ему ничего не угрожает, – успокоительно сказал Анри, – посмотри на траекторию движения этого саморемонтного...

– ...хаоса, – закончила я, бросив косой взгляд на мастера.

Он, как восторженный мальчишка, заворожённо смотрел на пляшущую плитку и парящие половые доски, но я почему-то подумала, случись что, шпица он бы вытащил так же, как и меня.

– Если я об этом расскажу, никто не поверит, – негромко произнёс Анри, когда облако пыли стало рассеиваться, доски с гвоздями снова стали единым целым, а стены с потолком засияли невиданной доселе белизной.

– Тяв, – бодро пролаял Негодяй, – тяв-тяв-тяв.

Как будто подтвердил, что болтать о таком не надо.

– Похоже, эксперимент удался, – сказала я, делая первый шаг в обновлённую кухню.

Пол, стены, потолок слой пыли на всей мебели, грязный холодильник Я поискала глазами тряпку. Видно, сегодня у меня уборочный день. Но тут раздался лёгкий скребущий звук, и на пороге кухни объявился «вени-вени-так».

Какой всё же полезный подарок сделала мастерской госпожа Борк.

– Однозначно удался, – подтвердил Анри, – и это фантастика!

По голосу было слышно, что он потрясён. Я, конечно, тоже такого не ожидала, но почему-то теперь, убедившись, что дом способен на такие чудеса, чувствовала себя намного спокойнее, чем час назад, сидя на обновлённом лакированном полу маленькой комнаты. Всё же получив объяснение, даже такое частичное, жить намного легче.

Жаль только, что мебель осталась прежней. С другой стороны, что бы стало с Негодяем, если бы вместе с полом, стенами и потолком изменился и стол? Этот вопрос породил новый:

– Интересно, а пол под мебелью и стены за ней остались прежними?

Анри шагнул к столу, приподнял его вместе со шпицем, и оказалось, что пол под его ножками такой же новенький и блестящий, как и на свободной поверхности: «вени-вени-так» работал быстро, пыль и грязь исчезали чуть ли не моментально.

– Это невероятно, – выдохнула я. – Анри, я ни за что не продам этот дом!

– Тяв, – самодовольно высказался Негодяй, как будто всё произошедшее было исключительно его заслугой.

– Я бы на твоём месте поступил так же, – согласился строитель. – Жаль только, что мои услуги тебе больше не нужны.

– Как это не нужны? Почему не нужны? – на фоне доморемонтной эйфории это заявление застало врасплох.

Я лихорадочно соображала, что именно может сделать только мастер, понимая, что совершенно не готова отпустить этого мужчину на все четыре стороны.

– Твой дом делает всё сам, – пожал плечами он и улыбнулся.

– А этого мы ещё не знаем, – выкрутилась я и наконец-то нашлась с ответом: – К тому же сантехнику – я имею в виду современную сантехнику – он вряд ли заменит самостоятельно.

– Можем провести ещё один эксперимент, – предложил Мауро, но мне совершенно не нужен был однозначный ответ.

– Я бы не хотела рисковать, особенно в ванной. Там ведь, если помнишь, за полотенцесушилкой имеется тайник.

Мысль тут же побежала дальше.

– А ещё ты обещал поискать другие тайники.

– Точно, – озадаченно ответил он, – прости, про тайники я со всем этим, – он обвёл рукой обновлённую кухню, – как-то подзабыл.

Я бы тоже подзабыла – от этого моментального ремонта просто захватывало дух! – если бы он чуть ли не прямо объявил, что у нас больше нет повода для встреч.

– И надо заняться этим прямо сейчас, – с облегчением выдохнула я, – потому что если придётся рушить стены, пусть это будут старые стены.

– Правильно, – согласился Анри, – зачем потом всё снова переделывать. Ну что, инструмент со мной, пошли искать тайники?

– Тяв, – вместо меня ответил Негодяй и спрыгнул со стола.

Кстати, надо будет потом проследить, чтобы больше он так не делал. Сегодня апельсиновый помпон перенёс ветеринарный стресс: ругать не буду. Но вот брать за правило скачки на стол нельзя.

– С чего начнём? – спросила я, следом за псом и Мауро выходя из кухни.

– Со стеноскопа, – ответил мастер не оглядываясь.

Снова порылся в безразмерном кармане и извлёк кожаный футляр, из которого достал любопытную вещицу. Она представляла собой небольшой неправильной формы камень, с виду обычный известняк, с какими-то вырезанными руническими символами, заключённый в квадратную металлическую рамку с ручками. От камня отходил гибкий шланг, что заканчивался совершенно типичными наушниками на полых металлических «рогах».

Я с интересом вытянула шею.

– Хочешь попробовать? – предложил Анри.

– А как им пользоваться?

– Вставляй «слушалку» в уши.

Я аккуратно повесила «рога» себе на шею, вставив наушники так, как он сказал.

– Теперь бери сам стеноскоп и прикладывай его к стене.

До сих пор артефакт находился в его ладонях, и я осторожно потянулась к одной из ручек. Вторая ручка так и осталась у Мауро: камень к стене мы прикладывали вместе.

– Что слышно? – спросил он над самым ухом, вызвав волнующий трепет где-то прямо под кожей.

Мне было слышно только собственное дыхание да какой-то невнятный треск.

– Треск? – переспросил он. – Прости, забыл перенастроить на речевой выход. Я-то привык к таким сигналам, а тебе хотелось бы дать послушать его шёпот.

– Шёпот камня? – спросила я тоже почему-то шёпотом.

Интимность момента разрушил Негодяй. И почему я раньше думала, что он не умеет лаять как нормальная собака? Вполне себе умеет, если засчитывать за лай его заливистое «тяв-тяв-тяв».

Анри покрутил какой-то рычажок на металлической рамке, и в наушниках раздалось механическое: «Здесь сыро». Ну да, за этой стеной как раз таки ванная.

– Говорит, что сыро, – пожаловалась я мастеру.

– Я проверю, – пообещал он, – давай перейдём к другой стене.

Но в этот самый момент у меня в кармане запищал бормотунчик. Я мельком взглянула на экран, уверенная, что это кто-то из родных. А раз так, то я перезвоню попозже, уж больно не хотелось отрываться от увлекательного занятия. Но это оказался начальник. Сам начальник кадрового отдела холдинга «Золотой круиз» Стефан Монтгомери, не ответить которому я не могла!

Я живо стянула с себя наушники, сказала Мауро: «Мой начальник» – и нажала на кнопку приёма.

– Здравствуйте, господин Монтгомери.

– Теодора, – запросто ответил человек, место которого я хотела когда-нибудь занять, – я понимаю, что у вас отпуск, но возникло небольшое дельце, которое вы могли бы решить удалённо.

– Слушаю вас, сэр, – слегка напряглась я, но в то же время жестом показала Анри, чтобы он продолжал обследование стен.

– На одном из судов нашего холдинга возник конфликт между двумя членами команды и офицером службы заботы. Я прошу вас выступить арбитром и вынести решение по поводу сложившейся ситуации. Все материалы я уже переслал на вашу рабочую почту.

Кажется, я попала в список кандидатов на повышение Такие задания начальник кадрового отдела давал обычно тем, кого собирался продвигать.

– Сэр, я...

– Разумеется, ваш труд будет хорошо оплачен, – прервал меня господин Монтгомери, и я словно воочию увидела, как хмурятся его седые кустистые брови, а квадратная челюсть при разговоре приходит в движение.

– Я хотела только узнать, в какой срок должна разобраться с этим делом, – продолжила я свой вопрос, едва он замолчал.

– Пары дней вам хватит? – уточнил он.

– Приложу все усилия, сэр.

– Докладывайте мне напрямую, – распорядился начальник и закончил разговор.

Я ещё пару секунд держала бормотунчик возле уха, соображая, как поступить. Безумно хотелось вернуться к поискам тайников дяди Руджеро, но, с другой стороны, задание от господина Монтгомери, которое явно говорило о том, что на меня не просто обратили внимание, а действительно собираются продвигать...

В это время Анри, повернувшись ко мне спиной, обследовал противоположную стену, водя руками с артефактом по какой-то только ему понятной траектории.

Спина у него была такой же впечатляющей, как и грудь: широкие плечи и узкая для лаурданца его комплекции талия, ниже которой Тут я заставила себя встряхнуться и отвлечься от разглядывания упакованной в широкие мешковатые штаны нижней части его туловища, после чего решение пришло само собой. Сначала работа, потом личное. Иначе выполнить задание начальника в нужный срок просто не получится.

Я сделала шаг к мужчине с одновременным просительным «Анри». Он в тот же момент повернулся и сказал:

– Дора, тут...

– Анри, – перебила я, – у меня срочное задание, очень важное для карьеры. Давай отложим поиск тайников на пару дней, а потом...

– Тебе нужно уехать? – спросил он.

– Нет, мне нужно просто какое-то время поработать удалённо.

Рабочий блокнот остался в отеле, я с этим невероятным наследством вообще его не открывала с самого приезда.

– Хорошо, – сказал Анри, – тогда встретимся через два дня.

– Может, ты пока выберешь сантехнику? – нет, я совершенно не хотела забыть о нём на целых два дня. – Мы бы могли встретиться завтра вечером и обсудить, на что у меня хватит денег.

– Вечером не смогу, – отказался он, – если только в обед.

– Семья? – уточнила я нейтрально.

О таких вещах лучше узнавать заранее.

– День рождения мамы, – лаконично ответил он, – поеду к ней в Мидонзолу.

– Это далеко?

– Часа полтора на мобиле, – ответил он. – Прости, всё время забываю, что ты не местная. Это небольшой посёлок к югу от Апарисью.

– Мама – это святое, – согласилась я. – Ладно, в обед так в обед. Запиши номер моего бормотунчика.

Мауро с готовностью вынул из того же безразмерного кармана свой связной артефакт и вбил туда цифры, которые я продиктовала.

Негодяй крутил головой то вправо, то влево, сидя ровно посередине коридора, и я велела ему выметаться на лестницу. Мауро вернул стеноскоп обратно в чехол, и мы последовали за шпицем.

– Что, уже уходите? – удивился дедуля Огюстен, поднявши голову от какой-то непонятной штуки размером с тарелку, оснащённой проволочками-усиками, торчащими во все стороны.

– Мне надо поработать, – развела руками я. – Переноску пока оставлю, а то таскать её туда-сюда тяжело.

– Так давай я вас подвезу, – предложил Анри.

– Давай, – обрадовалась я.

– У меня машина в переулке, сейчас подгоню, – сказал он и вышел из мастерской.

А я быстро стала собирать свои и Негодяевы вещички, параллельно обращаясь к дедуле.

– Мастер Огюстен, я забегу завтра, но в какое время – пока не знаю.

– Не волнуйся, Дорочка, я за всем прослежу, – закивал тот, – а ты приходи, когда удобно.

– У меня такие новости, такие новости! – заговорщицким тоном сказала я. – Вы просто не представляете, на что оказался способен дом. Он уникальный!

– А я что тебе говорил? – горделиво приосанился дедуля. – Твой дядя был гением, поэтому

– Тяв! – заявил Негодяй и прямо через стену просочился на улицу.

Я подхватилась за ним, так и не рассказав старику про моментальный саморемонт на кухне. Едва попрощаться успела.

Возле мастерской стояла машина Мауро, большой пропылённый внедорожник, а сам он уже шёл навстречу, чтобы отобрать у меня сумки и переноску. Негодяй сидел на тротуаре и щурился на ярком послеполуденном солнце. Я подхватила все два его килограмма на руки так естественно, будто делала это всегда, и в очередной раз удивилась, как приятно он пахнет. Мы с ним уселись на пассажирское сиденье, а потом за каких-то несколько минут добрались до «Сен-Сентуро».

– Спасибо, Анри, – сказала я, – просто не знаю, что бы без тебя делала.

– Да что я, – отвёл глаза мастер, – ты и сама бы справилась.

Он ещё и скромный, пронеслось у меня в голове. На мгновение я даже решила, что зря собралась немедленно приступить к заданию господина Монтгомери. Можно было бы задержаться, поговорить с Анри Но сложно ломать собственные долгосрочные и трепетно взлелеянные стереотипы. Карьера победила.

Глава 10

– Тяв-тяв-тяв!

Я повернулась на другой бок и зарылась лицом в подушку. Кровать затряслась, по мне пробежались собачьи лапы, и новое «тяв» прозвучало прямо над ухом.

– Что, уже утро?

Негодяй немедленно подтвердил, что точно утро и ему пора на улицу по очень важному собачьему делу. Я с кряхтеньем, подслушанным у бабули Полетты, села и раскрыла глаза. Далось это с трудом, потому что накануне я весь вечер просидела за рабочим блокнотом. Притомилась.

– Ладно, ладно, сейчас пойдём, – шаркая ногами в сторону ванной, пообещала псу.

Холодная вода быстро вернула телу тонус, на веки я нанесла чудодейственный крем, который снял отёки и позволил выйти на улицу в более-менее приемлемом обществом виде.

Надевши спортивные брюки и майку, я живо схватила поводок и Негодяя, после чего чуть не бегом выскочила на улицу. Раннее время, пустые улицы, знакомые собачники – что ни говори, прекрасное начало дня. Для кого-то другого, потому что мне-то было ясно: не я выгуливала шпица, это он вёл меня на поводке и всем своим умилительным видом внушал, что это моя собственная идея.

А у меня, на минуточку, было очень сложное задание, ненайденные тайники в удивительном доме дяди Руджа и обеденное свидание с Анри, к которому тоже хотелось бы подготовиться.

Правда, сегодня Негодяй показал рекордное время, мы уложились в каких-то десять минут, и то только потому, что воспитанный шпиц не задрал лапу прямо на тротуаре, а добежал до скверика.

В общем, обратно мы вернулись задолго до доставки завтрака, так что собакену я отдала на растерзание резиновую косточку, а сама вернулась к рабочей задаче.

Конфликт, в котором я должна была разобраться, случился на «Лазурной симфонии» – лайнере холдинга «Золотой круиз» классом чуть пониже, чем «Принцесса морей».

В этом рейсе «Симфонии» не повезло дважды: перед входом в гавань Монтевидерчи судно попало в шторм, а уже во время стоянки после сложной швартовки старший стюард Колин Бульвер-Стоун подал старшему помощнику капитана жалобу на неподчинение, грубость и несанкционированное использование служебного помещения матросами палубной команды: Томасом Финчем и Ояке Сурсунгом.

Суть конфликта составляла крошечная кладовка в кормовой части. Палубная команда использовала её в неслужебных целях, тогда как старший стюард велел разметить там коробки с новым постельным для кают первого класса.

И тут вроде бы всё было ясно: складские помещения на то и складские, чтобы хранить там посуду, скатерти или постельное, но. По какой-то причине до момента конфликта кладовка пустовала, раз палубные матросы использовали её не по назначению? А раз пустовала, то это или недоработка офицеров заботы, или помещение было реально нужнее палубной команде.

Я уселась на стул у окна и раскрыла рабочий блокнот. Материалы, которые прислал мне господин Монтгомери, были изучены, теперь мне требовалось побеседовать с каждым из участников конфликта. Но тут была небольшая загвоздочка: Колин Бульвер-Стоун был моим наставником. Прежде чем попасть в службу заботы «Принцессы морей», каждый будущий стюард проходил стажировку. Мне повезло попасть к Колину, который научил меня всему, что полагается знать, когда работаешь на огромном, прекрасном, высокомаготехнологичном лайнере.

Очень сложно быть объективной, когда нужно разобраться в жалобе, которую пишет твой хороший знакомый, к тому же человек, которого ты ценишь и уважаешь. Первый порыв –

поддержать наставника. Наверняка господин Монтгомери попросил меня разобраться с этим делом не просто так. И у меня есть два варианта: испортить отношения с Колином, но остаться объективной. Или не глядя поддержать его жалобу и испортить собственную карьеру?

– Тяв, – Негодяй прервал мои рассуждения за секунду до того, как в дверь постучал посыльный из ресторанчика.

Я отвлеклась от дум, с аппетитом позавтракала, и неожиданно день заиграл новыми красками. Как всё-таки по-разному воспринимается проблема, когда ты сыт и когда ты голоден. Я внезапно подумала, что ведь может быть и так, что Колин в действительности прав. Не нужно себя накручивать, нужно просто разговаривать с людьми и выяснять обстоятельства.

Для начала я связалась со старшим помощником «Симфонии» Ксавьерсом. Отправила сообщение через блокнот, чтобы получить ещё одно мнение о конфликте и его причинах. Ну и чтобы выяснить, можно ли ненадолго оторвать двух матросов от работы.

Господина Ксавьерса лично я не знала, он пришёл на «Симфонию» уже после моей стажировки. Зато он был предупреждён о моей задаче, поэтому ответил быстро и разрешение на беседу с Финчем и Сурсунгом дал.

«Мисс Валь, командование заинтересовано в скорейшем разрешении ситуации, Финч и Сурсунг в настоящий момент вахту не несут, так что беседуйте сколько угодно».

Из двух матросов решила начать со старшего по возрасту и не прогадала. Ояке Сурсунг был немногословен, зато разложил ситуацию по полочкам.

– У нас, мисс Валь, традиция такая: после тяжелой швартовки посидеть с товарищами, выпить по кружке чая, выдохнуть после вахты.

– В той самой кладовке? – уточнила я.

– Да, – подтвердил он, – стюардам она вообще не нужна была, а мы там и кружки хранили, и чайник, и всё было хорошо, пока

– Пока не явился старший стюард Бульвер-Стоун?

– Вы про шторм у Монтевидерчи слыхали, мисс? В порт «Симфонию» сам капитан завёл, еле в фарватер попали.

Я подтвердила: про шторм и сложную швартовку в курсе.

– Ну вот, мы с Финчем после вахты пришли, как обычно, в кормовую, а там Жюстин – это горничная – по полкам коробки с бельём расставляет. И ни кружек наших, ни чайника. Так, говорит, старший стюард велел.

– И вы не получили никаких объяснений? – уточнила я.

– Как же, получили, – странным тоном ответил Сурсунг. – Полдня бегали, чтобы с Бульвер-Стоуном поговорить.

Он замолчал, и мне даже пришлось влезть в паузу с вопросом «Поговорили?»

– Старший стюард сообщил, что мы своими жестянками можем осквернить чистоту элитного белья, – ответил Сурсунг спокойным тоном. – Нарушаем порядок во вверенном ему хозяйстве. А чай палубным следует пить на камбузе в строго установленные для этого часы.

В целом всё верно, я бы и сама могла сказать то же самое и про порядок, и про камбуз, случись такое на «Принцессе морей». Но почему-то на душе было гадостно. Колин ещё, наверное, и фразу свою любимую ввернул: про то, что «Симфония» – не рыбацкая шхуна, а пятизвёздочный отель

– У меня два вопроса, – сказала я в замолкший бормотунчик, – во-первых, кружки и чайник вам вернули?

– Вернули, – ответил матрос.

– И второе: вы видели прежде в этом служебном помещении коробки с элитным бельём или какие-то другие единицы хранения?

– Кладовка всегда пустовала, кроме нас, там никто и не появлялся, – его уверенностью можно было забивать гвозди. – Потому и решили закут обустроить.

– Тогда в чём, по-вашему, мистер Сурсунг, суть конфликта?

– Это вы, мисс, у старшего стюарда спрашивайте, – хмыкнул Сурсунг. – Он на нас жалобу накатал, а не мы на него.

Я поблагодарила матроса палубной команды, предупредила, что если появятся дополнительные вопросы, могу снова с ним связаться, и попрощалась.

Разговор с Томом Финчем оказался более содержательным и эмоциональным. После того, как я представилась, первым делом услышала:

– Ну ясно, кого разбираться поставили, вы-то, конечно, своего заботливого Бульвер-Стоуна поддержите, и к ведьме не ходи.

На судах холдинга «Золотой круиз» действительно существовало деление персонала на палубную команду, отвечавшую за техническую часть лайнеров, и службу заботы, чья работа состояла в обеспечении пассажирам всех тех удобств, ради которых они и платили свои деньги. А ещё на каждом лайнере были бухгалтеры, повара, судоводители и ещё куча народа, обеспечивавшие досуг и безопасность гостей. И все понимали, что делают одно общее дело.

Но Финч явно делил команду «Симфонии» на «палубных» (своих) и «заботливых» (чужих).

– Том, давайте поговорим конструктивно, – предложила я. – Мне бы хотелось понять, почему старший стюард подал на вас жалобу?

– Да потому что он матросов за людей не считает, – рявкнул Финч. – Мы уж и чай попить прав не имеем! Кружки наши жестянками обозвал, ну я и не сдержался. А какое ему дело, из чего я чай пью? Так и сказал, что, пока он салфетки по столам раскладывает, мы со стихией боремся. Не понравилось ему, правда-то глаза колет. Вот и представил всё как дебош матросни, сразу жаловаться старпому побежал.

– И это всё, что вы сказали? – уточнила я. – Прямого оскорбления не было?

– Хотел сказать, – чуть тише ответил Финч, – да Ояке удержал. Мол, не связывайся, Том, пусть чайник с кружками вернёт, и довольно.

И тут мне показалось, что дело вообще не в чайнике и кружках.

– Да вы поймите, мисс, для нас чайку попить после тяжёлой вахты – это уже как ритуал, не первый же год на «Симфонии» ходим, – горячо продолжил матрос, – а Бульвер-Стоун просто нашёл к чему придраться!

– То есть вы точно знаете, из-за чего на самом деле возник конфликт? – осторожно спросила я. – И кладовка только повод?

– Конечно знаю, – убеждённо ответил Финч, – из-за того, что старший стюард – сноб и непроходимый дурак. Так ему и передайте.

– Думаю, нам не стоит ещё больше обострять ситуацию, – возразила я и попрощалась.

Том Финч был серьёзно зол на Колина, и мне пока было неясно за что. И как именно строить теперь разговор с бывшим наставником? Я взяла небольшую паузу, и мы с Негодяем немножко покидали мячик. Совсем немножко, потому что я слегка не рассчитала и чуть не угодила броском в настенное зеркало, а шпиц скакал по номеру так, будто снова оказался в ветеринарной клинике.

Тут поневоле задумаешься, не пора ли переезжать в доставшийся дом. Тем более что ремонт там, как оказалось, можно провести в течение неполного дня. Надо будет только вынести всю старую мебель и купить новую. На первое время мне хватит дивана, стола и шкафа. И это, пожалуй, я могу себе позволить, раз уж расплатилась с долгами из дядиной заначки.

Надежды на то, что мастерская вдруг начнёт приносить прибыль, у меня не осталось. Тут бы хоть концы с концами свести и вовремя оплатить коммуналку. С другой стороны, я ведь собиралась кое-что предпринять, но из-за всех событий последних дней отодвинула визит к Хуаните на задний план. Ну ничего, вот закончу разбираться с ситуацией на «Симфонии» и снова вернусь к проблемам мастерской.

Короткий перерыв помог собрать мысли в кучку. Чтобы решить, в каком ключе говорить с Колином, мне не хватает информации? Так я знаю, где её получить.

– Ирма, дорогая! – с приятным чувством расслабленности прощебетала я в бормотунчик, выбрав нужный контакт. – Как дела? Слышала про шторм у Монтевидерчи, вот и решила – надо обязательно узнать, как ты?

– Дора, ты не представляешь, – тут же включилась главная болтушка «Симфонии», по совместительству старший офицер бухгалтерии, с которой мы сдружились ещё со времен моей стажировки, – это был ужас! Просто ужас! Капитан еле-еле провёл лайнер в порт, а волны были такие, что пришлось закрыть ресторан на верхней палубе!

– Да что ты говоришь, – с соответствующей интонацией выдала я, – и как же вы там теперь? Никто не пострадал?

– К счастью, нет, – сказала Ирма, – и лайнер в порядке, но – что-то зашелестело, она быстро шепнула, что перезвонит, и бормотунчик отключился.

Я посмотрела на часы. Стоянку в Монтевидерчи продлили из-за погодных условий, но это не значило, что кто-то на «Симфонии» отдыхал. Пока на лайнере есть пассажиры, работа не заканчивается ни на секунду, что у палубной команды, что у службы заботы, что у бухгалтерии. У Ирмы рабочий день в разгаре, это я в отпуске.

А в самом деле, я ведь в отпуске. А отпускного настроения нет как нет. Я обвела взглядом номер, наткнулась на дисциплинированно грызущего мячик Негодяя и упёрлась в шкаф, куда не заглядывала чуть ли не с самого момента заселения. Надо бы достать платье посимпатичнее, ведь сегодня у меня обед с Анри. Заодно и настроение должно появиться.

Но пока я шла к шкафу, бормотунчик снова ожил.

– Прости, это старпом заходил, – быстро объяснила Ирма, – так вот, у нас тут такое! Такое! Колин Бульвер-Стоун подал жалобу на двух матросов, и теперь вся палубная команда воюет со службой заботы, представляешь?

– С ума сойти, – ответила я, – и что? Что случилось-то?

На самом деле с ума сойти, если только Ирма не преувеличивает по своему обыкновению. Куда смотрят старпом с капитаном и начальником круиза?! Если команда переругается, как им плыть дальше? Пострадает не только отдых пассажиров, но и репутация всего холдинга.

– Колин обвинил матросов в нецелевом использовании служебных помещений, спустил за борт их барахло и в ответ чуть не получил по самолюбию, – с азартом сообщила Ирма.

– Каких помещений? Что спустил?

– Ну, знаешь, крошечная кладовка в корме пустовала, они там чай после вахт пили, а Колин – Ирма сделала драматичную паузу, и я поторопила:

– Что?

– Колин твой в последнее время вообще стал странный, – выдала подружка, – вот с тех пор, как Лиззи взяли горничной, как с катушек слетел.

– Какую Лиззи? – переспросила я, почувствовав, что нащупала что-то горячее.

– А ты что, не знала, что у Бульвер-Стоуна есть дочь? – удивилась в свою очередь Ирма. – Ну вот он возражал, чтобы Лиззи нанималась в команду, но она подала заявление через главный офис – и прошла по конкурсу. Теперь работает под отцовским присмотром, но Колин всё равно как сам не свой.

– Ирма, дорогая, а что ещё любопытного про неё знаешь? – не скрывая интерес, спросила я.

– Да вроде ничего особенного, девчонка как девчонка, ведёт себя скромно, шашни не крутит, претензий по работе никто не высказывал, – тут же ответила Ирма, – а почему это тебя так интересует?

С Ирмой легко. Сначала ответит на все вопросы, а потом уж сама уточнит, зачем мне это нужно. Ну и я не стала вилять, призналась, что дело с жалобой дошло до начальника отдела кадров холдинга, а уж он поручил его мне.

– Дора, так тебя продвигают! – обрадовалась подруга.

Ещё одно редкое и очень ценное качество – искренне радоваться чужим успехам.

– Ну пока мне надо решить это дело с жалобой, – вздохнула я. – А ведь Колин мой бывший наставник, сама понимаешь, как тяжело быть объективной.

– Ну так в дирекции простых дел тоже не будет, – задумчиво ответила Ирма, – и знаешь что? Давай-ка я перешлю тебе номер Лиззи Бульвер-Стоун, мне кажется

– Это удачная идея! – подхватила я, перебив подругу. – Ирма, ты прелесть!

– Я знаю, – горделиво ответила та, – но учти, если тебя повысят – будешь проставляться.

– Это уж само собой, – пообещала я, услышала, как зашелестели странички рабочего блокнота, куда Ирма уже отправила номер дочки Колина, и стала прощаться.

Перед тем, как вызвать Лиззи, я поискала всё, что могло иметь отношение к ней и двум матросам в информационном пространстве блокнота. В холдинге «Золотой круиз» была собственная сеть связанных между собой артефактов – таких же блокнотов, как мой. Конечно, у разных людей был доступ к информации разного уровня. И я особенно не надеялась что-то узнать, но, задав свой вопрос, вдруг провалилась прямиком в дело Лиззи Бульвер-Стоун – горничной второго ранга на испытательном сроке.

И это означало, что мои подозрения относительно повышения не просто верны – верны на сто пятьдесят процентов, раз господин Монтгомери дал мне доступ к кадровым делам всего персонала!

Я посидела немного, осознавая новый уровень ответственности, но после всё же заставила себя вернуться в реальность из радужных мечтаний о собственном кабинете в центральном офисе.

Лиззи действительно прошла собеседование не в кадрах «Симфонии», а в главном отделе заботы холдинга, и вначале её собирались определить на лайнер «Лазурная кантата», но внезапно всё же девушка оказалась под крылом у собственного отца. И тут особо искать варианты не приходилось: наверняка к этому приложил руку опытный Колин, решив, что раз не смог воспрепятствовать, надо хотя бы присмотреть.

Постепенно вопросы, которые я собиралась ему задать, стали складываться в систему. Но пока нужно было определиться, о чём спросить у Лиззи. Никаких намёков на контакты девушки с другими служащими лайнера противоположного пола в деле не содержалось. Пересечений ни с Финчем, ни с Сурсунгом на берегу я тоже не нашла, хотя искала.

Искала практически до того самого момента, когда бормотунчик задребезжал вызовом от Мауро.

– Привет, Анри, – обрадовалась я, – у нас всё в силе?

– Здравствуй, Дора, – ответил он чуть приглушённо, – ты уже выбрала ресторан?

– Я тут не местная, – напомнила я со смешком, – так что выбор предоставлю тебе. Кстати, – продолжила я, пока он молчал, – ресторан – это не слишком? Может, обойдёмся чем попроще?

– Давай, – согласился он, – а то с ресторанами вечно морока: пока закажешь, пока дождёшься – на еду и времени не остаётся.

– Ну так говори, куда и когда приходить, – предложила я, и, услышав недовольное «тяв», быстро добавила: – только чтобы туда пускали со шпицем.

– Не вопрос, – развеселился Анри, – у дона Рафаэля никто ничего не скажет, приди ты хоть с быком на верёвочке.

Я представила на секунду, что дядя Рудж вместо шпица оставил бы в наследство бычка, зажмурилась и повертела головой, чтобы изгнать этот образ навсегда.

– И где заведение этого дона Рафаэля? – чтобы закрепить эффект, лучше отвлечься и переспросить адрес.

– Дора, я заеду через час, – объявил Мауро, – а то объяснять слишком долго. Ты куда тащишь балку? – вдруг рявкнул он так, что я чуть не подскочила.

Далее последовала пара крепких слов, а потом быстрые извинения:

– Дора, это не тебе, прости, мне надо – он отключился, но я ещё услышала обрывочное «идио».

Добродетель украшает человека, если только он не строитель. Их, наоборот, ценят за умение доступно объяснить, что именно сделано не так.

Я какое-то время похихикала над превратностями разных профессий, а потом вернулась к собственным баранам. За час я успею и связаться с дочкой Колина, и подготовиться к обеду у дона Рафаэля.

Если я всё рассчитала правильно, то сейчас у Лиззи обеденный перерыв, а значит, вызов не отвлечёт её от работы.

– Да? – насторожённо сказал тонкий голосок на другой стороне артефакта.

Я представилась – официально, по всей форме, а потом добавила, что звоню из-за жалобы, поданной её отцом на матросов Финча и Сурсунга.

– Но чем я могу помочь? – казалось, её голос стал ещё тоньше и выше.

– Лиззи, я знаю, господин Бульвер-Стоун был против того, чтобы вы работали горничной. Должно быть, он сильно переживает из-за сложившейся ситуации?

– А я уже совершеннолетняя и могу сама решать, работать мне или учиться, – ожесточённо ответила девчонка. – И, между прочим, я прошла собеседование в главном офисе, а он он

– Продолжайте, – вкрадчиво предложила я, – что же он?

– Надавил на кого-то, и меня взяли только на испытательный срок! – возмущённо выдала она.

– А почему он так поступил? – спросила я, надеясь уяснить для себя позицию Колина.

– Да потому что не хочет, чтобы я работала на лайнере! И сделает всё, чтобы выжить меня отсюда.

– А вы не разговаривали с ним об этом? – снова спросила я, чувствуя, что, с одной стороны, лезу не в своё дело, а с другой – что именно эта ситуация каким-то боком спровоцировала Колина подать жалобу на матросов.

– С ним невозможно разговаривать, – кажется, Лизи всхлипнула, – он сразу начинает кричать! И я же знаю, что он любит свою работу, и я всегда гордилась, что мой отец – старший стюард, а теперь...

– Вы хотели пойти по его стопам? Работать рядом? – догадалась я.

– Да, – девчонка снова всхлипнула, – но он считает, что девушкам на лайнерах не место!

– Та-ак, – протянула я, ощущая, что подошла совсем близко, – и вы, наверное, решили доказать, что он неправ? Подговорили Финча с Сурсунгом...

– Нет! – отчаянно отказалась она. – Я просто ну я сказала, что встречаюсь с Финчем. Ну чтобы он понял, что я уже взрослая...

– А вы действительно встречаетесь? – перебила я, поскольку на романтические отношения, к примеру, на «Принцессе морей» был наложен негласный запрет.

Уставом не были запрещены внеслужебные контакты, но во время рейса всё наше время было отдано работе. Лично у меня просто физически не было возможности выделить лишний час для развлечений: не выспишься ночью, не сможешь эффективно работать днём.

– Нет, что вы, – теперь Лиззи отчётливо хлюпнула носом, – я вообще матросов редко вижу, просто случайно запомнила эту фамилию.

– Дорогая, ты понимаешь, что из-за твоих слов у парня, да и у господина Бульвер-Стоуна возникли проблемы? – вздохнула я в артефакт. – Мы с тобой должны вместе всё исправить.

– Как? – вскинулась она с надеждой.

– Поговорить с твоим папой, – постановила я.

– Но что я ему скажу?

– Всё то же, что сейчас сказала мне. Докажи, что повзрослела, и объясни ему, что чувствуешь и как страдаешь от его гиперопеки.

И я постараюсь объяснить, что из-за семейных разборок не должны возникать жалобы, провоцирующие раздор между палубной командой и службой заботы.

Теперь появилась ясность, и я решила не откладывать разговор с Колином в долгий ящик. Правда, сейчас у него горячее время – подготовка к обеду, ну так и мне пора определиться с платьем, хоть это и не трудно, причесаться и подготовиться к выбору сантехники. Ну да, дом особенный, значит, и сантехника должна быть ему под стать. Тем более что деньги из тайника ещё остались. Правда, совсем чуть-чуть, но это в любом случае надо использовать.

Я неторопливо раскрыла дверцы шкафа и окинула взглядом все два своих платья. Остальное место занимали летние костюмы, брюки и майки: я же собиралась сюда ненадолго, была уверена, что разберусь с наследством и быстренько назад. Во-от, вот откуда было взяться отпускному настроению, если даже вещи в гардеробе делового стиля?

Ладно, сегодня я надену лёгкое платье без рукавов, с летящей юбкой и ярким цветочным принтом, которое подчёркивает грудь и талию, а к нему босоножки универсального бежевого цвета с множеством ремешков. Вместо сумочки у меня будет шпиц апельсинового цвета, который сейчас вальяжно развалился на диване и с хитрым видом наблюдал за моим преображением.

Последний штрих – помада, придающая губам естественный блеск и не слезающая во время еды, – и я готова. Нацепив Негодяю поводок, я закрыла номер и спустилась к выходу из «Сен-Сентуро».

Когда я толкнула дверь наружу, на другой стороне площади показался внедорожник Мауро.

– Тяв! – удовлетворённо выдал Негодяй. – Сама вижу, – ответила я и улыбнулась, не скрывая радость. Через минуту мы уже разместились в мобиле строителя. Анри действительно не стал ничего объяснять, а просто повёз нас по узким солнечным улочкам Апарисью, где дома, казалось, склонялись друг к другу, делясь историями. В этойчасти города я ещё не бывала, поэтому смотрела во все глаза.

– Это бывший рабочий квартал, – пояснил Анри, – сейчас его планируют под реставрацию. Мэр хочет сделать Апарисью туристической столицей Лаурто, поэтому средств на проект не жалеет.

– А он активист, ваш мэр, – ответила я, надеясь не потерять своё прекрасное настроение из-за упоминаний об Албине.

Мобиль свернул в переулок, вымощенный грубым булыжником, и остановился у неприметной деревянной двери с большим кованым кольцом вместо ручки. Над дверью висела слегка позеленевшая медная вывеска в виде бочонка, на которой было написано «У дона Рафаэля».

– Вот мы и на месте, – с лёгкой торжественностью объявил Анри, помогая мне выйти из машины.

Дверь заскрипела, открываясь, и с яркой солнечной улицы мы попали в обитель лёгкого полумрака и прохлады.

Внутри пахло старым деревом, чесноком, оливковым маслом и слабым, но стойким ароматом хереса. Кафе было крошечным, в самом что ни на есть старом наралийском стиле: тёмные стены, украшенные потускневшими цветными веерами и гитарами, пара столиков с тяжёлыми скатертями и длинная хорошо отполированная барная стойка, за которой стоял сухопарый седой мужчина с усами – как оказалось, сам дон Рафаэль. Он кивнул Анри, как старому знакомому, и бросил на Негодяя снисходительный взгляд.

– Как всегда, мастер Мауро? – спросил он уважительно.

– Дора, взять меню? – Анри, в свою очередь, спросил меня.

– Я доверяю твоему выбору, – быстро объявила я.

Вряд ли тут подают что-то сильно выходящее из ряда классической наралийской кухни. Я была даже готова к супу из бычьих хвостов – в столице он считался деликатесом. Переварю, а что останется – пойдёт на корм Негодяю.

Мауро махнул рукой и подтвердил: как всегда. Дон Рафаэль одобрительно хмыкнул и скрылся.

Мы устроились в углу.

– Не думала, что в Апарисью есть наралийское кафе, – сказала я, устраивая Негодяя на соседнем стуле.

– Ну как видишь, – пожал широченными плечами строитель. – Я люблю наралийскую кухню и много времени провожу за пределами Лаурто.

– А сейчас почему оказался тут? – спросила я с любопытством.

– Мэр Беньято пригласил поработать над парой проектов, – ответил он. – И я ему очень благодарен за встречу с тобой и твоим домом.

– По поводу дома, – улыбнулась я, – думаю, что сегодня решу все рабочие вопросы, а завтра можно вернуться к поиску тайников.

– Отлично, – сказал Анри, отодвигая от себя солонку и перец, как ненужные декорации, – тогда давай сразу к делу. Привёз каталоги.

Он вытащил из видавшего виды планшета несколько ярких брошюр и разложил их на скатерти рядом с бутылкой оливкового масла. На обложках сияли хромированные смесители и душевые лейки, похожие на экспонаты с футуристической выставки.

– Смотри, – он ткнул пальцем в изображение крана с замысловатым рычагом. – Это из последних моделей. Картридж керамический, вечный. И дизайн – он поискал слово, – ретро, но с намёком на авангард. Как твой дом.

Я рассматривала изгибы хромированной трубки и прикидывала, сколько это будет стоить.

– Красиво. Но не слишком функционально.

Анри перевернул страницу.

– Есть и классический дизайн. Вот этот вариант я поставил лет пять назад в родительском доме. Работает без нареканий.

В этот момент румяный парень в наглухо завязанном сером фартуке официанта подал нам еду: по миске горячего супа с зеленью, одуряюще пахнущий свежий хлеб и ломтики копчёностей на деревянной доске. Разговор на время стих, уступив место другому важному делу.

– А душевые лейки? – спросила я, отодвигая тарелку и возвращаясь к брошюре. – В «Сен-Сентуро», кажется, точно такие, как эта, и вода течёт почти как тропический дождь. Без единой жёсткой струи.

– Аэраторы, – кивнул Анри, откладывая вилку. – И воду экономят, и очень мягкие. А вот эта – чистая функциональность. Режимов пять: от массажа до «дождя над Светлым Лесом».

– Звучит слишком поэтично для сантехники, – рассмеялась я.

– Сантехника – это и есть поэзия, – с нарочитой серьёзностью парировал он. – Поэзия комфорта. А вот это – вершина поэмы, – он открыл последний каталог на странице с полотенцесушителями. – Электрические. Водяные. Комбинированные. Дизайнерские. Смотри, этот похож на лиану. Устанавливаешь в ванной – и сразу чувствуешь себя в ботаническом саду. Греет отлично, полотенца сохнут мгновенно. Или ты всё же за классический стиль?

Увлёкшись объяснениями, он не заметил, как его рука оказалась поверх моей. Никто не заметил: Негодяй с вожделением пялился на недоеденные копчёности, дон Рафаэль протирал

бокалы за стойкой, совершенно не интересуясь нашими обсуждениями кранов и тропических ливней. А мне на минуточку стало вообще не до сантехники.

– Дора, так что ты решила? – спросил он и легко пожал мои пальцы.

Заметил.

– Я за классику, – голос чуть охрип, но звучал вполне уверенно.

И тут в кафе появился бывший. Вот знала же, что нельзя поминать бездну. Ну это ж ненормальность какая-то, у меня только наметилась романтическая тенденция, как нате вам. Албин.

Правда, на меня он сначала внимания не обратил, с порога закричав:

– Мауро! Как удачно я вас нашёл! Еду на объект, вижу вашу машину, а время обеденное – ну, думаю, точно парни сказали, у Рафаэля пропадает.

Он небрежно кивнул дону Рафаэлю, подхватил стул от другого стола и бесцеремонно подсел к нам. И наконец обратил внимание на меня.

– Дора? А ты что здесь делаешь?

– Вы знакомы? – слегка удивился Мауро, уже набравший в грудь воздуха, чтобы представить меня мэру.

– Это мой бывший, – ответила я максимально быстро, чтобы опередить Албина.

– Мы в разводе, – важно подтвердил он, – так что ты тут делаешь?

– Обедаю, – ответила я вежливо. – Нельзя?

– Конечно можно, – ухмыльнулся Албин, – будешь вино, дорогая?

С трудом сдержавшись, чтоб не послать его к водяной матери, я покачала головой и повернулась к Анри.

– Значит, ты сделаешь для меня заказ?

– Конечно, – кивнул он с непроницаемым видом. – Мэр Беньято, так что вы хотели? У меня не так много времени.

В общем, бывший испортил всё, что смог. Стал с важным видом вещать про реконструкцию чего-то там И не ушёл, пока мы с Анри не расплатились за обед, точнее, Анри не расплатился, а я не подхватила на руки недовольного шпица.

– Что это? – неподдельно удивился Албин. – Неужели твоя фобия прошла?

– Серж помог, – я совершенно не собиралась выдавать ему ни историю с тайником, ни тем более сам артефакт, спрятанный в мою детскую игрушку.

– Не иначе он получил магические силы в каком-нибудь потаённом монастыре, – недоверчиво хмыкнул бывший.

– Мой зять – дипломированный психиолог, – пояснила я специально для Анри и двинулась к его мобилю.

– Дора, – остановил меня бывший, – как насчёт поужинать вместе? Обсудить твою рассрочку?

– А что, банк ещё не перевёл на счёт города все мои платежи? Ну, значит, завтра или в крайнем случае послезавтра, – я развернулась, и Негодяй щёлкнул зубами буквально в паре сантиметров от потянувшейся ко мне руке Албина. – Я погасила дядин долг.

Вот сейчас было приятно взглянуть на его вытянувшееся лицо. Но я помнила, что сегодня день рождения мамы Анри, а ему ещё ехать к ней полтора часа, так что задерживаться не стала.

– Тебе, наверное, интересно, почему я развелась? – спросила я, когда мы ехали обратно.

– Нет, – пожал плечами Мауро, – но ты ведь всё равно расскажешь?

– Нет, – с облегчением возразила я. – Хочу оставить это в прошлом. А ты? Был женат?

– И я хочу оставить это в прошлом, – ответил он с улыбкой, от которой во мне снова что-то дрогнуло.

Глава 11

Мы договорились встретиться на следующий день в доме на Абрикосовой, а потом Анри высадил меня у «Сен-Сентуро», а сам укатил праздновать день рождения мамы. Мы с Негодяем немного прогулялись, прежде чем возвратиться в номер, потому что после общения с бывшим нужно было как-то сбросить негатив. С другой стороны, хотелось скорее поговорить с Колином.

– Вечером навестим мастерскую, ты ещё успеешь набегаться, – пообещала я шпицу и толкнула дверь отеля.

Сначала раскрыла блокнот и ещё раз перечитала жалобу на матросов Финча и Сурсунга. Затем пару минут отдала приведению головы в рабочее состояние. Правильная настройка перед разговором с человеком – это уже половина дела. И когда я поняла, что готова, взяла в руки бормотунчик.

– Теодора, рад слышать, – сразу ответил Колин Бульвер-Стоун. – Говорят, тебя продвигают. И знаешь, с первого дня твой стажировки я был уверен: ты сделаешь отличную карьеру.

– Спасибо, – тепло ответила я, – но мы оба знаем: без твоих уроков я бы не достигла того, чего достигла.

– Ну что ж, задавай свои вопросы.

По его максимально нейтральному тону мне показалось, что Колин тоже настраивался на разговор.

– Ты же понимаешь, что я на твоей стороне? – спросила я, прежде чем начать. – Но ситуация требует объективности. В своей жалобе ты пишешь, – я обратилась к блокноту, – о грубом нарушении субординации и правил пользования служебными помещениями.

– Так и есть, – подтвердил Колин, – речь о систематическом нарушении регламента хранения имущества. Они устроили кафе в кладовой. Это недопустимо. – Кафе, – повторила я нейтрально. – После тяжёлой вахты. Чай, печеньки, двадцать минут тишины. Колин, я говорила с людьми. За последние три рейса эта кладовка ни разу не использовалась по назначению. – Это неважно! – его голос чуть дрогнул, выдав раздражение. – Важен принцип. Порядок. Ты же не можешь этого не понимать. Сегодня они заняли нашу кладовку, а завтра дойдёт до разложения дисциплины? – А Лиззи, – мягко вставила я, представляя, как его руки в этот момент сжимаются в кулаки. – Она тоже разлагает дисциплину?

– При чём здесь моя дочь? Речь о нарушении субординации и правил палубной командой, – ему удалось сохранить ровный тон, и это радовало. – Речь о том, Колин, – я доверительно снизила голос, – что ты прекрасный отец, который хочет для своей дочери только лучшего. Но Лиззи уже не ребёнок и пытается всего лишь быть ближе.

– Ближе? Став горничной? Разве этого я хотел, когда работал как проклятый в каждом рейсе? Ей надо учиться, а не

– И потому ты решил использовать служебные механизмы для решения семейного конфликта? – перебила его я. – Подал жалобу на матросов, а если быть конкретней – то на Финча, с которым, как тебе кажется, встречается Лиззи?

—Она сама так сказала, – ответил Колин ожесточённо, – ну разве ей нужен матрос? Он её сбил с пути, внушил блажь о работе на лайнере, а теперь – Они не встречаются, – быстро перебила я. – Лиззи солгала, чтобы ты понял: она повзрослела и может сама принимать решения.

– Откуда ты знаешь?

– Мы разговаривали, – призналась я. – В том числе и о работе. Она гордится тобой, Колин, хочет быть рядом, идти по твоим стопам. А ты её отталкиваешь.

—Я же не против,– сказал он тихо, – пусть получит образование, а потом приходит и делает карьеру. Как ты. А быть простой горничной – не для моей девочки. Почему она этого не понимает?

– А ты ей это говорил? – уточнила я, выдыхая: самое сложное позади. – Или только кричал на ребёнка, который всего лишь проявил инициативу, не посоветовавшись с тобой?

На той стороне повисла пауза.

– Колин, тебе сейчас непросто, – сказала я со всей доступной лёгкостью, мечтая от души въехать ему по голове чем-нибудь тяжёлым, чтоб мозги скорее встали на место. – Но и ей тоже. А уж палубная команда и вовсе ни при чём, так зачем раздувать межслужебный конфликт? Наказывать ни в чём не повинных людей, которые просто хотели попить чаю после тяжёлой вахты? – Когда ты так говоришь, я чувствую себя полным идиотом, – пожаловался бывший наставник. – Дора, мне надо подумать, как теперь поступить.

– Отозвать жалобу, Колин? – предположила я с вопросительной интонацией, оставляя решение за ним. – И поговорить с дочерью. Поговорить, Колин, не кричать.

– Да, – ответил он со сложной интонацией, – ты далеко пойдёшь.

– Перестань, – засмеялась я, – ты бы и без меня разобрался, просто иногда со стороны ситуацию видно яснее. Я доложу начальству, что конфликт исчерпан, и переговорю с матросами, чтобы не держали обиды.

– Это уж я сам, – твёрдо ответил Колин. – Спасибо.

Я дала ему время до вечера, чтобы всё уладить, а сама подготовила отчёт для господина Монтгомери. Правда, сразу отсылать не стала: попозже надо будет ещё раз созвониться с Финчем, Сурсунгом и старпомом Ксавьерсом, чтобы окончательно расставить все точки.

Вот теперь можно было собираться в дом на Абрикосовой. По причине сложного дня, испорченного бывшим свидания и обещания погулять с Негодяем идти решила не прямо, а в обход – через рынок. Он был практически пуст, только за одним из прилавков под стойкой с деревянным настилом стояли, несмотря на послеобеденное время, типичная лаурданская селянка с тёмным от загара лицом, яркими серыми глазами и до бровей намотанным пёстрым платком да молодой парень с лотком мороженого, что был обвешан охлаждающими артефактами.

У селянки в корзине были яйца и зелень, а на прилавке поверх чистой тряпицы лежала крупная куриная тушка.

– Купи курицу, хозяйка, – завела она, едва завидев нас с Негодяем на другой стороне площади. – Со скидкой продам, выйдет не дороже костей для собачки.

Собачка просительно тявкнула, поддерживая её просьбу всем своим видом и четырьмя коротенькими лапами.

– Что-то вы припозднились, – сказала я, приближаясь к прилавку.

С виду курица была обычной. Не жирной, синеватой, но отличать хорошие продукты от плохих – один из главных навыков, полученных мной от бабули Полетты.

Этот продукт был, во-первых, свежим, во-вторых, в голове сразу промелькнуло виденье булькающего на огне сотейника с вином и сочными кусками куриного мяса.

– Да косили с утра, – пожала плечами селянка, – потом машина поломалась, но ты не сомневайся, хозяйка, курица при артефакте стазиса ехала, как есть свежайшая.

Я даже не стала торговаться.

Потом купила у мороженщика две вафельные трубочки с лаурданским пломбиром – для дедули Огюстена, и мы с довольным донельзя шпицем продолжили путь.

В Апарисью после обеда самая жара: от яркого солнца нагреваются и стены домов, и тротуары с дорогами, и спешить, с одной стороны, не выходит, а с другой – в прохладу хочется. Однако с куриной тушкой и мороженым поспешать пришлось.

Мы появились на Абрикосовой со стороны переулка, который почти упирался в мастерскую, я толкнула дверь и с наслаждением ввалилась в прохладное помещение, где сейчас никого, кроме нашего единственного артефактора, не оказалось.

– Дорочка, – обрадовался дедуля, – а я думал, ты уж вечером зайдёшь.

Я вручила мороженое и предложила подняться на второй этаж: очень хотелось продемонстрировать ему обновлённую кухню. Но по дороге всё же постаралась подготовить старика: ну как сердце от удивления не выдержит или ещё что от волнения приключится?

– Дом умеет обновляться, – топая по лестнице вслед за шпицем, я одной рукой искала ключи, а другой несла пакет с увесистой птичкой. – Сам, представляете? Без участия человека!

– Да ты что? – обрадовался дедуля. – Твой дядя об этом не говорил, но я не сомневался, что его разработки способны перевернуть представление о современном жилье.

– Дядя Рудж занимался артефактами для системы «умный дом»? – вовремя вспомнила я слова Анри.

– Я же говорил, он был гением, – подтвердил дедуля и замер на пороге.

Уже от входа была видна кухня, которая за вычетом старой мебели выглядела как иллюстрация из дорогого журнала.

– Невероятно! Ведь ещё вчера тут всё было – старый артефактор чуть не задохнулся от восторга.

– Да, – подтвердила я с гордостью, занося на кухню свою покупку.

Курицу надо быстренько обмыть и сунуть в холодильник, потому что приготовить её смогу только завтра.

Дедуля поохал, потом вспомнил про своё мороженое и попросил блюдце, а я повела его смотреть на пол спальни, сожалея, что не могу обновить прямо сейчас все остальные комнаты.

Там, увы, царила реальность пыльного, выцветшего прошлого. Особенно в большой комнате с продавленным диваном с протёртой обивкой цвета увядшей горчицы и креслом с деревянными подлокотниками, на которое немедля вскочил Негодяй – кажется, это было его собственное любимое кресло, увы, по-прежнему ветхое и неуютное.

– А где в Апарисьо можно нанять грузчиков? – спросила я почти без надежды, потому как клининга тут так и не нашлось.

– Хочешь избавиться от старой мебели? – не удивился дедуля. – Кому другому я бы этого не предложил, но тебе

Загадочная пауза слегка затянулась, но я его не торопила, представляя, как дядины реликвии одна за другой покидают квартиру.

– В мастерской есть один артефакт из особого списка, – продолжил старик, слизывая последние капли сладкой подтаявшей жижи, оставшейся от вафельной трубочки.

– Из какого списка? – вырвавшись из приятных мечтаний, просила я.

– Ну ты понимаешь, есть артефакты бытовые, разрешённые, есть опасные, запрещённые, а есть – условно разрешённые, но подлежащие обязательной регистрации. Это и есть артефакты особого списка.

Как мало я знаю об артефактах. А дедуля продолжил. Оказалось, что на мастерскую зарегистрирован особый артефакт – так называемый уменьшитель. Он способен уменьшить и вес, и размер любого предмета, поэтому грузчики мне не понадобятся. И диван, и комод, и стол с креслом и кроватью можно уменьшить до размера спичечного коробка и вынести из дома на свалку.

– Какая полезная штука! – восхитилась я. – А почему он условно разрешённый?

– Так ведь уменьшителем может воспользоваться не только хозяин, – пожал плечами дедуля, – но и вор. Захотелось вынести из магазина новый холодильник – уменьшил его и забрал.

– Ух ты, – только и сказала я.

Оказывается, я совсем ничего не знаю об артефактах. Надо будет изучить все эти списки – особые и прочие, а то ведь и впросак попасть недолго.

Но пока стоило начать с малого. С того платяного шкафа, который подпирал потолок спальни, выражая молчаливое, но явное неодобрение. Ещё бы, ведь я до сих пор не удосужилась в него заглянуть. Дедуля Огюстен потрусил в мастерскую за уменьшителем, Негодяй развлекался, бегая по новому полу туда-сюда, по инерции скользя перед разворотом, а я с энтузиазмом взялась за дело. Принесла из кухни старые продуктовые пакеты и ножницы: одежду нужно сразу отсортировать. Годное и приличное – отдать на благотворительность, а ветхое сразу порезать на тряпки.

Дверцы шкафа поддались с жалобным скрипом – и на меня едва не обрушилась лавина. Не одежды, нет. Дядя, видимо, считал, что хранить в шкафу рубашки и носки – моветон. Вместо этого на полках громоздились стопки пожелтевших чертежей, картонные коробки с маркировкой «хрустальное, не кантовать», банки с невнятным содержимым, рамки для картин, чертёжный набор в футляре, карандаши, краски, старые записные книжки. Сначала я решила всё как следует разобрать, но последним штрихом этой коллекции стали три дохлые мухи в спичечном коробке. Их глаза смотрели с немым укором.

– Не я вас сюда засунула, – не смогла смолчать я и решительно бросила коробок в мешок для мусора.

Тут очень удачно вернулся дедуля Огюстен со своим уменьшителем и как коршун накинулся на чертежи со словами: «Это наследие, которое нужно сохранить для потомков». Я с удовольствием оставила его сортировать нужное наследие от ненужного мусора, а сама перешла в другую комнату, чтобы вытряхнуть содержимое стола.

В верхнем ящике, среди погрызенных чьими-то остренькими зубками шахматных фигур и сломанных карандашей, обнаружился странный прибор, похожий на гибрид астролябии и карманных часов. Латунный корпус, мутное стекло, под которым угадывалась сложная система шестерёнок, и единственная кнопка, сильно вдавленная внутрь, будто её нажимали сотни раз. Я отложила его в сторону – потом спрошу у дедули, что это.

В нижнем ящике, заваленном старыми журналами «Вестник артефакторики» за позапрошлый год, ничего интересного не нашлось.

– Мастер Огюстен! «Вестник артефакторики» нужен или выкинуть?

Он ответил, что посмотрит. А когда я на всякий случай вынула оба ящика, то обнаружила потайное отделение. Простенькое, вроде того, что было в маминой шкатулке, в которой она хранила наши с сестрой детские рисунки и что-то ещё, памятное только ей. И когда я нажала сбоку на нужное место, из ящичка выпала изящная брошь в виде метлы с крылышками. И я даже знала, кому следует отдать эту вещицу. Дядюшка, конечно, не женился на Томасине Борк, но думаю, ей будет приятно.

Для очистки совести я перетряхнула и внутренности дивана, но там не было ничего, кроме старых тряпок. В общем-то, портрет дяди Руджа у меня уже сложился. Если ещё что-то ценное, кроме самого дома, тут имеется, то искать нужно в стенах, а не в мебели.

Сделав этот важный вывод, я отправилась на кухню. Вот там ценного было полно – запас продуктов выбросить на помойку я бы не смогла. И освобождала шкафы и ящики кухонной мебели до тех пор, пока не заболела спина. Консервами в несколько ярусов уже был заставлен подоконник, а сухими и сыпучими продуктами – стол.

– Мастер Огюстен, у нас есть пустые коробки?

Дедуля поднял затуманенный взор от какого-то чертежа, который держал в руках. Завал бумаг вокруг него почти не уменьшился, хотя я за это время успела столько, что просто ого-го.

– Дорочка, коробки где-то были, – ответил он, – надо спуститься в мастерскую.

– Может, вы заберёте все дядины бумаги себе? – предложила я. – Прямо сейчас?

Дедуля обрадовался, подхватился бежать за коробками и сунул мне в руки небольшой кожаный футляр.

– Вот уменьшитель, – торопливо пояснил он, – я же сразу хотел отдать, но эти чертежи... Руджеро был гением.

Я кивнула: гением, без сомнений, и бабуля так же говорила.

Из футляра я извлекла предмет, схожий одновременно с карманным фонарём и старинным аппаратом для магоснимков. Матовый металл корпуса приятно холодил кожу и был густо испещрён рунами, раструб на конце местами тронула благородная патина.

– А как им пользоваться?

– Да просто, – дедуля явно спешил вернуться к чертежам, – видишь индикатор? Если горит зелёным – можно работать. Наводишь на предмет, нажимаешь эту кнопку, и

Он не договорил, двигаясь к двери на лестницу, но я и так поняла. Взвесила уменьшитель в руке, погладила большим пальцем холодный раструб и оглянулась: с чего бы начать? Да вот, пожалуй, с дивана и начну.

Прибор мягко загудел, руны на корпусе вспыхнули одна за другой, из раструба вырвался плотный луч зеленоватого света. Он коснулся дивана – и тот начал сжиматься. Без скрипа, без треска, без сопротивления. Просто становился меньше с каждой секундой, сохраняя идеальные пропорции. Через пару мгновений на полу стоял аккуратный кукольный диванчик.

Я подобрала его. Он уместился на ладони. Ай да артефакт!

Негодяй, наблюдавший за этим святотатством с порога, издал душераздирающий вопль и бросился к своему любимому креслу, решив защитить его любой ценой.

– Это ради общего блага, – строго сказала я. – Новое купим. Обещаю.

Пришлось брать обиженного зверя на руки. Нет, ну если бы мне кто-то сказал о таком ещё неделю назад – не поверила бы. Честное слово, не поверила! Но вот она я, несу Негодяя на кухню и ставлю на пол миску с кормом, чтобы отвлечь и избавить от стресса. Хорошо ещё не сюсюкаю: «Какой славный мальчик».

Без увлечённого едой шпица дело пошло веселее. Стол, кресло и стулья уменьшились в набор игрушечной мебели. Кровать сжалась до размеров кукольной колыбельки. Шкаф я оставила на совести дедули – вернётся с коробками, заберёт бумаги и сам уменьшит. Вот что делать с кухней? Напольные шкафы я уменьшу, а как быть с настенными? А с коробом мойки?

И тут до меня дошло, что покупка новой кухни никак не вписывается в мой бюджет. Если только что-то совсем простенькое Но простенького не хотелось. Хотелось красивого и такого уютного, что ли? Большой круглый стол непременно из натурального дерева, износостойкая рабочая поверхность, плита с духовым шкафом, да чтоб не просто каким, а с датчиками температуры и разными программами

И что теперь, выходит, я зря выкладывала из шкафов все продукты? И надо распихивать их обратно? Не-ет!

На моё счастье, вернулся дедуля Огюстен с парой больших коробок и одной маленькой, похожей на обувную. В неё я сложила всю игрушечную мебель, содержимое целой квартиры, и чувствовала небывалый душевный подъём. Даже не стала расстраиваться из-за кухни.

Огюстен кряхтел, складывая в свои коробки дядины чертежи. И в это время по пустым комнатам как гром среди ясного неба прогремел звук, одновременно напоминавший удар церковного колокола и переливчатый стрекот цикады. Я чуть на месте не подскочила. Оказалось, так звучит переделанный дядей Руджем «вороний колокольчик».

– Кто-то пришёл, – с трудом разгибаясь, сообщил дедуля. – Ох... и как теперь быть?

Он успел разобрать и разложить едва ли треть документов, и я вызвалась сбегать в мастерскую и принять клиента самостоятельно.

– Дорочка, – растрогался старый артефактор, – спасибо! Если что-то срочное, зови, а если нет...

Если нет, то клиента можно отправить домой, а артефакт дедуля отремонтирует, как освободится. Я быстро ссыпалась по лестнице и с удивлением обнаружила в мастерской садовника Твиго с его пресловутыми ножницами.

– Что случилось, господин Твиго?

– Да всё ножницы, госпожа Валь, – с горестным вздохом ответил он. – Опять затупились. А где мастер Огюстен?

– Сейчас придёт, – в свою очередь вздохнула я, – раз вам нужно срочно.

– Ну рабочий день-то уже закончился, – скорбно сообщил садовник муниципалитета, – могу и завтра с утра забежать. Кабы вы знали, госпожа Валь, до чего мало успеваю за день, особенно если с утра на вашей улице. И феи эти – склочницы, и...

– Минуточку, – вспомнился вчерашний день, когда я лично видела фею Миранду, выплескивающую на Твиго ведро удобрений, – а вы не пытались объяснить Миранде, что в Апарисьо нельзя растить живые изгороди выше какого-то уровня?

– А почему я должен это ей объяснять? – искренне удивился он. – Есть нормативы, уложения, городской устав. А моё дело маленькое – велено стричь, я и стригу. Уж и жаловался, и докладные начальству писал, а толку-то ноль. Раз не надоедает им штрафы платить – пусть платят.

– А вы не думали... – начала было я, но быстро прикусила язык.

Если Албину не хватает денег, то ему, само собой, выгоден этот конфликт. Феи и без того уже прослыли неудобными соседями, а если ещё и пригрозить им выселением? Миранда платит штрафы и злится на Твиго. А что, если это она как-то феячит и ножницы садовника выходят из строя?

– Что, госпожа Валь? – устало спросил он.

Обычный в сущности человек, трудяга, который переживает о своём деле.

– Вы не думали, что феи могли как-то воздействовать на ваши ножницы? – аккуратно подбирая слова, спросила я.

– Конечно думал, сразу побежал проверять, нет ли каких проклятий, – закивал он, – но нет. Госпожа Борк ничего не нашла.

Я обрадовалась, но почему-то не поверила. То есть ведьминской проверке поверила, но логика противилась. Ну а потом уломала Твиго прийти за ножницами завтра утром, потому что рабочий день кончился не только у него.

Дедуля может и задержаться, но садовнику знать об этом не надо. Потому что у меня в голове крутилось что-то что-то такое про «контаминацию посторонними заклинаниями», и звучало оно в исполнении исключительно мастера-артефактора. Интересно, проверял ли он ножницы на этом вот ауроскопе? Или ауроспектрометре? Не помню, как эта древняя штука называется.

Мы распрощались, я закрыла дверь мастерской изнутри и поднялась в квартиру. Теперь тут было просторно. Лучи вечернего солнца без помех высвечивали пятна на чистом полу, выцветшие обои ждали своего часа, в углу сиротливо притулились коробки с «тряпочками» от дорогих родственниц.

Дедуля загружал последние документы из шкафа, Негодяй крутился рядом, и я быстро рассказала про визит садовника и свои подозрения. Слушали оба невнимательно.

– Дорочка, ну неужели ты думаешь, что бедные безобидные феечки могут проклясть беднягу Твиго? – с укоризной спросил дедуля.

– Не проклясть, – возразила я с улыбкой, – а контаминировать артефакт посторонним заклинанием. У нас же есть специальный прибор – ауро... чего-то там...

– Ауральный спектрометр? – мастер удивился и даже обрадовался. – Так ты запомнила! Ладно, проверю.

Я помогла ему сгрести остатки журналов и всего, что он счёл ненужным, в мусор, а потом снова использовала уменьшитель. Негодяй, наблюдая за ужасным зелёным лучом, осторожно попятился к порогу. Но в этот раз всё прошло легче. Я вздохнула, наклонилась и подобрала крошечный шкафчик, чтобы сунуть в обувную коробку к остальной мебели. Шпиц с сомнением обнюхал её, чихнул и гордо удалился в коридор.

Потом мы спустили коробки с бумагами в мастерскую, и, вместо того чтобы погрузиться в них без остатка, дедуля взял знакомые садовничьи ножницы и понёс на проверку ауральным спектрометром.

Я оказалась права. На них висело чужое заклятье, заставлявшее расходовать вдвое, а то и втрое больше эфирной энергии, из-за чего постоянно и разряжался кристалл-накопитель.

– Фея Миранда и её девочки – дедуля покосился с сомнением на ножницы, – ты думаешь, это они?

– Я и не утверждаю, что они, – я пожала плечами, – просто это было бы логично. Артефакт не показывает источник контаминации?

Старый мастер развёл руками и понёс ножницы на свой верстак, бормоча: «Сейчас мы его удалим». А у меня было два варианта: оставить всё как есть или же прогуляться с Негодяем к Миранде и вывести её на разговор. На втором этаже остались неубранные продукты, я наработалась и устала, но очень хотела, чтоб в следующий раз Твиго принёс свои ножницы тогда, когда закончится гарантийный срок. И дедуля Огюстен положил деньги за работу в свою коробку.

– Пойду я, пожалуй, в отель, – сообщила я ему, – а по дороге навещу наших соседок. Закройте мастерскую, пожалуйста.

– Конечно-конечно, Дорочка, не волнуйся, – не отрываясь от работы, ответил старик.

Я взяла Негодяя на поводок, вышла на улицу и решительно направилась к дому с жимолостью. Калитка была открыта, а фея Миранда обнаружилась в саду – она полола какие-то невиданные травки, напевала себе под нос и то и дело взмахивала крыльями, то ли исполняя невиданный танец, то ли творя неведомый ритуал. Увидев меня, фея удивилась, но перчатки с рук стянула.

– Соседка! За лекарством для бабушки или по делу?

– По делу, – честно призналась я, присаживаясь на изящную скамеечку, обсаженную кустами роз. – И, если честно, дело это касается вас и господина Твиго.

Миранда мгновенно подобралась, крылышки за спиной возмущённо затрепетали.

– Опять этот стригун настрочил жалобу? – фыркнула она. – Да знаешь ли ты, сколько сил я вложила в свою крушину? Я её растила, холила, каждую веточку магией подпитывала! А он приходит со своими тупыми ножницами и...

– Миранда, в Апарисью есть нормативы высоты зелёных насаждений, – мягко перебила я. – Разве вас не предупреждали, что за зелёную изгородь или кустарники высотой более полутора метров муниципалитет выписывает штрафы?

Миранда замерла, уставившись на меня своими зелёными глазищами.

– Какие ещё нормативы? Никто меня не предупреждал, – с возмущением заявила она. – И штрафы... – тут фея остановилась, словно налетев на невидимую стену.

– Если вы думали, что штрафы выписывают из-за жалоб садовника, то совершенно зря, – я припомнила разговор с таксистом и продолжила: – Все горожане Апарисью строго соблюдают правило полутора метров. Кроме вас.

Миранда недоверчиво слушала, лицо её при этом медленно вытягивалось, отчего у Негодяя нервно дёргалось ухо.

– И почему нас никто не предупредил? – спросила она, насупясь.

– Понятия не имею, – ответила я, не собираясь передавать ей, что все соседи считают фей, мягко говоря, неуживчивыми. – Но господин Твиго всего лишь исполняет свои обязанности. Ему велено стричь всё, что выше полутора метров, – он и стрижёт. А штрафы назначает мэрия.

– С людьми так сложно, – пожаловалась Миранда, – вот у нас сразу ясно, кто враг, кто друг. Я думала, что мэрия... – она снова затрепетала крыльями и продолжила, – что мэрия должна нам помогать. А этому горе-садовнику просто доставляет удовольствие уродовать мои растения.

– А он думал, что вы просто склочница, которая ненавидит муниципальных работников, – поддержала я. – И, кстати, о ненависти. Его ножницы, Миранда. Вы, случайно, не магичили над ними?

Она вскинула на меня свои зелёные глазищи, в которых мелькнуло что-то похожее на вину. Феи, как и природа, не умеют врать. Поэтому им так сложно с людьми.

– Ну... может быть, слегка. Чтоб быстрее тупились, – она вздохнула. – Я же не знала...

Конечно не знала. С таким-то представлением о мэрии и муниципальных работниках.

– Мастер Огюстен починит ножницы, – сказала я, вставая с уютной скамеечки, – но я надеюсь, что впредь ничего подобного не повторится.

– А тебе какая в этом выгода?

– Просто эти ножницы мы чиним по гарантии, – я пожала плечами, – мастерская и так не приносит дохода, а тут ещё и единственный мастер чуть ли не каждый день работает бесплатно.

– А я думала, только у нас в этом городе ничего не получается, – Миранда вдруг улыбнулась. – Хочешь, дам амулет на удачу?

От амулета я отмахнулась: у меня целый дом набит артефактами, только толку-то?

– А чем вы занимаетесь? Торгуете семенами и саженцами?

– С этим-то как раз всё в порядке, – ответила фея, – а мои подруги, что в растениях не смыслят, открыли косметический салон и прогорели, – она вздохнула. – Потому я так и бесилась от штрафов, ведь могла бы им деньгами помочь. А теперь аренду платить поздно, салон закрывается.

Это уже было не моё дело, своё я удачно (очень надеюсь) завершила, но всё же предложила:

– А почему вы не хотите открыть салон прямо здесь?

– Здесь у меня сад, – она фыркнула. – Растения покой любят и порядок.

И так посмотрела на Негодяя, который осторожно теребил лапой какой-то кустик (возможно, вообще сорняк!), что я сочла за лучшее подхватить шпица на руки и стала прощаться.

Глава 12

Утром следующего дня мы с Негодяем явились на Абрикосовую улицу сразу после завтрака. Даже успели поздороваться с уходящим со своими ножницами Полем Твиго. Дедуля Огюстен был погружён в изучение дядиных чертежей, и я бы не стала его отрывать, если бы не посетители, точнее посетительницы.

– Доброе утро, госпожа Борк.

Ведьма была одета в красное платье-рубашку с пояском, который подчёркивал её тонкую талию, и выглядела моей ровесницей. Под мышкой у неё торчал черенок метлы, то есть метловина метлолёта, а рядом стояла немолодая, но очень бодрая дама в простом сарафане и цветастом платочке на кудрявых волосах. В руках у неё была хозяйственная сумка размером с мой чемодан.

– Доброе, госпожа Валь, – ведьма ответила так, что сразу стало ясно: для неё это утро не доброе ни разу. – Вы спрашивали про уборку, так вот, знакомьтесь: тётушка Мадлен. Она не против прибраться в вашем доме.

– Очень рада, тётушка Мадлен, – сказала я, раздумывая, сможет ли она помочь с разбором продуктов на кухне, потому как в остальном «вени-вени-так» справлялся просто отлично, – присаживайтесь на диван, я сейчас.

На диване было чисто: Негодяй регулярно сметал собой всю пыль, но тётушка вынула из своей безразмерной торбы серую тряпицу и принялась вытирать кожаную обивку.

Жаль, мне было некогда следить, потому что ведьма прямым ходом двинулась к дедуле Огюстену, взяв в руки свой метлолёт.

– А, Томасина, – рассеянно сказал дедуля, – что там, опять поломка? Оставляй свой метлолёт, его с наскока не разобрать.

– Вообще это возмутительно, – холодно высказалась госпожа Борк. – И если б не необходимость в выходные отправляться в горы, я бы поехала за новым агрегатом в Касадену.

– Всё так плохо? – вмешалась я. – Вы же говорили, что...

– Да, я собираюсь покупать новый, – отчеканила ведьма, – но сейчас-то лететь на чём-то надо. А это, – она с негодованием взглянула на артефакт, который положила на стол дедули, – безобразие снова не держит в воздухе.

– Раз уж собралась новый покупать, может, заказать на мастерскую с доставкой? – спросил дедуля, которому явно не хотелось отвлекаться от чертежей.

– Я не буду больше ничего заказывать, – отрезала госпожа Борк, и в мастерской как будто стало прохладнее. – Только выбирать в салоне, и то после того, как сама попробую на тест-драйве.

– Ты мне не доверяешь? – дедуля так удивился, что даже привстал. – Томасина, я же делал заказ на этот метлолёт по твоим параметрам, всё в точности, как ты сказала!

– Но он не летит! – возмутилась ведьма.

– Нет, я сейчас найду, – разобиделся дедуля и полез в ящик стола, – вот, у меня всё записано! Класс метлолёта А, грузоподъёмность пятьдесят килограмм, модель «Клаудия», всё верно?

– Верно, – подтвердила госпожа Борк, – я уже два таких сменила, и до сих пор всё было прекрасно, а теперь – явный заводской брак, потому что он не летит!

– А может, дело не в нём, а в тебе? – дедуля явно полез в бутылку, ведь видно же невооружённым глазом: ведьма не в духе! – Ты инструкцию соблюдаешь?

– Огюстен, ты говори, да не заговаривайся, – холодно ответила ведьма.

– Госпожа Борк, мастер Огюстен, – торопливо сказала я, – давайте не будем ссориться. Мы в любом случае починим метлолёт, и настолько срочно, насколько это нужно, не сомне-

вайтесь. А пока я хотела бы показать вам одну вещицу, госпожа Борк, давайте сейчас поднимемся на второй этаж и

– Нет, – резко ответила ведьма, – я туда не пойду. И вообще...

– Она мне не доверяет, – пожаловался дедуля. – И тогда, получается, чинить артефакт я не возьмусь.

– Да и пожалуйста, – задрала подбородок госпожа Борк и потянулась за своим метлолётом.

Да к водяной матери всё!

Я буквально физически ощутила, как конфликт набирает высоту и сейчас рухнет нам на головы, как метлолёт, неудачно сделавший пике.

– Госпожа Борк, – я шагнула вперёд и самым наглым образом перехватила объект претензий прямо у неё из рук, – минутку передышки. Пожалуйста. Мастер Огюстен, вы тоже не кипятитесь. У всех просто расшалились нервы, а может, светила поспорили с утра пораньше. Так бывает.

Дедуля сидел с обиженным видом, но посмотрел выжидательно. Ведьма сверкнула глазами, но метлолёт вырывать не стала. Негодяй, почуяв напряжение, спрыгнул с дивана и ткнулся мне носом в лодыжку.

И не иначе как по наитию, я подумала, как было бы хорошо получить сейчас ту брошь – метлу с крылышками – прямо в руки. Послать за ней кого-то Образ стильной безделушки в моей голове проявился так ярко, будто я вижу её воочию, и место на подоконнике, где она оставалась со вчерашнего дня...

Ощущение холодного шпицева носа тут же пропало. Я посмотрела вниз: его самого тоже не было.

– Вы это видели? Вы видели, госпожа Борк? – тётушка Мадлен вскочила с дивана, с живейшим любопытством тыча пальцем в пол, на котором только что крутился Негодяй. – Собачка-то того... исчезла!

– Не обращайте внимания, – торопливо ответила я, – с Негодяем такое бывает. Сейчас вернётся.

Уверенности в своих словах у меня не было, да и вообще ситуация складывалась так, что впору паниковать, но тут Негодяй и в самом деле вернулся. И в зубах держал что-то блестящее и явно металлическое.

Так вот как это работает... Значит, настройка у нас всё же вышла двусторонней.

– Хороший пёсик, – не посюсюкать не вышло. – Умный пёсик!

– Фффф, – издал сдавленный, но очень гордый звук Негодяй.

Я под немигающими взглядами трёх пар глаз отобрала у апельсинового спасителя слегка обслюнявленную брошь, протёрла её ветошью, что использовала на диване тётушка Мадлен, и протянула госпоже Борк со словами:

– Посмотрите, мне кажется, вам будет интересно.

Ведьма с непроницаемым лицом приняла безделушку, но едва её пальцы коснулись металла, как во взгляде появилось удивление, смешанное с... узнаванием? Она глубоко вздохнула, собираясь что-то сказать, когда артефакт слабо засветился тёплым золотистым светом.

– Откуда?.. – пальцы ведьмы дрожали, гладя серебристые крылышки. – Это же это же моя. То есть не моя, но мы с Руджем вместе выбирали эскиз. Он обещал, что сделает мне такую, но потом... – теперь задрожали и губы, – потом всё закрутилось, и я думала, что он забыл.

– Нашла, когда разбирала дядины завалы, – честно ответила я. – Подумала, что надо вам отдать.

Ведьма разволновалась. Она смотрела на брошь так, будто встретила старого друга, которого не видела лет сто. И тут её очертания поплыли. Буквально. Контуры фигуры стали размытыми, как акварель под дождём, и через мгновение передо мной стояла не та стройная моло-

дая женщина в красном платье, а очень похожая, но заметно более плотная дама. Куда более внушительная.

Я моргнула. Негодяй осторожно тявкнул. Тётушка Мадлен живо вернулась на диван. И только дедуля продолжал сидеть, как будто ничего не произошло. Правда, на лице его явно читалось «А что я говорил».

Впрочем, госпоже Борк сейчас было не до нас:

– Простите, что-то я разволновалась... столько лет прошло. Рудж, оказывается, помнил. И сделал. А я...

– Ничего, ничего, – кажется, между ней и дядей случилось тотальное недопонимание, – глотните водички, подышите глубоко, – я не иначе чудом углядела рядом с дедулиным верстаком бутылку с водой и подала ведьме. – Может, присядете?

– Сейчас пройдёт, – ведьма отпила воды, успокоилась и с досадой махнула рукой, – ещё и морок слетел.

Постепенно очертания её фигуры восстанавливались, а я начала понимать, в чём дело.

– Сколько вы сейчас весите, госпожа Борк?

– Да, Томасина, сколько? – бестактно повторил дедуля.

– Не знаю, – вздохнула ведьма, – в последнее время немного поправилась. Сама не заметила как.

– С кем не бывает, – подала голос тётушка Мадлен.

Действительно, с кем? Если только с феями? Но сейчас речь не о том.

Грузоподъёмность метлолёта рассчитана на пятьдесят килограммов максимум. И он не летит из-за перегруза. Кажется, это дошло не только до меня.

– Томасина, – дедуля Огюстен медленно поднялся, подошёл к ведьме и сказал с укоризной, – вот нельзя было по-человечески? Я бы тебе сразу с другой грузоподъёмностью заказал. А ты всё брак да брак.

– А я, по-твоему, должна всем докладывать, что растолстела? – вспыхнула ведьма, но в голосе уже не было прежней злости, только смущение.

– Могла бы просто другую модель выбрать, без объяснений, – хмыкнул дедуля. – Пошли, взвесим тебя и определимся.

Госпожа Борк поджала губы, но брошь в её руках продолжала светиться, успокаивая, и они с дедулей двинулись на склад запчастей.

Я окончательно выдохнула и повернулась к тётушке Мадлен:

– Давайте я покажу вам, что мне нужно, а вы решите, возьмётесь или нет.

Та оторвалась от дивана, подхватила свою торбу и ответила:

– Если у вас тут каждый день так интересно, то я уже решила.

Мы поднялись на второй этаж, и я распахнула дверь в квартиру. Тётушка Мадлен вошла, огляделась и присвистнула:

– Ого, как тут просторно. К ремонту готовишься?

– Да, и мебель новую хочу заказать, – кивнула я. – Проходите на кухню, ваша работа там.

По дороге думала, что сказать этой незнакомой женщине про обновлённые пол, стены и потолок. Но говорить ничего не пришлось.

– Понимаю, понимаю, – завздыхала тётушка, – к такому ремонту непременно и мебель нужна. А хорошая кухонная мебель – это не жук чихнул, это ж и материал качественный, и работа, и чтоб мастер с опытом.

– И не говорите, – в свою очередь вздохнула я, – но пока это никак не вписывается в мой бюджет, так что задача на сегодня такая: мебель отмыть, продукты разобрать и по полкам разложить.

Тётушка Мадлен окинула взглядом горы консервов на подоконнике, россыпь круп, запасы сахара и муки на столе и уточнила:

– Это что ж, всё от покойного дядюшки осталось? Вроде он артефакты ремонтировал, а не лавку с продуктами держал?

– Вроде, – сложно было с ней не согласиться. – Я тут чуть спину не сорвала, пока выгребала.

– И что, выбросить хочешь?

– Ни в коем случае, – возмутилась я. – Продукты выбрасывать нехорошо. К тому же я люблю готовить.

– Это правильно, – тётушка Мадлен расплылась в довольной улыбке. – Это по-нашему. Надо только срок годности на консервах проверить, ну да это я быстро.

Она достала из своей безразмерной сумищи перчатки, тряпки и моющие средства – штук восемь разных бутылочек – и сообщила, сколько хочет за свою работу. Я без раздумий отдала деньги, и женщина окончательно прониклась к нам тёплыми чувствами, потому как ни с того ни с сего стала хвалить Негодяя.

– И пёсик у тебя волшебный. Мне такие нравятся – с характером.

Шпиц немедленно объявился рядом, подтверждая, что действительно с характером: пока не позовут, не явится. Он важно обошёл тётушку Мадлен, демонстративно обнюхал её сумку и, не найдя ничего съестного, удалился обратно с видом оскорблённого достоинства.

– Хорош, – засмеялась тётушка. – Ладно, что без дела стоять?

И она взялась за тумбу мойки, разбрызгав по деревянным панелям одно из своих средств.

Я какое-то время постояла в дверях кухни, но потом махнула рукой. Не следить же мне за ней? И своих-то дел хватает, к тому же надо было спуститься в мастерскую и проверить, как там дедуля, сумел ли угодить ведьме с новым заказом, и вообще выяснить, до чего они там договорились.

– Потом покажете мне, что куда разложили, – попросила я, прежде чем уйти.

Внизу уже царила идиллия: дедуля Огюстен и госпожа Борк примирились и утрясли все детали заказа нового метлолёта, а сейчас дружески разговаривали, пока мастер ковырялся в метлолёте старом.

– Госпожа Валь, – заметив меня, сказала ведьма, – за эту брошь благодарю от всей души. Заходите ко мне пообедать, поужинать или просто выпить чайку в любое время.

– Спасибо, – просто отозвалась я, – зайду непременно.

Ведь на самом-то деле благодарить нужно не меня, а дядю Руджа, но этот лайнер ушёл от нас в дальнее плавание и уже не вернётся.

– Томасина, – подал голос дедуля, – всё готово. Когда знаешь причину поломки, чинить-то намного проще.

– Не ворчи, Огюстен, – погрозила ему пальцем госпожа Борк.

Вокруг неё разливалось то золотистое сияние, что появилось вместе с брошью. Оказалось, что она приколола её на лацкан своего платья, и всё вместе смотрелось очень стильно. Настроение ведьмы изменилось полностью: казалось, она готова обнять сейчас весь мир.

Но вместо это подхватила свой метлолёт и заторопилась к выходу.

– Ну вот, – сказал дедуля, когда за ведьмой закрылась дверь, – теперь у неё будет меньше шансов сломать новый агрегат.

Если она опять не поправится. Но что-то подсказывало, что вскорости госпожа Борк, наоборот, похудеет, потому что радость всегда положительно сказывается на внешности женщины, пусть она хоть трижды ведьма.

– Главное, что у вас будет меньше шансов его чинить, – с улыбкой ответила я.

В этот момент на пороге объявился новый клиент – старичок, выглядевший древнее дедули лет на сто, который двигался тем не менее бодро, и принёс ремонтировать такой же древний артефакт. Как я об этом догадалась? Конечно, по восторженному крику мастера:

– Господин Босхо, неужели это непотеряйка? Я и не думал, что такие ещё сохранились!

– Проходите, присаживайтесь, – я предложила клиенту место на диване, но тот отказался, нависнув над столом дедули.

– Я, деточка, если выпущу свой маячок из виду, непременно о нём забуду. Возраст, знаешь ли.

Господин Босхо оказался одним из местных долгожителей, которому перевалило уже за сто сорок, и без артефакта-маячка для своих вещей обходиться не мог. Непотеряйка походила на небольшую серебряную монету без цифр, но с едва заметной вязью рун по краю. Её центр был обязан светиться разноцветными искрами: зелёный цвет связывал артефакт с ключами от дома, золотистый – с кошельком, голубой – с очками, которые хозяин частенько терял на собственном лбу. В таких случаях достаточно было нажать на центр артефакта и мысленно позвать пропажу. Искра внутри начинала пульсировать, а на потерянной вещи загоралась точно такая же. Кроме того, она издавала низкий звук на случай, если разглядеть потеряшку не представлялось возможным.

Сейчас, к сожалению, артефакт звучал и не светился, и мастер Огюстен с трепетом приступил к ремонтному священнодействию. Господин Босхо всё так же стоял у него над душой, а я решила посмотреть мебельные каталоги. Если сегодня после обеда приедет Мауро и не найдёт новых тайников, то мы до вечера управимся с ремонтом в коридоре и комнатах, а завтра уже можно переезжать.

Утром я предусмотрительно захватила с собой рабочий блокнот, где были выделены страницы для личного поиска. И устроилась за столом, где работала с документами мастерской, сразу погрузившись в комфортный мир мягкой мебели. Негодяй тут же запрыгнул сначала на колени, а потом прямо на стол и с интересом уставился на картинки, время от времени тыча носом в особенно приглянувшиеся диваны. Судя по тому, что больше всего внимания удостоился огромный угловой монстр цвета тёмного шоколада с кучей подушек, у нас намечались разногласия во взглядах на комфорт.

– Нет, – строго сказала я, перелистывая страницу. – Этот диван для большого офиса, а не для квартиры. На нём же потеряться можно.

Негодяй обиженно фыркнул и переключил своё внимание на другой – компактный, но с высокой спинкой и подлокотниками, явно рассчитанными на то, чтобы на них можно было положить голову.

– Этот лучше, – согласилась я. – Но давай посмотрим дальше.

Выбор дивана оказался делом ответственным. Я перелистывала картинки и представляла, как буду сидеть вечерами с работой и смотреть в окно на закат, как Негодяй будет оккупировать подушки, как зимой можно будет устроить посиделки с пледом, горячим какао и почему-то в последнем варианте под пледом оказывались не только мы со шпицем, но и Мауро. Я потрясла головой, чтоб выбросить оттуда всё ненужное, и вернулась в реальность. В итоге победил вариант, который устроил и меня, и Негодяя: не слишком большой, но глубокий, с мягкими подлокотниками и съёмным чехлом. Цвет – тёплый бежевый, универсальный, подойдёт к любому интерьеру.

Со шкафом вышло проще. Я точно знала, что хочу: высокий, светлый, с раздвижными дверцами и большим зеркалом посередине. Вместительный и практичный, чтобы внутри – отдельный гардероб, много полок и обязательно выдвижные ящики для мелочей. Такой вариант нашёлся быстро, и я даже пометила его закладкой, чтоб ненароком не потерять. Потом ещё раз всё прикинула и сделала заказ.

– ...готов. Лет пять точно проработает, а потом приносите на профилактику, – вырвал меня из мечтаний голос дедули Огюстена.

– Вот спасибо, сынок, вот выручил, – радовался в ответ господин Босхо.

Я повернулась и с удовольствием отметила, как довольный клиент кладёт деньги на верстак мастера, а тот лезет за своей коробкой для выручки.

День, едва не начавшийся со скандала, плавно перешёл в фазу «жизнь налаживается». Потом мы с дедулей обсудили, где лучше купить сосисок для Негодяя и красного сухого вина для вчерашней курицы, которую я планировала приготовить на обновлённой кухне, если тётушка Мадлен успеет с уборкой до обеда.

Конечно, дедуля твердил, что в Апарисью лучше всего покупать всё на рынке, это я уже уяснила, и идти не так далеко. Так что я спрятала блокнот, нацепила на Негодяя поводок и с обещанием скоро вернуться вышла на Абрикосовую улицу.

Жара подбиралась к темечку, но Негодяй не обращал на неё никакого внимания, прыгал и резвился. Я подумывала о покупке широкополой шляпы, а рынок уже собирался сворачиваться. Молочный ряд почти опустел, зато овощей было много, да и в мясном ещё стояли продавцы. Так что сосисок я прикупила, а потом и связку золотистого лука, свежих помидоров, моркови, специй и дошла наконец до вина. Серьёзного вида дядька пытался сначала втюхать мне самые дорогие бутылки, но я твёрдо стояла на своём: молодое, красное, сухое. Для курицы по рецепту бабули Полетты чем кислее, тем лучше.

– Из бочки попробуйте, – сдался продавец.

Небольшой бочонок с краником стоял на прилавке, я слизнула каплю с краешка стакана и с трудом удержала лицо: кислятина неимоверная.

– Подходит, наливайте.

Потом мы возвращались назад, и я всерьёз пожалела, что не взяла у дедули артефакт-уменьшитель. Слишком нагрузилась. С другой стороны, продукты – это же не мебель, их потом надо увеличивать, а вот про артефакт-увеличитель мастер ничего не говорил. Может, его и в природе не существует.

В общем, к мастерской я подошла, чуть ли не обливаясь потом. Нет, в следующий раз буду разумной хозяйкой. Прихвачу носильщика. Или взять напрокат мобиль? Интересно, в Апарисью есть прокат мобилей?

Донести сумки до квартиры помог дедуля Огюстен, оторвавшись от изучения чертежей. А там сияли чистотой отмытые мебель и холодильник, мойка чуть ли не сверкала, а тётушка Мадлен заканчивала раскладывать по полкам консервы.

– Чудесно, – только и сказала я. – Вы просто профессионал своего дела.

– Скажешь тоже, – отмахнулась пожилая женщина, – просто порядок люблю.

– Зря вы так, – я выгрузила свои покупки на чистый, совершенно переменившийся стол, – талант не должен пропадать. Я очень благодарна госпоже Борк за то, что она уговорила вас прийти и помочь.

– Ну мне-то дома тоже скучно сидеть, – засмущалась тётушка, – а у вас тут вон как весело. Может, ещё где прибраться надо?

Вот тут я и задумалась. Мне-то теперь такой капитальной уборки не потребуется ещё долго. Но сколько времени пришлось ждать этой возможности

– Скажите, а в Апарисью все хозяйки такие чистоплотные, вроде вас?

– Да разные есть, – пожала плечами она. – Ну пару подруг моих чистоплотными могу назвать, а что?

– А вот если организовать из вас клининговую службу? – мысль тут же побежала дальше. – Представьте, если кому-то нужна уборка, он не бегает по городу и не спрашивает соседских жён, а сразу приходит к нам со своим заказом. А дальше вы решаете, сами справитесь или подруг позовёте.

– Клининговая служба? – широко улыбнулась тётушка Мадлен. – Слова-то какие заумные. По-простому назовёмся: уборочная команда.

Глава 13

Когда новоиспечённая глава «уборочной команды» собрала свою безразмерную сумку и убыла извещать подруг о новостях, я ещё раз оглядела отмытую кухню и решила, что всё не так и плохо. Во всяком случае, на первое время сгодится. Руки уже чесались приготовить наконец-то курицу, которая ждала со вчерашнего дня, и я не стала отказывать себе в удовольствии.

Шпиц, учуявший, что в воздухе пахнет моим желанием покулинарить, немедленно материализовался у ног и уставился взглядом, полным немого обожания и готовности пожертвовать собой ради дегустации.

– Не уверена, что тебе можно есть курицу в вине.

Негодяй насторожился и выразительно покосился на купленную бутылку с сухим, молодым и красным. А зачем ты собралась портить этой кислятиной хорошее мясо, читалось на его умилительной морде.

– Вот сосиску дать могу, – продолжила я, подходя к холодильнику.

Негодяй чихнул и сунулся под ноги. Судя по звуку, это означало «сосиски сейчас, курица потом». Я выдала ему пару штук и на какое-то время смогла спокойно заняться куриной тушкой. Порезала её на порционные куски, благо в одном из ящиков нашлись специальные ножницы для птицы. Потом тщательно обмыла, обсушила и натёрла их солью с перцем.

Дальше началось священнодействие. Я нарезала лук и морковь такими аккуратными кубиками, что ими можно было бы выложить мозаику. В большой чугунной кастрюле (спасибо дяде Руджу за запасы посуды) растопила сливочное масло с оливковым и принялась обжаривать птицу со всех сторон до золотистой корочки.

Запах поплыл такой, что Негодяй, доевший сосиски, не усидел на месте, подпрыгнул и едва ли не человеческим голосом потребовал кусочек на пробу.

– Не отвлекай, – шикнула я, вынимая курицу и загружая в кастрюлю нарезанные овощи.

Они шкворчали и пахли так, что я стала понимать страдания шпица. Когда лук стал прозрачным, а морковь мягкой, я вернула курицу обратно, влила два стакана вина и досолила будущий соус. Туда же отправились букетик из тимьяна, лавровый лист и пара зубчиков чеснока.

Кастрюля осталась томиться на медленном огне, а я с удовлетворением накрыла её крышкой, чтобы отсечь источник умопомрачительного запаха. Ну и соблюдая инструкцию, конечно, потому как следующий час всё это должно было тушиться до готовности.

Негодяй тоскливо косился то на меня, то на плиту. Пришлось использовать незаменимую резиновую косточку. И пока он отвлёкся, я убрала все следы своей хозяйственной деятельности, вымыла посуду и стол и нашла в буфете несколько тарелок, переживших дядину эпоху. Надо будет обязательно угостить дедулю Огюстена и Мауро, когда приедет.

Час пролетел незаметно. Когда я сняла крышку, по кухне разлился такой аромат, что даже у меня потекли слюнки. Что уж говорить про бедного шпица. Но сначала всё же стоило попробовать, что получилось. Я выложила на тарелку кусочек грудки, отрезала немножко, подула и отправила в рот.

Курица была нежнейшей, буквально таяла на языке. Соус – густой, насыщенный, с винными нотками и пряным послевкусием. Скажу без ложной скромности, вышло гениально.

Негодяй, не выдержав пытки, взвыл дурным голосом. Пришлось делиться. Правда, ему я выделила совсем немного, зато вид у пса был такой, будто он только что попал в рай для собак. Но я не поддалась и твёрдо сказала:

– В добавке отказано.

Возможно, апельсиновому вымогателю и удалось бы меня разжалобить, но в этот момент в дверь постучали.

– Да, – крикнула я, – открыто!

– Дора, это я, – раздался голос Анри.

– Привет, заходи, – я подскочила из-за стола, чтобы взять для него чистую тарелку. – Есть будешь?

– Привет, – сказал он, появляясь в поле зрения, – а чем у тебя так божественно пахнет?

– Курица в вине по рецепту моей бабушки, – ответила я с довольной улыбкой. – Мой руки и садись.

Каждый, а если точнее, то каждая знает, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок. А лаурданский мужчина всяким кулинарным изыскам предпочитает хорошее мясо, но сегодня у меня была только курица. И судя по всему, в её оценке Мауро не слишком-то отличался от Негодяя.

– Я вообще-то стены пришёл проверять, – всё же предпринял он слабую попытку сохранить достоинство.

– Стены никуда не убегут, – резонно заметила я, ставя перед ним тарелку. – А курица остынет.

Он замер на секунду, но всё же повернулся помыть руки. При этом продолжал принюхиваться, как будто всё не мог поверить, что вот тут, рядом с ним, стоит тарелка с едой – источник этого запаха.

– Как съездил к маме?

– Спасибо, хорошо, – Мауро уселся на табурет и взял вилку.

Первая проба была аккуратной, почти осторожной. Вторая – более уверенной. А потом он стал жевать с таким видом, будто пытался запомнить вкус на всю оставшуюся жизнь.

Я дважды подкладывала ему добавки, но разговорами не отвлекала. Пусть проникнется.

– Слушай, – наконец он наелся, и по лицу было видно: человека настигло просветление, – а ты, случайно, не ведьма? Потому что так готовить – это чистая магия.

– Ты просто не знаешь, какая кулинарка моя бабушка, – скромно потупилась я. – У нас в семье без этого умения пропадёшь, да и люблю я готовить, хоть удаётся редко.

Мауро переварил обе части моего сообщения, отдал дань уважения бабушке и спросил, что мне мешает чаще бывать на кухне. Я забрала его тарелку и рассказала, чем занимаюсь и где работаю.

– Полгода в море, – Мауро, кажется, не удивился. – Я тоже часто работаю в других городах и странах, потому и домом до сих пор не обзавёлся.

– Удачно мы с тобой тут встретились, – я улыбнулась и поправила волосы.

Жест был чистым кокетством, но Анри, который точно его заметил, твёрдо сказал:

– Дора, в прошлый раз я решил промолчать, ведь тебе позвонил начальник. Потом помешал мэр. Но больше я не могу держать тебя в неведении: в коридоре твоей квартиры есть тайная дверь.

Вот так новость! Я чуть не подскочила на месте с требованием немедленно показать эту тайную дверь и ринулась в коридор. Ведь точно, Анри обследовал стену, когда позвонил господин Монтгомери, а я, услышав предложение поработать, сразу отложила все дела!

Мауро каким-то образом оказался в коридоре первым и ткнул пальцем в стену. Негодяй, прискакавший следом, уставился на него взглядом, полным такого драматизма, что позавидовали бы лучшие актёры королевского театра.

– Не смотри на меня так, – буркнул Мауро, – я просто не успел сказать раньше.

Шпиц обиженно фыркнул и перевёл взгляд на меня.

– Не обижайся на Анри, – сказала я, – сейчас он нам всё покажет.

– Я уже всё показал, – развёл руками он. – Дверь тут, но, как её открыть, я понятия не имею.

– Тяв, – самодовольно сказал Негодяй.

Стало ясно, что он-то точно знает, как открыть дверь. И я тогда, получается, тоже должна знать? Связь же у нас двусторонняя?

– Негодяй, иди сюда, – позвала я, и шпиц, мгновенно забыв про обиды, запрыгнул ко мне на руки. – Что мне нужно сделать или сказать чтобы дверь открылась?

В голове замелькали образы, от которых я слегка оторопела. Всё это время и не вспоминала про шкатулку из моего детства, которая была набита всякими собачьими безделушками и украшениями, но сейчас она виделась мне будто издалека и такой большой, словно я была всё ещё маленькой. Водяная матерь, да ведь так её видел двухкилограммовый Негодяй!

– Так, я поняла, – сказала я вслух, – иду за шкатулкой.

Шкатулку после всех пертурбаций с дядиной мебелью я оставила на подоконнике вместе с немногими другими нужными вещами, а вот что нужно из неё взять? Я распахнула дверь в маленькую комнату, шагнула внутрь и услышала удивлённый присвист Мауро:

– Ого! Ты уже вывезла мебель?

– Нет, просто уменьшила с помощью артефакта, – я улыбнулась и махнула рукой в сторону коридора, где стояла коробка с кукольным гарнитуром. – Вон она, вся тут.

Он заглянул в коробку и восхищённо покачал головой.

– Ничего себе. Я знаю, Руджеро был мастером, но чтобы так – он покосился на меня с уважением. – Ты точно не ведьма?

– Точно, – усмехнулась я и вернулась к раскрытой шкатулке. – Негодяй, может, сам выберешь, что нужно?

Шпиц услышал меня, спрыгнул на подоконник и деловито сунул нос в шкатулку. Порылся там и ухватил зубами заколку в виде бабочки, крылышки которой были сплошь усыпаны стразами. При этом смотрел на меня с явным превосходством.

– Что мне нужно с ней сделать? – спросила я, осторожно вынимая из его пасти почти не обслюнявленную безделушку.

Не на себя же нацепить? Негодяй довольно тявкнул и покрутил головой вправо – влево.

– Да, ты красавчик, знаю, – согласилась я. – Лучше покажи, что делать.

Шпиц снова тявкнул – теперь недовольно, потом замер, и в моей голове снова поплыли образы. Точнее, один-единственный, очень яркий образ Негодяя с этой бабочкой на пушистой чёлке. Водяная матерь, да ведь у него уже есть бантик. Или он тоже артефакт? Ну и дура же я, таскала собакена к ветеринару, а бантик на голове проверить не догадалась!

– Дора, всё в порядке? – осторожно спросил Мауро, видя, что я застыла, слегка подвиснув.

Бедняга уже, наверное, устал удивляться всему, что происходит на его глазах в этом доме.

– В порядке, да, – заставляя дышать себя медленно, ответила я. – Просто эти безделушки наверняка тоже артефакты.

– И что тут странного, ведь твой дядя был артефактором, – очень здраво отметил Мауро.

А ещё он был гением и явным параноиком. И чуть не обхитрил самого себя, оставив что-то важное в виде девчачьих аксессуаров в детской шкатулке. Там, где по определению не может быть ничего серьёзного. Я ведь запросто могла бы это всё просто выбросить! Или оставить пылиться в дальнем углу, а потом благополучно забыть.

Я моргнула, возвращаясь в реальность, и нацепила на нетерпеливо вертящегося шпица заколку-бабочку.

Негодяй спрыгнул с подоконника на пол и важно прошествовал в коридор. Мы с Мауро переглянулись и пошли за ним.

В коридоре ничего не изменилось.

– Ну, и что теперь? – спросила я скорей саму себя, чем Анри.

– Может, ты снова должна пожелать то, что хочешь? – тем не менее ответил он. – Помнишь, как в кухне?

– Пожелать? – уточнила я. – Произнести вслух что-то вроде: «Дверь, откройся»?

– Тяв, – решительно подтвердил Негодяй.

Мы переглянулись, и несколько долгих секунд ничего не происходило. А потом, когда я уже готова была умыть руки, стена вдруг бесшумно ушла в сторону, открыв перед нами тёмный проём. Оттуда пахнуло тёплым, сухим воздухом, и я было сделала шаг вперёд, но Мауро придержал за плечо.

– Подожди, дай осмотреться.

В ход снова пошёл его фонарик. Пятно света заскакало по хорошо ошкуренному старому дереву, а я чуть не поднырнула ему под руку, чтобы разглядеть хоть что-нибудь.

– Лестница, – сказали мы одновременно.

За дверью была верхняя площадка, а сами ступени круто уходили вниз, теряясь в темноте.

– Любопытно, – с профессиональным интересом сказал Мауро, – может, на первом этаже есть какое-то тайное помещение? Или это лестница в подвал?

– Спустимся – узнаем, – пожала я плечами.

– Тяв, – поддержал меня Негодяй.

Меня немного насторожило, что он не рвался вперёд, как обычно. Темноты он не боялся, он, по-моему, кроме ветеринарного осмотра, вообще ничего не боялся. А может, просто уже бывал здесь?

– Наверняка тут где-то должен быть световой активатор, – пробормотал Анри, уже прицельно обшаривая стены в поисках выключателя. – Точно!

Он хлопнул ладонью, и одна за другой стали медленно разгораться лампы, очень похожие на «вечные», но как будто немного другие. И по форме, и по качеству освещения. В их тёплом желтоватом свете стало видно длинную лестницу – она явно вела не на первый этаж, а куда-то намного глубже.

– Я пойду первым, – сказал Мауро. – На всякий случай.

Я согласилась, что это разумно, снова подхватила Негодяя на руки и пошла следом. Ступени поскрипывали, но держали крепко. Да и в целом лестница не выглядела ветхой. Воздух становился ещё суше, в нём что-то как будто гудело или потрескивало, но за спиной Анри мне ничего не было видно.

– Ого, – сказал он негромко, когда мне оставалось несколько последних ступенек.

– Что там? – не вытерпела я и наконец ступила на каменный пол.

Оказалось, что это подвальное помещение без окон размером чуть больше мастерской. В центре, на массивной каменной плите, стояло нечто, отдалённо похожее на гибрид парового котла и часового механизма. Медные трубы разбегались в разные стороны, скручиваясь и сплетаясь в беспорядке у стен и потолка, как будто с ними поиграл очень большой кот. Рядом с основным агрегатом размещались небольшие щитки с рычагами и индикаторами, многие из которых медленно мигали зелёными огоньками.

Похожая штука, правда, размером побольше, размещалась в трюме «Принцессы морей», обеспечивая бесперебойную работу всех артефактов корабля.

– Магогенератор? – благоговейно прошептал Мауро. – Невероятно! Твой дядя создал уникальный «умный дом»!

Я бы, пожалуй, тоже повосхищалась дядюшкиным гением, но шпиц сердито заворчал и забарахтался. Должно быть, захотел обнюхать углы и исследовать помещение в целом. Я едва успела спустить пса на пол, как он пулей ринулся куда-то за центральный агрегат и громко залаял.

– Что там такое, Негодяй?

– Может, крысы? – предположил Мауро, но сам себя одёрнул. – Вряд ли в таком подвале заведутся крысы.

Негодяй продолжал заходиться в лае, и я поняла: дело нечисто. В голове промелькнули обрывочные образы острых игл, нацеленных прямо в шпица.

– Негодяй, назад! – рявкнула я, испугавшись за апельсиновую морду. – Ко мне!

И сама побежала на помощь. Зацепилась за какую-то торчащую трубу, больно ударилась локтем, споткнулась и приземлилась на колени возле надрывавшегося пса. Он с негодованием облаивал... Водяная матерь, а это ещё кто?

На уровне пёсьей морды прямо в воздухе висели два крошечных «человечка» и угрожающе махали теми самыми иголками, которые для них, должно быть, были чем-то вроде шпаг или... Нет, я определённо схожу с ума, такого не может быть!

– Дора, ты цела? – Мауро уже был рядом, тянул меня за плечо, пытаясь поднять. – Что случилось? Больно?

– Цела, – отмахнулась я, не в силах оторвать взгляд от крошечных созданий. – Анри, пожалуйста, скажи мне, что ты их тоже видишь.

– Кого? – он проследил за моим взглядом и замер. – Ох ты ж... А это кто вообще?

Он их видел. Крошечные существа, ростом едва ли с пол ладони, висели в воздухе, яростно размахивая шпажками-иголками. Одеты они были в какие-то обтягивающие костюмы, напоминающие старинные скафандры для подводных погружений, а на головах красовались миниатюрные каски. Цвет костюмов определить было трудно, он перетекал, как вода, меняясь от синего к зелёному и обратно. Крыльев у них не было, но это не мешало им парить в воздухе и с яростью пикировать на Негодяя.

– Кто вы такие? – выдохнула я, пытаясь встать. – Негодяй, фу, фу, я сказала!

Пёс замолчал, но не сдвинулся с места, готовый в любой момент снова броситься на мелких чужаков.

– А это ты нам скажи, кто такая, чтобы врываться в наше жилище! – взвизгнул один из крошек, взмахнув иголкой уже в мою сторону.

– Тихо, парни, тихо, – успокаивающе сказал Мауро, – спрячьте ваше оружие.

– Мы вам не враги, – поддержала его я.

– Дора, может, это домовые? Или мелкие фейри без крыльев, – заметив, что его поняли, Мауро переключился на меня и наклонился, чтобы поднять. – Я думал, они только в сказках бывают.

– Ага, сейчас мы тебе покажем «в сказках»! – пропищали «парни» и вдвоём спикировали на Мауро, явно намереваясь ужалить его иголками.

Но Негодяй был быстрее. Он подпрыгнул, щёлкнул зубами прямо перед их носами, и человечки с визгом отпрянули.

– Негодяй, фу! – повторила я, дотягиваясь до апельсиновой шкирки. – Не трогай их, они же маленькие!

– Мы не маленькие! Мы нормальные! – с возмущением пропищал один из крошек.

– Это вы гиганты ненормальные! – вторил ему второй.

– А ну цыц! – рявкнул Мауро так, что проняло даже меня. – Спрячьте оружие. Я Анри, – он ткнул пальцем себе в грудь, – она Дора, хозяйка этого дома, это её пёс. А вы кто такие и что тут делаете?

Пока человечки переглядывались, он таки поставил меня на ноги. Потом они спрятали свои иголки и взлетели повыше, снова оказавшись на одном уровне с нашими лицами. Негодяя я решила с рук больше не спускать, но он всё равно воинственно дёргал ушами и недовольно ворчал, обнажив клыки.

– Хозяйка, говоришь? – с сомнением пропищал тот крошка, что казался чуть крупнее. – А где старик?

– Дядя Рудж умер, – мягко сказала я. – И оставил дом мне.

– Вот оно что, – пискнул другой, помельче. – Тогда понятно...

– А я вам говорил: что-то не так, – внезапно рядом с двумя забияками появился третий человечек.

В отличие от них, он был в тёмно-лиловом костюме, а руки сложил на груди. Левитации это совершенно не мешало.

– Прошу прощения, – пропищал он, обращаясь прямо ко мне, – за своих невежливых товарищей. Они не хотели никого напугать, просто ваше лохматое чудовище...

Негодяй дёрнулся и звонко клацнул зубами, что заставило вежливого человечка отпрянуть назад.

– Фу, – я успокоительно погладила апельсиновую чёлку, – не называйте его чудовищем, и всё будет в порядке. А вы вы, получается, тут живёте?

– Живём, – буркнул первый крошка, – за порталом следим. За магогенератором, за трубами, за всеми механизмами.

– У нас договор был с Руджеро, – пояснил человечек в сине-фиолетовом, – на обслуживание всего этого, – он взмахнул крошечной ручкой, – хозяйства.

– А можно взглянуть на ваш договор? – по образовавшейся привычке просматривать бумаги почившего дяди спросила я.

– Нельзя, – тут же ощетинились оба сине-зелёных.

– Нелегалы из Авалона? – вполголоса спросил Мауро.

– Авалон? Первый раз слышу, – дипломатично ответил фиолетовый. – Мы пиксомы. Я Трипт, мои друзья Стейп и Свитт.

Про пиксомов я тоже слышала в первый раз. Честно говоря, я и про Авалон мало что слышала, кроме того, что там случилась природная катастрофа, после которой его уцелевшие жители стали массово переселяться на земли трёх королевств. Ближе всего территориально оказался Окан, поэтому его феи заселили первым. Но вот, оказалось, что они есть даже в Апарисью. Но это феи. А вот эти крохи?

– Хорошо, – сказала я вслух, – полагаю, в наших общих интересах продлить договор. Какая у вас была зарплата?

Среди моих крошечных будущих работников случился ступор. Потом они дружно зачирикали что-то по-своему, размахивая ручками и крутя головами.

– Нелегалов обычно нанимают за кров и еду, – тихо сообщил Мауро.

– Ты же никому не скажешь, что я буду им платить? – усмехнулась я.

Во-первых, если людям (пусть они и пиксомы) не создать нормальных условий, они и работать будут так себе. А то ещё и пакостить втихую. Во-вторых, я ничего не смыслю в магогенераторах. А дядюшка-гений смыслил, однако этих крохотулек всё равно нанял. Значит, мне обязательно надо сделать так, чтобы они захотели остаться. Про в-третьих я додумать не успела, потому что пиксомы прекратили чирикать.

– Мы заключим с тобой договор, новая хозяйка, – сообщил Трипт и назвал сумму – чуть больше той, что зарабатывал дедуля Огюстен в неделю. – Только переводи деньги на счёт, а не наличкой.

– Номер счёта? Реквизиты банка? – спросила я деловито.

– Предоставим, – пообещал Стейп. – Старик всё записывал, у тебя есть бумага?

Бумага нашлась у Мауро. Он достал блокнот и раскрыл его перед Триптом, а тот... я не поняла, что это было, только вдруг вокруг него засверкали синие искры, которые целенаправленно полетели в сторону блокнота, где сами собой стали появляться цифры.

– Прекрасно, – кивнула я. – А теперь я бы хотела выслушать ваши пожелания. Может, вам нужно что-то особенное?

– Вообще-то у нас всё есть. Не жаловались, – Трипт покачал головой.

– Это ты не жаловался, – буркнул Свитт, – а у меня уже спина болит всё время на камне спать.

– Так вот кто у меня постоянно паклю таскает! – возмутился Стейп.

Они воинственно зачирикали по-своему, налетая друг на друга, как два воробья. Я вопросительно поглядела на Трипта, который так и висел в воздухе со сложенными на груди руками.

Тот с мученической гримаской махнул рукой куда-то в угол подвала.

– Не обращай внимания, новая хозяйка. У нас есть гнездо. Нормальное.

Я пригляделась. В углу, за переплетением труб, действительно виднелось нечто, отдалённо напоминающее заброшенное птичье гнездо размером с небольшой мяч: куча пыли, старой пакли, какие-то тряпки, обрывки бумаги и проволоки.

– Если вас всё устраивает, то никаких проблем, – тактично скрыв возмущение этим бардаком, сказала я. – Но, как мне кажется, для вас можно обустроить жилище получше.

– Дора, ты же о той мебели? – спросил Мауро. – Для них она будет в самый раз!

– Принесёшь? – просительно протянула я, непроизвольно скопировав Ванильку и её бровки домиком.

Не Негодяя же мне гонять? Ему пришлось бы таскаться несколько раз за каждым предметом, ещё и обслюнявил бы всё.

Мауро только кивнул, и через миг его ботинки уже грохотали по лестнице. Пока его не было, Трипт пытался приструнить своих товарищей, но те только распалялись.

Зато когда Анри вернулся и поставил на пол коробку с уменьшенными диваном, креслом, стульями, кроватью, шкафом и даже маленьким столиком, которые навскидку казались идеального размера для пиксомов, крохи затормозили прямо в воздухе и недоверчиво уставились на меня.

– Ребята, – я улыбнулась во весь рот. – Кажется, это ваш размер?

– Это что, всё нам? – совсем тонко пропищал Стейп, и его каска чуть не съехала набок.

– Я наверху ремонт затеяла, а вам как раз пригодится. Берите, обживайтесь.

Свитт первым спикировал в коробку и плюхнулся на диван.

– Ого, жить можно, – сообщил он, – диван, чур, мой!

– Почему это твой? – вслед за ним внутрь юркнул Стейп. – Он вон какой большой!

– Это всё всерьёз? – строго спросил меня Трипт. – Уверена, что не передумаешь?

– Абсолютно, – снова улыбнулась я, – и как только вы переселитесь, нужно будет убрать отсюда «гнездо».

Глава 14

Когда мы с Мауро поднялись наверх, оставив пиксомов обживаться в их новом коробочном жилище, оказалось, что уже наступил вечер. Трипт обещал показать и рассказать, как устроен магогенератор, но уже завтра. Сегодня пиксомы должны были разобрать гнездо и выбросить весь мусор. Куда и как, я не спросила, ну да ничего, спрошу потом. Мы договорились, что дверь в подвал останется открытой, но по-прежнему тайной.

Когда Мауро последним шагнул с лестницы в коридор, стена снова показалась обычной стеной.

– Доверяешь им? – спросил он с сомнением. – Нелегалы могут принести работодателю крупные неприятности.

– Дядя Рудж им доверял, и они исправно работали. К тому же я совершенно не разбираюсь в магогенераторах.

Мауро хмыкнул, признавая мою правоту, и достал из своего безразмерного кармана футляр стеноскопа.

– Ну что, продолжим обследование? – спросил он. – Раз уж с одним тайным ходом разобрались, пройдусь по остальным стенам прямо сейчас. Вдруг где-то ещё сюрприз завалялся?

– Давай, – кивнула я. – А я пока чайник поставлю. Негодяй, пойдёшь со мной или будешь контролировать процесс?

Шпиц покосился на Мауро, на его прибор, потом на меня и, видимо, решив, что кухня – место более перспективное в плане возможной еды, увязался за мной. Ну да, на плите ещё оставалась сковорода с курицей в вине, но снова делиться с Негодяем я не собиралась. У меня ещё дедуля Огюстен не кормленный, да и Анри, возможно, захочет добавки.

Пока я возилась на кухне, он обошёл со стеноскопом обе комнаты. Но больше ничего не нашёл.

– Твой дядя, видимо, решил, что одного тайника вполне достаточно, – развёл он руками, когда вернулся и уже почти привычно уселся за стол.

– Одного, говоришь? – я махнула рукой в коридор, где за стеной скрывалась потайная лестница. – А магогенератор? И маленькие соседи?

– Ну, это не тайник, это уже инфраструктура, – улыбнулся Мауро. – Знаешь, я каждый раз подхожу к твоему дому в уверенности, что уже разгадал все секреты. Но он каждый раз меня удивляет.

– Знал бы ты, как меня тут всё удивляет, – сказала я, присаживаясь напротив. – Спасибо тебе. Правда. Без тебя я бы, наверное, так и не узнала ни про тайник, ни про подвал.

– Да ладно, – отмахнулся Мауро, но по глазам было видно: ему приятно. – Ты бы и сама справилась. Просто с профессионалом быстрее.

– Ну раз тайников больше нет, можно заказать дому ремонт, – заметила я, ставя перед Мауро чашку с заварившейся лаврозой. – Кстати, что там с моей сантехникой?

– Привезут завтра-послезавтра, – ответил Анри. – Я сразу с тобой свяжусь. А насчёт ремонта очень заманчиво. Я бы хотел ещё раз взглянуть на такую магию.

И мы принялись обсуждать, как лучше поступить с ванной: сначала смонтировать новую сантехнику, а потом заказать дому ремонт, или сделать всё наоборот, вдруг дом настолько умён, что и с сантехникой справится?

В процессе мы выпили по чашке лаврозы (в дядиных запасах, кстати, была очень неплохая) и, когда я настояла-таки на натуральной сантехнике от настоящего мастера, перешли к обсуждению будущего обеих комнат и коридора.

– Хочу, чтобы потолок был визуально выше, стены светлые, а пол ну, пусть будет таким, как уже получился в кухне, – выдала я все хотелки разом.

– С потолком есть несколько решений, – лицо Мауро изменилось, взгляд стал спокойным и почти отстранённым, – смотри, можно сделать по периметру комнаты фальш-потолок любой формы, а в центре добавить объёма за счёт росписи по штукатурке. Видела купольные потолки изнутри?

– Пошли прикинем на месте, – предложила я, вставая.

Купольные потолки, на мой взгляд, были уместнее в общественных местах, дворцах и храмах, но кто знает, вдруг Мауро удастся меня убедить?

Я сгребла шпица с пола, где он дожёвывал новую порцию сосисок, и понесла вслед за Анри в коридор.

– Ну что, – мастер стоял ровно в центре прихожей, – давай по отработанной схеме? Ты предлагаешь, я уточняю.

– А Негодяй визирует. Давай, – согласилась я, подошла к стене в коридоре и положила на неё ладонь. – Тут нам надо выровнять стены и покрасить в светло-бежевый.

– Отойди от стены, – приказал Мауро непререкаемым тоном, и я поспешила послушаться. – Красим по штукатурке или, может, обои?

Я, чувствуя себя полной дурой, сказала, что это не важно.

– Значит, фактурная штукатурка и бежевая краска, – решил за меня мастер. – Потолок?

– Пусть будет что-то такое, чтобы потолок казался повыше, – снова неопределённо ответила я.

– Тогда попробуем бордюры на стенах с переходом на потолок, – предложил он. – Пол?

– Мне нравится новый пол на кухне, – здесь определиться было легче.

– Всё? – переспросил Мауро. – Ну, что скажешь, Негодяй?

Негодяй покосился на меня, потом на него и сказал своё утвердительное «тяв». Какое-то время, как и в прошлый раз, ничего не происходило, но Мауро всё же приобнял меня и предложил отойти с рабочей поверхности. Мы отступили в пустую маленькую комнату, причём руку с моей талии он так и не убрал.

И тут меня снова отвлекли от волнующих переживаний: стены едва заметно дрогнули. Нет, не так, чтобы обои пошли волнами, но лёгкая вибрация прошла по всему пространству прихожей, и осветительный артефакт под потолком мигнул.

– Ого! – выдохнул Мауро над ухом. – Началось!

В следующий миг по стенам побежала лёгкая рябь, как по воде от брошенного камня. Старые обои начали сползать, словно их стирали невидимой губкой. Она оставляла после себя идеально ровную, чуть шершавую поверхность с рельефом, готовую к покраске. А через пару мгновений по стенам разлился тёплый молочно-бежевый цвет. Ровный, спокойный, уютный.

– Ничего себе, – прошептала я, забыв про руку Мауро на талии.

Потолок в коридоре тоже изменился. Он приподнялся, как я и хотела, за счёт того, что по периметру появилась едва заметная лепнина, уходящая вверх, создававшая иллюзию высоты. А в центре засветился мягкий плафон, который идеально гармонировал с лепниной за счёт повторяющегося узора.

– Дом не просто «умный»! Он гениальный, – мне захотелось захлопать в ладоши.

Но в этот момент началось преобразование пола. Всё было как в прошлый раз на кухне: сначала из старых досок вылетали гвозди, потом доски переворачивались в воздухе и в процессе приобретали гладкость, свежий цвет и лаковое покрытие, а после укладывались на свои места. Пыль поднялась облаком, но «вени-вени-так» не дремал. Уборочный артефакт сразу приступил к работе, стоя на пороге кухни, так что когда всё закончилось, мы увидели обновлённую прихожую в полном блеске свежести и чистоты.

Но восхищаться долго одним коридором не хотелось, не было времени, и я потянула Мауро в большую комнату. Там всё пошло по накатанной колее: я говорила, чего хочу, Анри уточнял, Негодяй давал утвердительный вердикт, а дом слушал и преображался.

Стены выровнялись, окрасившись в чуть более светлый вариант молочно-бежевого, потолок визуально приобрёл лёгкий купольный свод с изящной лепниной, а пол стал почти таким же, как на кухне – светлое дерево, но с более тёплым медовым отливом. Идеально!

Затем всё то же, кроме пола, мы повторили в маленькой комнате. «Вени-вени-так» тоже работал, не покладая лопастей.

– Ну вот, – заключил Мауро, когда всё в квартире приобрело новый свежий вид, – всё как ты хотела.

Я кивнула, чувствуя, как от умиления щиплет в носу. Дом в точности исполнил все мои желания. Самодовольное «тяв» поставило очередную точку, и я предложила:

– Ну что, пойдём поужинаем? Курицу доедим?

Негодяй сразу соскочил с рук и помчался на кухню, а Мауро придержал меня со словами:

– У меня есть предложение

В удивлении развернувшись почти на сто восемьдесят градусов, я оказалась к нему совсем близко, практически упёрлась руками в широченную грудь. Замерла и подняла взгляд. Анри посмотрел на меня в упор, склонился и осторожно поцеловал. Нервы сдали, я обхватила его за шею, не позволяя отстраниться, и закрыла глаза, отдаваясь новым ощущениям. Они были такими волнующими, что на какое-то время я потерялась где-то между поляной с единорогами и горным склоном с обжигающей вулканической лавой. И если б не негромкое «кхе-кхе», кто знает, что было бы дальше.

– Дорочка, я тут – окончательно прокашлялся дедуля Огюстен, – вы простите старика, но

Мы с Мауро отпрянули друг от друга, как два школьника, застуканных на горячем.

– Как хорошо, что вы зашли, мастер Огюстен, – затараторила я, – пойдёмте на кухню, я курицу приготовила по бабушкиному рецепту.

Дедуля начал отнекиваться, мол, зашёл сказать, что домой собрался и мастерскую закрывает, но я была непреклонна.

– Вы ещё ремонт не видели, – добавил Анри и смущённо отвёл взгляд.

– Точно! – подхватила я. – Анри, покажи комнаты, а я пока сковороду разогрею.

– Это вы уже всё закончили? – дедуля Огюстен сощурился и сделал неуверенные шаги по новому полу прихожей.

– На потолок посмотрите, – крикнула я уже из кухни, – это просто фантастика!

Старик был ошарашен. Когда я вернулась к мужчинам, поставив курицу греться, он с недоверием трогал стены и цокал языком.

– Невероятно, просто невероятно! Дорочка, ты же теперь можешь переехать из гостиницы!

– Как только привезут мебель, – скромно ответила я. – Пойдёмте ужинать.

Курицу два мастера доели чуть ли не моментально, причём Мауро в восторге закатывал глаза, а дедуля твердил:

– Дорочка, ты волшебница!

Недоволен был один Негодяй, с которым никто не поделился даже косточкой, потому что дедуля объявил, что куриные кости по какой-то там причине нельзя давать маленьким собачкам.

Потом я разлила по чашкам лаврозу, и мы спокойно и умиротворённо наслаждались её вкусом, глядя в окно на закатное солнце.

– Наконец-то у дома появилась хозяйка, – дедуля Огюстен поднялся. – Ну, пора мне и честь знать.

– Мне тоже, – подхватил Мауро.

– Идите, – вздохнула я. – Сейчас сполосну посуду и тоже буду собираться в гостиницу.

Потом я пообещала Огюстену, что закрою мастерскую, и взялась за губку с мыльной пеной.

– Так я подвезу вас с Негодяем, – от порога крикнул Мауро. – Спускайся, как закончишь.

Лучше б остался может, закончил бы то, что начал до прихода дедули Но я не позволила себе расстроиться. В конце концов, можно пригласить его в свой номер. Или ещё куда-нибудь. Или действительно переехать скорей?

В общем, посуда была домыта в кратчайшие сроки. Я уже совершенно спокойно и даже привычно подхватила на руки шпица, повесила на плечо сумку и спустилась в мастерскую. Немного повозилась с ключами, но справилась.

Машина Мауро стояла рядом с дверью. Я влезла на пассажирское сидение и спросила:

– А что ты хотел предложить?

– Когда? – удивился он.

– Перед тем, как нам помешал дедушка Огюстен, – ответила я.

Анри в этот момент стартанул, внедорожник дёрнулся, потом остановился и только потом поехал, плавно набирая скорость.

– Не помню, – сквозь шум двигателя признался он. – Ты не в обиде?

– Ну что ты, – тоном коварной обольстительницы протянула я, – наоборот, подумываю, не пригласить ли тебя в гости.

– В гости – это хорошо, – вздохнул он, – но это не ты должна меня приглашать. А мне пока пригласить тебя некуда.

Я даже растерялась слегка. Но потом напомнила себе: лаурданские мужчины знамениты тем, что твёрдо придерживаются традиций. А по неизвестно откуда возникшим традициям за место для интимной встречи отвечает мужчина.

– Совсем-совсем некуда? Может, хоть на природу пригласишь?

Надеюсь, мой голос прозвучал не слишком жалобно?

– Отличная мысль, – обрадовался он. – Завтра мне нужно съездить в Гальетту, а послезавтра поставим в твою ванную сантехнику и прокатимся за город.

На этом мы и распрощались. Мауро уехал, а мы с Негодяем зашли в ресторанчик рядом с Сен-Сентуро за его порцией тисканья и мясных косточек. Я в ожидании почти решила выпить бокал сухого красного, но тут в сумке задребезжал бормотунчик.

– Дора, ну что там у тебя? Держишься? – первым делом спросила тётка Розалия, едва дождавшись моего ответа.

– Закончила ремонт, – почти не соврала я, – завтра перееду в дом.

– Ну вот, – обрадовалась тётка, – я в тебе ни секунды не сомневалась. А собака?

Я покосилась на Негодяя, которого в данный момент тискали бармен и официантка, в то время как повар, бросив кухню, вынес на тарелочке приличный кусок чего-то мясного.

– Шпиц в порядке, правда, жрёт как не в себя. И это при его-то двух килограммах.

– Ну я же говорила, что ты справишься, – в голосе Розалии появилось умиление, – вся в своего дедушку Костаса!

Дедушка Костас – отец моего отца – славился тем, что мог договориться с любой четвероногой тварью. Его уважали даже коты, что уж говорить про лис, волков и собак.

– Дядя Рудж сделал мне артефакт, – справедливости

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.